

**СИМФЕРОПОЛЬСКИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ
1972, 1974 и 1977 ГОДОВ
НАД ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ
И КАРАТЕЛЯМИ – ИЗМЕННИКАМИ РОДИНЫ,
НАХОДИВШИМИСЯ НА СЛУЖБЕ
У НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ
В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1941-1945 ГОДОВ
В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»
(Сборник публикаций)**

КРЫМ – 2019

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

В 1970 году при проведении земляных работ на шестом километре шоссе Симферополь – Николаевка были обнаружены ранее неизвестные места массовых казней советских людей времен оккупации Крыма немецко-румынскими захватчиками 1941-1944 годов.

В результате масштабных раскопок было обнаружено 28 ям, из которых извлечены останки 1480 жертв фашистского оккупационного террора. Впечатляющий результаты поисковых работ значительно дополнили уже ранее выявленные Чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в апреле 1944 года вещественные доказательства массового уничтожения советских патриотов немецко-румынскими палачами и их местными пособниками, которые происходили в этом же районе на территории совхоза «Красный», в том числе и где располагался зловещий концлагерь смерти.

Шокирующие результаты официально проведенного Республиканской комиссией совершенных нацистскими убийцами преступлений подробно освещались в крымской прессе, привлекли к этому исключительному событию широкие слои общественности и побудили органы государственной безопасности активизировать оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия по отысканию военных преступников и карателей – изменников Родины, находившихся на службе у немецко-румынских оккупантов, которые были причастны к совершенным кровавым злодеяниям.

В результате многолетней кропотливой работы органами КГБ были выявлены три группы лиц из числа граждан СССР, скрывших свои военные преступления и поэтому избежавших заслуженного наказания. Все они были привлечены к уголовной ответственности и над ними в 1972, 1974 и 1977 годах в Симферополе состоялись открытые судебные процессы. Судебное разбирательство осуществлялось на выездных сессиях военных

трибуналов Краснознаменных Киевского (1972 г.) и Одесского (1974 и 1977 гг.) военных округов, которые признали всех подсудимых виновными в совершении тяжких преступлений и приговорили большую часть из них к высшей мере наказания - расстрелу, а остальных к длительным срокам тюремного заключения.

Для крымчан, переживших лихолетья немецко-румынской оккупации 1941 – 1944 годов, героическая и вместе с тем трагическая история полуострова была известна не по летописям, она разворачивалась на их глазах и писалась с их непосредственным участием. Многие из них являлись активными участниками партизанского и подпольного движений, защищали и освобождали Крым от оккупантов в рядах Красной армии и военно-морского флота, затем восстанавливали полуостров. Во всех их семьях сохранилась горькая память о многочисленных ничем невозполнимых утратах родственников и знакомых, безвинно погибших от рук фашистских палачей.

Этим обусловлен огромный интерес жителей полуострова к указанным судебным процессам и справедливые требования к трибуналам подробно разобраться в преступлениях каждого из подсудимых и именем закона справедливо наказать их.

Учитывая эти существенные требования, центральный печатный орган Крымского областного комитета Коммунистической партии Украины – газета «Крымская правда» печатала от своих специальных корреспондентов не только подробные отчеты о работе трибуналов, но в них также с публицистическим талантом детально анализировались и раскрывались причины звериной жестокости оккупантов и их местных пособников к своим жертвам:

«ЗА ЧТО УБИЛИ ИХ? Военнопленных. Безоружных. За то, что духовно не сдались палачам. За то, что продолжали бороться всеми возможными в их положении способами с непрошенными чужеземными захватчиками и насильниками. За то, что не предали Родину, оставаясь верными ей. А женщин, детей, стариков? Наверное, потому, что само слово «советский» захватчики хотели стереть с лица земли. Фашизм по природе своей – заклятый враг нашего мира, мира света, чистоты, добра и преданности высоким идеалам, какой несли в себе советские люди, какой заложен был революцией в каждом из нас – от ребенка до старика.

Передо мной признание – самих палачей. Его они посылали своим оберразбойникам своему начальству. Цитирую: «Коммунистическому режиму, который свергнул старые порядки России, удалось за 25 лет подготовить духовно большую часть народа, и в особенности членов партии и комсомола, для того, чтобы в пользу партии и народа выдержать и пройти через все трудности и препятствия... Из информации (читай: доносов, - Г. С.), видно, что эти люди не проходили специальной подготовки в мирное время, ибо для выполнения таких заданий необходимо единственное качество: это воля и решительность к выполнению порученных заданий, даже с риском для жизни. Констатировано, что таких людей СССР имел и имеет достаточно... Из заявлений допрошенных усматривается, что очень много людей сами предлагают свои услуги в проведении подпольной работы, что способствовало резкому увеличению численности партизанских отрядов и подпольных организаций и стало сегодня опасным организмом, внушающим страх».

Кроме этого, авторы публикаций детально «препарировали» историю предательства каждого из подсудимых, во всех подробностях раскрыли их духовное и моральное разложение, чудовищный садизм, дикое варварство и кровожадность. Журналисты убедительно показали, что преступления совершались не абстрактными фашистами или предателями Родины без рода и племени, а каждое из них имеет свою историю с конкретным именем иуды. Эти публикации должны были служить серьезным предупреждением от сознательно готовящихся преступлений подобного рода, в том числе и на национальной почве, и о гарантированной по закону справедливости неотвратимости наказания.

И еще: главный посыл журналистов к читателям заключался в том, чтобы напомнить им один из главных уроков истории, написанный кровью: забыть подобные преступления или исказить правду о них – значит предать историческую память о погибших героях и своими руками дать возможность повторить подобные злодеяния в еще большем масштабе и в более ужасной форме...

В последующие годы и десятилетия, видимо по мотивам «политической целесообразности» Симферопольские судебные процессы были «забыты» и сведения о них упоминаются только в качестве кратких информационных справок, в основном в интернете, например на сайте Википедии. И это несмотря на то, что Российским военно-историческим обществом еще с

2015 году в рамках интернет-проекта «Советский Нюрнберг» осуществляется публикация документов по 21 открытому судебному процессу над нацистскими преступниками и их пособниками.

Качественно новый этап в сохранении исторической памяти об исторических событиях – местах массовых убийств и принудительного содержания советских граждан в созданном оккупантами концлагере на территории совхоза «Красный» связан с открытием в селе Мирном Симферопольского района в 2015 году мемориального комплекса памяти жертв этого концлагеря смерти, а также приуроченное к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов издание книги «Лагерь смерти: совхоз «Красный». Симферополь. ООО «Антиква». 2015 г., которая стала библиографической редкостью. (Авторы текста О.В. Романько, В.Н. Гуркович, А.Г. Коровяковская-Скрипниченко, Г.Н. Гржибовская. Составитель: Г.Н. Гржибовская).

Предлагаемый читателю сборник публикаций «Симферопольские судебные процессы 1972, 1974 и 1977 годов над военными преступниками и карателями – изменниками Родины, находившимися на службе у немецко-румынских оккупантов в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в освещении газеты «Крымская правда» включает в себя все изданные газетой статьи о «Симферопольских Нюрнбергах» и послужит существенным дополнением к книге «Лагерь смерти: совхоз «Красный».

Необходимые разъяснения к публикации

В прилагаемых ниже текстах статей упоминаются 147-й и 152-й татарские добровольческие батальоны «СД», несшие охрану концлагеря на территории совхоза «Красный» и принимавшие участие в том числе с отдельной охранной ротой «СД» в массовых казнях узников.

Данные батальоны и аналогичные ему (с 147 по 154) , состоявшие из добровольцев – жителей Крыма (в основном крымских татар, являлись подразделениями «вспомогательной полиции порядка» (Schutzmannschaft der Ordnungspolizei или Schuma). «В организационном и оперативном отношении все ветви крымской Schuma были подчинены начальнику полиции порядка генерального округа «Таврия» СС-бригаденфюреру (или генерал-майору полиции) К. Хитшлеру, который управлял ими через свои соответствующие отделы на местах»*.

Как отмечает известный крымский историк, доктор исторических наук Романько О.В. в другой своей публикации «Германия в период Второй мировой войны использовала иностранных добровольцев в весьма значительных количествах. Поэтому, нет ничего удивительного, что в номенклатуре воинских формирований, организованных из них, указывалась национальная принадлежность. И примеров тому – великое множество. Не были исключением и крымско-татарские коллаборационистские части, в названиях которых слова «Krimtataren», «Tataren» или «tatarische» встречается постоянно...»**

Кроме этого, в самой коллаборационистской прессе времен оккупации Крыма эти подразделения именовались как «добровольческие татарские батальоны». Отсюда данное название было использовано в советских документах, воспоминаниях и периодической печати.

В публикациях приводятся факты, фигурировавшие на процессах, как убедительные доказательства участия добровольческих татарских батальонов в карательных акциях по уничтожения населенных пунктов Крыма, а также активная организующая роль мусульманских комитетов в идеологической и вооруженной борьбе на стороне фашистской Германии и ее союзников против Советского Союза.

Сборник рассчитан на историков, краеведов и широкие круги общественности.

Прим.* Романько О.В. Немецкая оккупационная политика на территории Крыма и национальный вопрос. (1941-1944). Монография. Симферополь 2009. С. 131.

Прим.** Романько О.В. Об одной несостоявшейся сенсации, или некоторые проблемы методологии исследований по истории Крыма в период Второй мировой войны. Материалы международной научно-практической конференции «VII Кирилло-Методиевские чтения» (КГМУ им. С.И. Георгиевского) 22-23 мая 2014 г. – Симферополь: Дом Писателей им. Домбровского, 2014.

В.Н. БОРИСОВ

РАЗДЕЛ I

ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА» И В ДРУГИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ 1970 ГОДА ПО ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫМ ФАКТАМ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ И ИХ МЕСТНЫХ ПОСОБНИКОВ, СЛУЖИВШИХ ОККУПАНТАМ В 147-м И 152-м ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ТАТАРСКИХ БАТАЛЬОНАХ ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ПОРЯДКА – SCHUTZMANNSCHAFT DER ORDUNGSPOLIZEI ИЛИ «SCHUMA» (SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 147 (KRIM-TATAREN), SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN), КАК ПРЕДЫСТОРИЯ СИМФЕРОПОЛЬСКИХ СУДЕБНЫХ ПРОЦЕССОВ 1972, 1974 И 1977 ГОДОВ.

№ 1. ФАШИСТСКИХ ПАЛАЧЕЙ – К ОТВЕТУ! С ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИИ ДЛЯ СОВЕТСКИХ И ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛИСТОВ

Огромные жертвы, страдания и разрушения принесла всему человечеству вторая мировая война. И особенно тяжкие испытания выпали на долю советского народа, принявшего на себя основной удар фашистских полчищ и спасшего мир от коричневой чумы. Под руководством Коммунистической партии весь народ нашей страны поднялся на борьбу с вероломным врагом, в смертельной борьбе отстаивая свободу и независимость своей Родины, разгромил немецко-фашистских захватчиков.

Трудящиеся Крыма, героические защитники Севастополя, доблестные партизаны проявили в этой борьбе невиданное массовое мужество и стойкость, показали беззаветную преданность великому делу коммунизма, сыновнюю любовь и верность своему Отечеству.

Гитлеровцы совершили в Крыму неисчислимые преступления. В свое время Министерство иностранных дел СССР отмечало, что самые чудовищные и кровавые злодеяния гитлеровцы учинили в Крыму. Мы помним и никогда не забудем Багеровский ров под Керчью, где фашистские палачи расстреляли, замучили, закопали живыми семь тысяч советских граждан, в том числе много женщин, детей и стариков. В наших сердцах и сейчас острой болью отзывается трагедия на Красной Горке в Евпатории. Гитлеровские изверги расстреляли тут более 12 тысяч человек – почти всех мужчин города, от 14-летних мальчишек до глубоких стариков. Здесь же покоятся тысячи женщин и детей, убитых варварами XX века. Пять тысяч евпаторийцев были угнаны на каторжные работы в Германию, и подавляющее большинство из них замучено в неволе, умерло от истязаний, голода и болезней.

Мы помним и никогда не забудем страшный ров на 12-м километре шоссе Симферополь – Феодосия, в котором захоронено около 12 тысяч мирных, ни в чем не повинных жителей, помним муки и смерть партизан и

подпольщиков, попавших в застенки гестапо, виселицы на улицах крымских городов и сел.

Людей сажали в концлагеря, расстреливали и вешали в Севастополе и Керчи, в Ялте и Алуште, в Феодосии и Бахчисарае. Симферополь в период оккупации был превращен в страшный гестаповский застеноч, где свирепствовали безудержный террор и разбой, совершались чудовищные расправы над мирными жителями. Кровью невинных жертв пропитаны противотанковый ров у Курцовской Балки, «Картофельный городок», армянское кладбище и много других мест массовых казней.

К этим неисчислимым преступлениям нацистских инквизиторов и их сподручных – подлых изменников Родины – прибавилось еще одно кровавое злодеяние. Как уже сообщалось в печати, недавно обнаружены новые места массовых казней советских людей в районе совхоза «Красный».

Правительство УССР создало специальную Республиканскую комиссию по расследованию этих преступлений гитлеровцев.

Вчера, 25 декабря, в Симферопольском Доме культуры железнодорожников состоялась пресс-конференция для советских и аккредитованных в Москве иностранных журналистов.

В фойе Дома культуры выставлены вещественные доказательства массового уничтожения советских людей – сохранившаяся обувь жертв нацистского террора, предметы личного пользования – мундштуки, зажигалки, перстни и т.д. Тут же представлено большое число фотодокументов, изобличающих фашистских варваров.

На конференцию прибыли председатель Республиканской комиссии – заместитель Председателя Совета Министров УССР П.Т. Тронько, члены комиссии – министр социального обеспечения УССР, дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров, заместитель министра внутренних дел УССР П.А. Олейник, заместитель прокурора УССР П.Г. Осипенко, секретарь Крымского обкома партии, член облисполкома М.Л. Тишин, первый секретарь Симферопольского горкома партии М.В. Ревкин, заместитель председателя Крымского облисполкома В.В. Барановский и другие, а также члены городской комиссии по расследованию злодеяний гитлеровцев в районе совхоза «Красный».

Присутствуют на пресс-конференции корреспонденты центральных газет страны и республики, ТАСС и РАТАУ, радио и телевидения, корреспонденты газет ряда военных округов и Краснознаменного Черноморского флота, журналисты крымских газет, радио и телевидения. Прибыли иностранные журналисты ГДР, Чехословакии, МНР, КНР, США и Японии.

В зале – приглашенные на пресс-конференцию бывшие крымские партизаны, подпольщики и узники гитлеровских концентрационных лагерей, а также трудящиеся города Симферополя, рабочие совхоза «Красный», студенты мединститута.

Пресс-конференцию открыл заместитель Председателя Совета Министров УССР П.Т. Тронько, который после вступительной речи огласил заявление Республиканской комиссии по расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами в районе совхоза «Красный» Крымской области.

- Прошло уже много лет, - говорит тов. Тронько, - со дня исторической победы советского народа в Великой Отечественной войне против гитлеровских захватчиков. В этой войне наш народ отстоял завоевания социализма и сокрушил фашизм – самое мрачное порождение империализма.

Недавно стало известно новое кровавое злодеяние немецких фашистов и их приспешников, совершенное в концентрационном лагере в районе совхоза «Красный».

Временно оккупировав Крым, фашистские захватчики с потрясающим садизмом приступили к осуществлению массового истребления мирного населения. В роли наиболее свирепых палачей выступили карательные отряды «СД» - службы безопасности, «ГФП» - тайной полевой полиции и другие карательные органы.

Гитлеровцы создали во многих городах Крыма концентрационные лагеря. Тысячи советских граждан – военнопленных, партизан, подпольщиков, а также мирных жителей, среди которых женщины, старики и даже дети, томились в концентрационном лагере на территории совхоза «Красный». Его охраняли рота солдат «СД» и два добровольческих татарских батальона, сформированных гитлеровцами из предателей Родины.

На основании неопровержимых фактов установлено, что на протяжении всего периода существования концентрационного лагеря здесь проводилось массовое уничтожение советских патриотов.

Чрезвычайной комиссией по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков еще в апреле 1944 года было установлено, что за два с половиной года существования концентрационного лагеря нацистские палачи и их сообщники замучили и расстреляли, сожгли и утопили в районе лагеря и местности, именуемой «Дубки», более 8 тысяч советских патриотов.

В лагере царил кровавый режим пыток и издевательств. Узников избивали плетями из бычьих жил и проволоки, им причинялись неизмеримые страдания. Люди голодали, их кормили «баландой», состоящей из воды и отрубей. Они были разуты и раздеты, спали в бараках на голых нарах, их заедали вши.

30 сентября 1970 года на шестом километре шоссе Симферополь – Николаевка во время проведения земляных работ обнаружены ранее неизвестные места массовых казней советских людей.

В настоящее время на территории совхоза «Красный» дополнительно произведены и производятся раскопки, в результате чего обнаружено 28 ям, из которых извлечены останки 1.480 убитых и замученных советских граждан.

Многочисленными вещественными доказательствами и документами, заявлениями советских граждан, свидетельскими показаниями, протоколами опросов, заключением судебно-медицинской экспертизы с участием экспертов профессоров Рубежанского А.Ф., Арешева П.Г. и Зяблова В.И., кандидата юридических наук Бергера Б.Е. и других специалистов, расследованием этого преступления, произведенным членами комиссии, установлено, что в гибели и зверском уничтожении советских людей на территории совхозы «Красный», где, как доказано, погибло около 10 тысяч человек, виновны: бывший начальник концлагеря лейтенант Шпекман Карл, его заместитель Гунце Ганс и Рейнер Ганс, комендант лагеря Краузе Пауль, командир батальона «СД» Рот Вильгельм Ганс, его заместитель Штеккан Ганс, командир роты Ширинский Ягъя, унтер-офицер Аппель Фрид – сотрудник «СД» в лагере, сотрудник концлагеря Айзель, начальник канцелярии лагеря Комерляндер Отто, начальник «СД» Крыма и Таврии оберштурмбанфюрер Цапп Пауль, заместитель начальника «СД» гор.

Симферополя Гирке, начальник следственного отдела «СД» Вихерт, следователь «СД» Пантельман, полицаи-фюрер Крыма генерал фон Альвенслебен, военнослужащие охранной роты «СД», тайной полевой полиции и румынского контрразведывательного органа «Центр-Н».

В гибели и массовом уничтожении мирных советских людей виновны также лица, служившие в 147 и 152 татарских добровольческих батальонах, которые принимали непосредственное участие в преступных акциях против советских граждан в концлагере на территории совхоза «Красный».

Мы не можем допустить безнаказанности военных преступников и их приспешников по мотивам «давности» их злодеяний или по другим предлогам. Все эти выродки, руки которых обогреты кровью советских граждан, должны предстать перед судом и понести суровую кару. Мы это делаем не из чувства мести. Это наш долг перед замученными ни в чем не повинными советскими людьми, их осиротевшими семьями, перед всем человечеством.

Реакционные круги Запада из кожи вон лезут, чтобы оправдать фашизм, заставить людей забыть его ужасные преступления. Но в сознании народов никому и никогда не удастся вытравить страшную правду минувшей войны.

Трудящиеся Советской Украины, весь наш народ требует от правительства Федеративной Республики Германии выдачи военных преступников, совершивших кровавые злодеяния в районе совхоза «Красный», для предания их советскому суду.

Затем выступил председатель судебно-медицинской экспертной комиссии проф. А.Ф. Рубежанский. Он говорит о том, что среди расстрелянных гитлеровцами советских граждан есть останки многих детей 3-4-летнего возраста, мальчишек 14-15 лет. Фашистские палачи, как установила комиссия, истребляли также стариков, инвалидов, женщин.

В скорбной тишине просмотрели участники конференции документальный фильм, заснятый Крымской студией телевидения на месте раскопок массовых захоронений на территории совхоза «Красный». Пробитые пулями человеческие черепа, скрученные проволокой кисти рук, горы останков погибших... Немецко-фашистские людоеды не только проводили массовое истребление людей, но и измывались над своими жертвами с невиданным садизмом.

После просмотра фильма советские и иностранные корреспонденты задали целый ряд вопросов. На них ответили П.Т. Тронько, А.Ф. Федоров., П.А. Олейник, М.В. Ревкин, А.Ф. Рубежанский, В.В. Барановский.

Говоря о зверствах гитлеровцев и их пособников из 147 т 152 татарских добровольческих батальонов, члены комиссии называли конкретных лиц, виновных в этих преступлениях. А.Ф. Федоров, отвечая на вопрос, остановился на изощренных методах издевательства гитлеровцев. Как установлено, людей в концлагере содержали в невыносимых условиях. За малейшую провинность их истязали, избивали палками, плетьюми, привязывали на много часов к столбам, где они теряли сознание под палящими лучами солнца. Узников приводили к месту казни группами и в одиночку, привозили в «душегубках», их расстреливали, закапывали в землю живыми, бросали в колодцы. Чтобы замесии следы своих злодеяний, фашисты устроили специальную площадку, где сжигали трупы.

Комиссия установила, что заключенных концлагеря уничтожали систематически на протяжении существования лагеря. Дважды полностью истреблялись все заключенные лагеря.

На вопрос, как будет увековечена память погибших советских людей на территории совхоза «Красный» П.Т. Тронько сообщил, что останки замученных и расстрелянных советских граждан будут с почестями захоронены по решению правительства, на месте погребения будет воздвигнут обелиск, а в районе массовых расстрелов - заложен парк.

После пресс-конференции ее участники направились автобусами на территорию совхоза «Красный», где осмотрели место расстрелов и останки погибших.

Новые факты о преступлениях фашистов наполняют болью и гневом сердца всех советских людей. Фашистские инквизиторы и их сподручные должны понести суровое наказание. Нет и не может быть никакого прощения им – никогда и ни при каких обстоятельствах!

Недавно раскрытое преступление гитлеровцев вновь разоблачает перед всем миром звериное лицо фашизма, призывает всех нас к еще большей бдительности. Фашизм вновь поднимает голову во многих странах и под разным обличем. Его почерк виден в происках неонацистов ФРГ, в массовом

терроре расистов против коренного населения ЮАР, в казнях испанских патриотов, в пламени и крови вьетнамской деревушки Сонгми.

Будем же всегда начеку, будем всемерно укреплять экономическое и военное могущество нашей Родины – надежного оплота мира.

Г. СОКОЛОВ
В. ЯГУПОВ

Газета «Крымская правда от 26 декабря 1970 г.

№ 2. НЕТ ПРОЩЕНИЯ УБИЙЦАМ!

Говорят, время лечит любые душевные раны и сушит слезы. Может быть это правда. Даже, наверное, правда. Но раны ранам – рознь. И разные бывают слезы. Бывает больдуши, как пожар на торфянике: сверху все дышит покоем, а внутри – пламя...

ВЫПИСКА ИЗ ДОКУМЕНТА

«30 сентября 1970 экскаваторщик строительного управления № 621 Виктор Иванович Тамарли и бульдозерист Василий Иванович Грек брали грунт на шестом километре шоссе Симферополь – Николаевка. Работавелась в местности «Дубки». Ковш экскаватора зачерпнул человеческие кости. Работа была прекращена.

2 ноября с.г. в присутствии Симферопольской городской комиссии по расследованию фактов массового уничтожения советских людей немецко-фашистскими захватчиками, состоявшей из заместителя председателя горисполкома П.П. Марченко (председатель), секретаря правления городской организации Общества охраны памятников истории и культуры П.Г. Самохвалова (секретарь) и членов комисс – персонального пенсионера, председателя секции партизан и подпольщиков при Военно-научном обществе С.И. Мартынова, заведующего отделом коммунального хозяйства исполкома городского Совета К.Е. Щитникова, председателя обкома профсоюза работников автотранспорта и шоссейных дорог В.П. Павленко, заслуженной артистки УССР П.П. Литвиненко, инструктора горкома комсомола В.И. Лукьянова, епископа симферопольского и крымского Антония – было начато обследование района работ. В результате раскопок обнаружены новые, до настоящего времени неизвестные места массового уничтожения советских граждан гитлеровскими захватчиками...»

ОТСЮДА ХОРОШО ВИДНЫ «ДУБКИ», НАД КОТОРЫМИ ВОЗВЫШАЕТСЯ ОБЕЛИСК. До него примерно метров четыреста. Он стоит на западе. За

спиной в ложине - Симферополь. Город раздался вширь за послевоенные годы, и окраины его все ближе и ближе подходят к этому страшному валу.

Всего несколько десятков шагов в сторону от обрыва, и – тишина, покой. Над головой – высокое небо. И кажется, что в весеннюю пору кинулся бы на теплую эту землю и лежал бы, слушая журчание жаворонков, басовитую песню шмелей, да следил бы за легким полетом облаков.

Но никогда уже не предстанет такой перед моим взором кусочек этой земли. Отныне в ушах моих тишина здешнего места будет прошита злобным лаем фашистских команд и пистолетными выстрелами. И перед глазами будут стоять они. И падать на родную землю, чтобы стать ее частью.

Почему их убили именно здесь? Или тот, кто сделал это черное дело, выбирал специально эту высоту? Рядом с небом. Чтобы стоящим на краю ямы еще тяжелее было расставаться с жизнью? Как хочется верить, что палачи просчитались, что многим помогла эта высота сдержать последний крик отчаяния, и в смертельный час свой остаться непокоренными.

В первой же траншее их оказалось семьдесят. Мои соотечественники. Семьдесят. Сколько им было лет? Как их звали?.. Семьдесят прострелянных черепов. Все это осталось. Стреляли в затылок. Подлецы. Боялись глядеть в глаза.

Чей сын? Чей отец? Чья мать? Чья любимая? Кто они, принявшие здесь свои последние муки?

Во второй траншее – тоже семьдесят. В третьей – сто пятьдесят. В четвертой – сто восемьдесят три. В седьмой – сто шестьдесят...

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ

«Всего вскрыто 28 ям и траншей с останками 1.480 человек, уничтоженных фашистами. В ямах обнаружено множество гильз немецкого производства. Комиссия располагает данными о том, что часть ям выкапывалась обреченными на смерть. В ямах рядом с их останками обнаружены кирки и лопаты. В яме № 1 найдены две алюминиевые бирки с буквами «с-х К», что означает совхоз «Красный», на территории которого в период оккупации Крыма фашистами располагался концлагерь.

Большинство черепов имеют пулевые пробоины в затылочной части. В яме же № 4 все – с пулевыми отверстиями в височной части, что свидетельствует о «почерке» извращенных убийц. В яме № 2 люди перед расстрелом, очевидно, были разуты – обувь находилась в ней отдельно от трупов...»

Они молчат.

РАССКАЗЫВАЮТ СВИДЕТЕЛИ:

Бывший заключенный концлагеря в совхозе «Красный», житель села Золотое Поле Кировского района Крымской области В.И. Степаненко: «Из Крыма фашисты вывезли меня в Бухенвальд, где я находился около двух лет. Должен сказать, что условия в концлагере на территории совхоза «Красный» были не лучше, чем в Бухенвальде. Здесь нас очень плохо кормили и избивали без всякой причины. Для перевозки тяжестей узников впрягали в повозки вместо лошадей».

Бывший переводчик Д.Я. Миллер: «Я лично видел, как Гунце Ганс, Муждабаев Сеитабла и Эмиров Сеитабла охотились за стариками, сталкивали их из развлечения в выгребную яму, и только удостоверившись, что жертва погибла, уходили».

Бывший заключенный концлагеря на территории совхоза «Красный» Ф.Н. Ставропуло: «В период моего пребывания в лагере в нем содержалось не менее двух тысяч человек... В октябре 1943 года, когда советские войска подошли к Перекопу, оккупанты стали «разгружать» лагерь от заключенных путем истребления их...»

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ

«Особенно жестокою расправу немецко-фашистские преступники и их пособники учинили над заключенными осенью 1943 года, незадолго до освобождения Крыма. В это время было расстреляно около двух тысяч человек, многих советских патриотов уничтожили они в газовых машинах «душегубках». Большое количество заключенных было сожжено на специально подготовленных кострах.

Накануне бегства из Симферополя в ночь с 10 на 11 апреля 1944 года, оккупанты и татары-добровольцы расстреляли и сбросили в колодезь 200 советских граждан...

...Установлено, что уничтожали советских патриотов военнослужащие фашистского контрразведывательного органа «СД» и изменники Родины – добровольцы татарского батальона.

Бывший доброволец 152-го батальона Асанов Халиль показал в 1946 году на допросе: «Наша добровольческая группа в 100 человек была придана немецкой части «СД». Добровольцы наравне с немцами принимали участие в истреблении советских граждан... За период с марта 1942 по апрель 1944 года нашей группой было убито свыше тысячи человек военнопленных».

Они молчат.

СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ ВЕЩИ

Их немного. Годы не пощадили вещи. Члены комиссии, эксперты и те, кто вел раскопки бережно искали вещественные доказательства, чтобы с наибольшей полнотой прочесть скупые строчки о павших.

Вот черный лоскуток и пуговица с якорем... Откуда ты, моряк? Не дрался ли ты под родным Севастополем? Или в Керчи? А может взяли тебя раненым в подземельях Аджимушкая, чтобы здесь под высоким родным небом, отнять у тебя жизнь?

Читатель, обрати внимание на эти вещественные доказательства. Мы назовем тебе самые приметные, самые красноречивые из них...

...Почему только расплываются контуры этих вещей? Дорогих реликвий. Почему дрожат рук, берущие их?.. Спокойно. Тут нужна рассудительность.

Вот деревянный протез. В обиходе его просто называли «деревяшкой». Он служил человеку без ноги. И, наверное, пожилому. Молодые инвалиды уже не пользовались такими. Рядом – протез ноги, изготовленный специалистами. Вот, искусственный глаз. Голубой. Человека с таким физическим дефектом в армию не брали. Значит, тоже штатский. В одной яме – множество зубных протезов. Здесь расстреляли стариков. Детская и женская обувь. Некоторые туфельки в пору четырехлетним. Пуговицы от пальто, блузок. Зубные щетки, женские гребни. Мундштука для сигарет. Разной конфигурации и разных размеров. На одном – черном, эбонитовом – инициалы «К. В. Ф.». Кошелек с мелкими советскими монетами достоинством 3, 2, 5, 15, 20 копеек.

Палачи торопились. На этот раз они не успели ограбить ни живых, ни мертвых. Значит, люди были убиты перед самым приходом наших войск. Некоторые свои жертвы фашисты брали ночью, прямо с постели. В одной из траншей обнаружены бигуди. В тюрьме или лагере на них не накручивали волосы. Это могли сделать женщины только в домашней обстановке, на ночь; мог сделать человек, не чувствующий за собой никакой вины, надеявшийся, как обычно, встетить новый день. Вместо этого встретил смерть. Убив их, преступники поспешили унести ноги. В другой яме рядом лежали женский перстень и женские часики. Наручные, круглые. Иностранной марки «Борел» (написано латинскими буквами). Циферблат с римскими цифрами. Стрелки фигурные застыли на четверти девятого (утра или вечера). Диаметр часов 22 миллиметра. Цепочка шириной почти 5 миллиметров. Стандартная. Перстень орнаментирован. На овальной пластинке выгравирован контур нашего полуострова.

Другой такой же перстень с квадратной пластинкой. Явно мужской, хотя и обнаружен в яме, где расстреляны женщины. На пластинке тоже гравировка –

контуры Крыма и надпись: «Крым, 1943 год». В 20-й яме очки круглые в роговом футляре. Роговая оправа. Заушники пружинистые.

А вот – печать. На ней написано: «Новопавловское волостное управление». На русском языке. А сверх надписи – тот же текст по-немецки. Новопавловка. Их было три. Одна в Красноперекопском, другая – в Джакойском, а третья – в Бахчисарайском районах. Если учесть, что в Джанкое был свой концлагерь, то, вероятно, расстрелянный был их из Бахчисарайского района. Кто он? Человек, имевший связь с партизанами, подпольщик, служивший в волостной канцелярии?

Медики утверждают, что у одного из расстрелянных был сильно искривлен позвоночник. У другого после перенесенной болезни позвоночник совсем не сгибался. У одной женщины руки в локтях были согнуты под острым углом и не разгибались, так как тоже из-за перенесенной болезни локтевые суставы оказались неподвижными...

Приметы. Узнает ли по ним теперь кто-нибудь своих близких? Прошло почти три десятка лет.

Молчат мертвые.

ГОВОРЯТ ЖИВЫЕ. Среди них Григорий Алексеевич Дубинец. В 1943 году ему было четырнадцать лет.

«Я пас тогда овец и коз на окраине города, в степи. Пасли там скот и другие. Кто? Теперь уже не могу вспомнить. Однажды я находился со своим стадом на возвышенности, неподалеку от «Дубков», на втором километре, справа от Николаевского шоссе, если ехать к морю. В районе возвышенности много было незапаханных участков земли, которые использовались под выпасы. Было там много траншей, окопов, поросших бурьяном и травой.

Как-то в начале августа 1943 года, в середине дня, неподалеку от того сеста, где я пас стадо, остановились две крытые брезентом грузовые машины. Приехали они со стороны Симферополя. Сопровождала их легковая, с открытым тентом. В последней сидели два немецких офицера в черной форме. По их указанию начали выводить из грузовой машины людей и выстраивать в одну шеренгу. Их было пять. Одна женщина. Конвоиры в немецкой форме повели их в траншею. Туда же пошли и два в черной форме. Потом раздалось несколько выстрелов. Через некоторое время также поступили с новой группой из пяти человек. Происходило это от меня метрах в двухстах – двухстах пятидесяти. Поняв, что там убивают людей, я поспешил уйти подальше от того места.

На второй или третий день я решил все же посмотреть, что там произошло. Увидев свежую могилу. Копнул саперной лопаткой несколько раз и наткнулся на что-то упругое. Затем увидел руки человека, связанные алюминиевой проволокой. Испугавшись увиденного, я засыпал вырытую мной яму и убежал. Другие пастухи говорили, что немцы расстреливают здесь людей ежедневно. Сам я еще видел, как расстреливали женщину с несколькими детьми. Двух она держала на руках (лет четырех, пяти). Сначала убили ее, а потом палачи добивали плачущих малышей...»

Участник Симферопольской подпольной организации Федор Гордеевич Кустов сам стоял на этом месте под расстрелом.

...Его арестовали летом 1943 года жандармы из центра «АШ». Кто выдал организацию, он не знает. Может только предполагать. 107 человек оказались в лапах фашистов. Он был знаком только с теми, кто входил в их группу. Они распространяли листовки, пересылаемые из леса газеты, добывали оружие, передавали в лес разведданные.

«27 сентября 1943 года в семь часов утра, - рассказывает Федор Гордеевич, - жандармы передали нас по списку (более пятидесяти человек) немецкой службе безопасности - «СД». Со мною были Федор Жердяев, Шура Семенчук, Елена Конюхова, Петр Гонников, Георгий Вебернейт, Георгий Молчанов, Алексей и Надежда Сидоренко и другие.

Всех вызвали по списку в коридор. Я шел девятым. Вещи велели оставить в камерах: другие, мол, их привезут нам. Когда нас вывели на улицу, у подъезда стояла семитонная грузовая машина, крытая брезентом.

В кузове мы все стояли вплотную друг к другу. Нас повезли в направлении совхоза «Красный», вокруг сада, на гору. Там уже стояла машина, прибывшая раньше нашей. Через отверстие в брезенте мы видели, как конвоиры выводили из нее по двое человек, заставляли раздеваться и расстреливали. Когда вывели третью пару, возникла свалка. Очевидно, арестованные бросились на палачей. Наши охранники побежали на помощь. И тогда учительница Александра Сесменчук крикнула:

- Мужчины! Что же вы смотрите? Бежим! На ходу и умирать легче. Может быть кто-то спасется!..»

Спасся он один. Уже потом, в партизанском лесу слышал, что еще троим удалось убежать из-под расстрела. Но фамилий их Федор не помнит...

По имеющимся архивным материалам, захваченным у фашистов, известны фамилии всех участников подпольной организации, в которую входил Ф.Г. Кустов. То, что большинство из них убито именно здесь, в районе «Дубков», теперь уже не вызывает никакого сомнения.

ЗА ЧТО УБИЛИ ИХ? Военнопленных. Безоружных. За то, что духовно не сдались палачам. За то, что продолжали бороться всеми возможными в их положении способами с непрошенными чужеземными захватчиками и насильниками. За то, что не предали Родину, оставаясь верными ей. А женщин, детей, стариков? Наверное, потому, что само слово «советский» захватчики хотели стереть с лица земли. Фашизм по природе своей – заклятый враг нашего мира, мира света, чистоты, добра и преданности высоким идеалам, какой несли в себе советские люди, какой заложен был революцией в каждом из нас – от ребенка до старика.

Передо мной признание – самих палачей. Его они посылали своим оберразбойникам своему начальству. Цитирую: «Коммунистическому режиму, который свергнул старые порядки России, удалось за 25 лет подготовить духовно большую часть народа, и в особенности членов партии и комсомола, для того, чтобы в пользу партии и народа выдержать и пройти через все трудности и препятствия... Из информации (читай: доносов, - Г. С.), видно, что эти люди не проходили специальной подготовки в мирное время, ибо для выполнения таких заданий необходимо единственное качество: это воля и решительность к выполнению порученных заданий, даже с риском для жизни. Констатировано, что таких людей СССР имел и имеет достаточно... Из заявлений допрошенных усматривается, что очень много людей сами предлагают свои услуги в проведении подпольной работы, что способствовало резкому увеличению численности партизанских отрядов и подпольных организаций и стало сегодня опасным организмом, внушающим страх».

Ценное, редкое признание.

МЫ ОБВИНЯЕМ, в уничтожении тысяч советских патриотов, расстрелянных и замученных в местности «Дубки» на территории совхоза «Красный»: начальника концлагеря лейтенанта Карла Шпекмана, его заместителя Ганса Кунце, заместителя начальника лагеря по оперработе Ганса Рейнера, коменданта лагеря Пауля Краузе, командира батальона «СД» Вильгельма Ганса Рота, его заместителя Ганса Штеккана, командира роты Ширинского, сотрудника «СД» в концлагере, унтер-офицера Фрида Аппеля, сотрудника концлагеря Айзеля, начальника канцелярии лагеря Отто Камерляндера, начальника «СД» Крыма и Таврии Пауля Цаппа, заместителя начальника «СД» Симферополя Гирке, начальника следственного отдела «СД» Вихерта, следователя «СД» Пантельмана, полицей-фюрера Крыма

генерала фон Альвенслебена, охранную роту «СД», 147-й и 152-й татарские добровольческие батальоны.

МЫ ПОМНИМ ТЕХ, кто отдал жизнь за Родину, кто улыбнется нам теперь только с любительских фотографий, навечно оставшись молодыми в памяти близких. Мы помним павших борцов и тех, кто упал рядом с ними как заложник. Мы помним тех, кого враг не смог заставить стать предателем. Бережно храним мы в музее последнюю запись подпольщика В. Ефремова и пионерский галстук убитой палачами девочки. На мраморе мемориальных досок высечены имена героев, отдавших жизнь за счастье сегодняшнего дня. Как замечательный памятник, вырос городок ученых и рабочих в совхозе «Красный»...

Палачи хотели сделать мертвой зоной землю нашу. А она, прекрасная, стала еще лучше и милее. Фашисты хотели остановить жизнь. А она стала еще более кипучей и светлой.

Да не обойдет палачей суровая людская кара. К ответу убийц!

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 27 декабря 1970 г.

*****

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

№ 3. ПЕПЕЛ ПОГИБШИХ СТУЧИТ В СЕРДЦЕ

Как уже сообщалось во вчерашнем номере нашей газеты, Республиканская комиссия для расследования преступлений, совершенных гитлеровцами на территории совхоза «Красный», устроила в Симферополе пресс-конференцию для советских и иностранных журналистов. Ниже публикуется репортаж специальных корреспондентов «Правды Украины», участвовавших в пресс-конференции и побывавших на месте чудовищного злодеяния фашистов.

Крым красив в любое время года – ранней весной и летом, золотой осенью и зимой. В эти последние дни декабря на полуострове наблюдалось редкое явление – выпал снег.

Если ехать по дороге из Симферополя в направлении на Николаевку, то совсем недалеко, почти на окраине города, можно увидеть справа от дороги

площадку, с которой белый снег сметен, а на расчищенном месте сложены человеческие кости. Черепа. Кости мужские, женские, детские.

И тут рядом груда обуви, остатков одежды, деревянные протезы, - все то, что не поддавалось тлену, пролежав в земле двадцать семь лет.

У работающих здесь людей скорбный вид. Не первый день работают они здесь, а скорбь, душевная боль не покидает их ни на минуту.

Так, что это за место? В акте Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских преступников от 1 ноября 1944 года было указано: проводя политику массового истребления мирного населения, оккупанты десятками тысяч уничтожали людей в городе Симферополе. Трупам убитых были наполнены противотанковые рвы в Курцовской балке, на территории совхоза «Красный», где находился концентрационный лагерь... За два с половиной года оккупировавшие Симферополь фашисты замучили и расстреляли из заключенных в этом лагере более восьми тысяч человек.

За прошедшие после Великой Отечественной войны годы в Крыму найдены многие места варварских расстрелов советских людей, на братских могилах поставлены памятники и обелиски, у подножия которых всегда лежат цветы. Казалось, что даже одиночные могилы казненных разысканы и не оставлены без внимания.

И вдруг... На шестом километре дороги Симферополь – Николаевка, в месте, которое известно под названием «Дубки», ковш экскаватора зачерпнул множество человеческих костей.

Сейчас уже установлено, кто и как уничтожал здесь советских людей.

В в своей звериной ненависти ко всему советскому фашисты как бы соревновались в жестокости, садизме, бесчеловечности.

Особенно свирепствовали гитлеровские захватчики, когда почувствовали, что нужно спасать свою поганую шкуру, - когда советские войска перешли к решительным боям за освобождение Крыма. Для расправы над мирным населением были созданы карательные отряды «СД» и сформированные из предателей Родины так называемые татарские добровольческие батальоны.

Выступая на торжественном собрании, посвященном 20-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне Л.И. Брежнев подчеркивал: «Нельзя без гнева и боли вспоминать о зверствах гитлеровцев на нашей земле, на территории других стран... Можно ли забыть о чудовищных преступлениях гитлеризма совершенных в Советском Союзе, Польше, Югославии, Чехословакии и других странах Европы, о кострах из

живых людей, о душегубках, о лагерях смерти? Можно ли забыть о миллионах мужчин, женщин, стариков и детей, сожженных в крематориях Освенцима, удушенных в газовых камерах Майданека, замученных на плацах Маутхаузена? Набат Бухенвальда и ныне звучит в сердцах людей, будит в них ненависть к фашизму и расизму, требует наказания тем, кто виновен в преступлениях против человечества».

Нескончаем реестр преступлений фашизма, неисчислимо количество его жертв. В одном только Освенциме погибли миллионы. В Дюссельдорфе сейчас идет судебный процесс над бывшим комендантом гитлеровского лагеря смерти в Треблинке Францем Штенглем. Обвиняемый несет ответственность за убийство 500 тысяч заключенных. На территории Украины фашистские изверги истребили свыше 4,5 миллиона советских граждан.

Одним из лагерей смерти был на территории совхоза «Красный».

Заключенных впрягали в телеги, нагруженные камнем, заставляли возить их с места на место. С рассвета до темноты. Их били плетьюми из вычьих жил и проволоки. Людей травили в душегубках, сжигали на кострах, сбрасывали живыми в колодцы.

Корреспондент «Правды Украины» задал на пресс-конференции вопрос: - какие конкретные факты истязания заключенных в концлагере известны комиссии?

Отвечая на этот вопрос, член Республиканской комиссии по расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами в районе совхоза «Красный» министр социального обеспечения УССР дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров рассказал, что в лагере существовал порядок, по которому каждый заключенный при появлении кого-либо из лагерного начальства должен был немедленно становиться по стойке «смирно». Неисполнение этого вело к жестокому избиению. Так, заключенный Кондратьев был зверски избит за то, что не успел достаточно проворно стать «смирно» при появлении охранников. Избитого кондратьева привязали затем к столбу и целый день продержали на солнцепеке, пока он не потерял сознание.

На шестом километре расстреливали не только заключенных в лагере. Сюда на расправу привозили из городов и лесов Крыма советских патриотов, боровшихся с оккупантами. Привозили их со скрученными проволокой руками. Тела расстрелянный истлели, но кости рук лежат в раскопе, стянутые проволокой. Различные предметы, найденные в могилах, говорят часто красноречивее слов. В могиле были найдены бигуди, на которые женщины накручивали локоны. Значит, женщина была схвачена и

немедленно расстреляна, без всякого суда и следствия: она не успела даже снять с волос бигуди. Таким же красноречивым свидетелем выступают найдены в могиле обычный ключ от квартиры, покрытый слоем ржавчины.

И – детская обувь. Крохотные резиновые ботики в куче солдатских сапог и женских туфель бросаются в глаза сразу. Зрение обостряется, и тут же замечаешь маленькие черепа – детские. На них по два-три пулевых отверстия в затылке...

И вот в сознании, несколько затуманенном от всего увиденного, начинает настойчиво пробиваться какая-то, сначала смутная ассоциация, воспоминаний о подобных событиях, бывших, однако, совсем недавно. Ассоциация выкристаллизовывается в одно слово – Сонгми! В памяти всплывает фотография, обошедшая все газеты мира: дети, расстрелянные в Сонгми. Американские империалисты, ведущую грязную войну против вьетнамского народа, идут и идут по пути военных преступлений. И молодчики лейтенанта Колли в зеленых беретах разительно напоминают эсэсовцев в черных фуражках.

11 ноября 1970 года вступила в силу Международная конвенция о неприменимости сроков давности и военным преступлениям и преступлениям против человечества, принятая Генеральной Ассамблее ООН. Эта конвенция своим острием обращена не только к преступлениям прошлого – она предупреждает об ответственности всех, империалистических агрессоров, где они не разбойничали: в джунглях Юго-Восточной Азии или в песках Ближнего Востока. Конвенция о неприменимости сроков давности конечно же, не по нутру этим разбойникам. Никак не устраивает она и все реакционные и реваншистские силы в Западной Германии, начиная от с преводителя ультра-правых Штрауса и кончая неонацистским фюрером Тадденем, объединившихся в так называемую «Акцию сопротивления». Стремясь к ревизии результатов второй мировой войны, они поставили своей целью сорвать мирное урегулирование в Европе, помешать ратификации договоров ФРГ с СССР и Польшей; признанию ныне существующих границ в Европе. Штраусы и таддены хотели бы заставить народы забыть о преступлениях фашизма, чтобы им легче было снова направить Западную Германию на путь фашизма и войны.

Но народы бдительны. Выстрел фашистского последыша в советского часового в Западном Берлине многим честным людям на Западе раскрыл глаза на опасность неонацистской угрозы.

Нет и не может быть срока давности для гнусных преступлений гитлеровских палачей на советской земле. Народ Украины требует от правительства ФРГ выдачи преступников для предания их справедливому суду. Пепел погибших стучит в сердце!

**Д. ГЕРАСИМОВ.
Э. ЛОГВИН.**

**Специальные корреспонденты
«Правды Украины».**

**Симферополь, 26 декабря.
(По телефону).**

Газета «Правда Украины» от 27 декабря 1970 г.

*****

ПРИЛОЖЕНИЕ 2.

№ 4. УБИЙЦ – К ОТВЕТУ

Пресс-конференция в Симферополе

Новые факты кровавых злодеяний гитлеровцев и их пособников в период временной оккупации Крыма в 1941-1944 годах были приведены на пресс-конференции, состоявшейся 25 декабря в Симферополе.

Перед советскими и зарубежными журналистами с заявлением о результатах расследования злодеяний фашистов в районе совхоза «Красный» Крымской области выступил председатель республиканской комиссии, заместитель Председателя Совета Министров Украинской ССР П.Т. Тронько. Рассказав о массовом уничтожении гитлеровскими оккупантами на Украине советских людей, он сообщил, что один из фашистских концлагерей находился в Крыму на территории совхоза «Красный». Его охраняли роты СД и два батальона, сформированных из предателей Родины – выходцев из крымского населения.

Чудовищную расправу фашистские инквизиторы и их подручные учинили в ночь с 10 на 11 апреля 1944 года, накануне бегства из Симферополя, уничтожив всех, кто находился в лагере. Недавно во время строительных работ были обнаружены останки расстрелянных. Из 28 раскопанных ям извлечено 1.480 скелетов. Всего в лагере погибли почти десять тысяч человек.

Известно, что виновные в зверском уничтожении советских людей на территории Крымского совхоза сейчас находятся в ФРГ. Это бывший начальник концлагеря лейтенант Карл Шпекман, его заместители Ганс Гунце и Ганс Рейнер, комендант лагеря Пауль Краузе, командир батальона СД Вильгельм Ганс Гот, его заместитель Ганс Штеккман, унтер-офицер Фрид Аппель, начальник СД Крыма и Таврии оберштурмбанфюрер Пауль Цапп и другие.

Трудящиеся Советской Украины, весь наш народ требуют от правительства Федеративной Республики Германии выдачи укрывшихся там военных преступников, совершивших кровавые злодеяния в районе совхоза «Красный», для предания их советскому суду.

**Газета «Известия» (Москва)
27 декабря 1970 г.**

РАЗДЕЛ II.
ПУБЛИКАЦИИ В ГАЗЕТЕ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА» 1971 ГОДА
ПО ВНОВЬ ВЫЯВЛЕННЫМ ФАКТАМ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
НЕМЕЦКО-РУМЫНСКИХ ОККУПАНТОВ
И ИХ МЕСТНЫХ ПОСОБНИКОВ, СЛУЖИВШИХ В 152-М
ДОБРОВОЛЬЧЕСЕОМ ТАТАРСКОМ БАТАЛЬОНЕ
ВСПОМОГАТЕЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ ПОРЯДКА -
SCHUTZMANNSCHAFT DER ORDNUNGSPOLIZEI или «SCHUMA»
(SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN),
КАК ПРЕДЫСТОРИЯ СИМФЕРОПОЛЬСКИХ СУДЕБНЫХ
ПРОЦЕССОВ 1972, 1974 И 1977 ГОДОВ.

№ 5. ТЫСЯЧА ЧЕТЫРЕСТА СЕМЬДЕСЯТ ТРИ...

НОВЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГИТЛЕРОВСКИХ ПАЛАЧЕЙ

Вновь эти страшные ямы. Восемь ям, раскопанных в Дубках под Симферополем. Они говорят о кровавых днях гитлеровской оккупации, о злодеяниях, совершенных фашистами и их пособниками из 152 добровольческого батальона СД...

***

...1473 советских человека. Тысяча четыреста семьдесят три! Только входившие в жизнь, и те, кто уже прошли к тому времени вершину своей жизни. И те, кому сейчас, через тридцать лет, было бы всего пятьдесят. Тысяча четыреста семьдесят три... Сколько прекрасного могли бы совершить для общества многие из них. Не свершили. Пуля палачей убила целый огромный мир в каждом из них. Садистски, безжалостно, зверски.

Тысяча четыреста семьдесят три! Плюс те 1480, останки которых были извлечены из 26 ям в декабре прошлого года. Плюс те, кто еще будут найдены, ибо горестные раскопки продолжаются. Жуткие цифры. Но мы не имеем права забыть ни одного убитого. Никакой скидки на «давность преступления» фашистским душегубам быть не может. Последний смертный крик павших обращен к нам, живым. Он стоит в ушах, набатом звучит в сердцах наших.

Тысяча четыреста семьдесят три! Наши отцы и матери, братья и сестры наши. У каждого свое лицо, скрытое пробежавшими десятилетиями, оставшееся живым в памяти родных и друзей.

Кто ты, человек, от которого мы получили шесть экземпляров листовок, изданных в тылу врага, аккуратно сложенных и спрятанных в ботинке? Кем ты работал до войны? Где жил? Колго любил? Безответны наши вопросы. Одно мы знаем твердо: ты очень любил отчую землю, честно служил своему народу, остался ему верен до конца. Ты сражался за бессмертное дело и сам остался бессмертен, неизвестный солдат Родины. Ты и там, в аду концлагеря, опутанном проволокой «нового порядка», не склонил гордой головы.

Каким ты был Иван Семенович Страшнов, проживавший до войны на Ставрополье, тихом и зеленом городке Георгиевске, на улице Литкенса, в доме № 22? Алюминиевая ложка, на ручке которой сохранился твой адрес, донесла через годы последнюю весть о тебе.

Кем была ты, неизвестная женщина, одетая в серое пальто и белый шерстяной шарфик, чудом сохранившиеся от тления? Единственная примета может рассказать о тебе: керамический медальон в виде сердечка и такой же голубок на цепочке...

Безмолвны вещи, оставшиеся после вас: зажигалки, гребни, карандаши, фляжка с зернами кукурузы, зубные щетки, курительные трубки. Все они свидетельствуют о том, что большинство их хозяев были мирными людьми. О том же говорят и костыли инвалидов, которые лежали рядом с останками. Тем яростнее гнев наш на палачей, тем выше наш счет, предъявляемый преступникам из фашистской охраны.

До сих пор, вот уже который день, стоят перед моими глазами останки женщины, прижимающей к груди клеенку, в которую был запеленат младенец четырех-пяти месяцев. Их убили разом, вместе упали они в землю.

Тысяча четыреста семьдесят три.

Каждый со своими помыслами и мечтами.

В один из дней земля и время вернули нам еще одно имя. Был найден паспорт, зашитый в подкладку кубанки. Его строки гласят, что павший от рук фашистских катов – Плихун Василий Кириллович, рождения 1899 года, проживал в селе Ивановка Ивановского района, ныне Херсонской области; было у него три дочери – Дарья, 1925 года рождения, Мария, 1932 года рождения, и Валентина, самая младшая, судя по записи, но год рождения которой почесть не удалось. Позднее выяснилось, что был Василий Кириллович уважаемым человеком, красным партизаном времен гражданской войны.

Выдал ли его предатель, попал ли он случайно в облаву – вопросы эти, может быть, прояснит время. Живы две его дочери, живы и другие люди, знавшие его.

Тысяча четыреста семьдесят три...

Кем была ты, незнакомая нам Мара? Как звучало полное твое имя? Мария? Маргарита? Враги спешили убить тебя. В спешке они даже не обшарили грязными лапами твою одежду. Схватили, запихали в машину и привезли к последней черте. Может, и сегодня жив и тоскует по тебе человек, которого звали Борисом, твой уж. В останках твоих нашли

маленькие часики, на обратной стороне которых начертаны ваши имена. «В день рождения и 16-й год совместной жизни жене и другу Маре дарю на память. Борис. 3.VII.36 г.»

...Широкой была душа ваша, советские люди, принявшие смертные муки и не сломленные лютым фашистским зверьем. Великие идеи Ленина учили вас добру. Вы под пулями фашистов оставались интернационалистами, сквозь время протягивая руки другой – новой трудовой Германии, Германии Тельмана. «Да здравствует дружба с германским трудовым народом!» - прочли мы надпись на обратной стороне карманного зеркальца. Она, эта надпись, была на одной из вас, когда вас убивали. Она звучит сегодня, как символ, как завещание живым. Для нас свят этот пролетарский лозунг. Но фашизму нет нашего прощения. Мы всегда будем помнить, какое горе принесли гитлеровцы на нашу землю. Мы будем бдительны, пока есть еще на свете фон штраусы и фон таддены, которым по сердцу идеи фашизма.

...С истинно немецкой пунктуальностью, до деталей было продумано гитлеровцами массовое убийство советских граждан. Когда наши войска подошли осенью 1943 года к Перекопу, запертым на полуострове карателям пришла депеша от Гимmlера, приказывавшая замести следы злодеяний в концлагере на территории совхоза «Красный». Чудом оставшиеся в живых свидетели показывают, что за несколько дней до массовых расстрелов охранники лагеря нарубили гору алюминиевой проволоки. 27 октября палачи приступили к уничтожению заключенных.

- В тот же день женщин выстроили на плацу, отбирали группами по 30-40 человек, заводили в гараж. Там им скручивали проволокой руки и запихивали в крытые брезентом грузовые машины, - рассказывает свидетельница К. Чабанова. – Потом эти машины уезжали в Дубки, откуда целыми днями доносились выстрелы. Над лагерем стоял плач обезумевших от ужаса женщин...

Весь лагерь был уничтожен за трое суток, воцарилась необычайная тишина. Длилась она не долго. Как только фашистам стало известно, что Советская армия не собирается с ходу брать полуостров, они вновь подняли голову. В конце ноября, во исполнение приказа генерала Еннеке, 152-й добровольческий батальон, собранный из предательского отребья, вместе с немцами стал осуществлять так называемую «экспедицию против партизан». Каратели врывались в предгорные села – Саблы (ныне Партизаны), Бешуй и другие, хватили всех подряд – стариков, женщин, детей. Одних убивали там же на месте, других бросали в концлагерь.

Новая волна массовых расстрелов началась примерно с конца февраля 1944 года. Фашистский конвейер смерти работал без перебоя вплоть до 11 апреля. 13 апреля наши воины освободили Симферополь.

Тогда, сразу же после изгнания врагов, была раскрыта только часть этих страшных рвов. В одном из них, например, был раскопан один ряд убитых, и люди думали, что это все. Дальше шла земля. Если бы знали тогда, что под этой землей – еще ряд и еще, что в несколько слоев лежат расстрелянные – сколько бы из них признали в лицо родственники.

Тысяча четыреста семьдесят три...

Всех их с почестями предадим мы родной земле, как солдат, хотя не многие из них были воинами. Их руки были привычны к крестьянскому труду, к мирному заводскому инструменту. Они были ласковы к детям. Им бы жить да жить. Фашизм оборвал их жизнь. Но он не смог убить память о них. Она живет в сердце каждого из нас.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкорр.**

Газета «Крымская правда» от 20 февраля 1971 года.

*****

№ 6. И ГОРЕЧЬ, И ГНЕВ НАШИ

Есть на земле нашей места, само название которых так много говорит сердцу, что оно не требует слов. Хатынь, Багеровский ров, Аджимушкой, Дубки... Рука тянется к шапке, и застываешь в скорбном молчании...

Мы еще долго будем ходить сюда, на шестой километр шоссе Симферополь – Николаевка, где в районе Дубков, на землях совхоза «Красный», в годы войны фашистские варвары убили и замучили тысячи патриотов. Военнопленные, старики, женщины, дети, подпольщики – вся их «вина» заключалась в том, что они любили Родину и оставались советскими людьми даже в самые черные дни военного лихолетья. Мы будем приходить сюда, чтобы отдать должное их мужеству и стойкости, почтить их светлую память. И детям своим мы не устанем говорить: «Помните тех, кто не пожалел жизни во имя вашего будущего. Помните!»

...В нашей газете уже рассказывалось о том, как были обнаружены недавно страшные ямы в местности Дубки. Тогда же сообщалось, что останки 1.480 жертв фашистского террора будут с почетом захоронены. Вчера состоялась эта печальная церемония.

К двум часам дня в район массовых расстрелов патриотов, на шестой километр шоссе Симферополь – Николаевка, стали стекаться симферопольцы. У постамента, на котором стоят гробы с останками павших, собрались сотни людей – представители всех трех районов города.

Застыл почетный караул. С краткой речью обращается к собравшимся председатель городской комиссии по расследованию фактов массового уничтожения советских граждан немецко-фашистскими захватчиками, заместитель председателя горисполкома П.П. Марченко.

- Огромные страдания и разрушения принесла всему человечеству вторая мировая война, - говорит он. – Но особенно тяжкие испытания выпали на долю советских людей. Трудящиеся Крым, героические защитники Севастополя, доблестные партизаны и подпольщики проявили в борьбе с фашизмом невиданное массовое мужество и стойкость показали беззаветную преданность великому делу коммунизма, сыновнюю любовь, верность своему Отечеству.

Сегодня мы с вами отдаем последний долг нашим братьям и сестрам, не склонившим голову перед оккупантами. В соответствии с решением правительства Украинской ССР на этом месте будет разбит парк и установлен памятный знак. Пусть память о жертвах фашизма горит вечным огнем в наших сердцах...

Под звуки траурной мелодии гробы устанавливают на машины. Сопровождаемая почетным эскортом процессия движется по шоссе Симферополь Николаевка, улицам Жуковского, Карла Маркса, бульвару Ленина, проспекту Гагарина, направляясь на городское кладбище. На каждой машине – почетный караул.

Медленно движется траурный кортеж, и люди провожают его на всем пути.

Не доезжая до кладбища, все останавливаются. Гробы снимают с машин и по людскому коридору, мимо выстроившихся по обе стороны дороги цепочек воинского почетного караула, на плечах несут к братской могиле. Впереди – колонна тех, кто несет венки. За гробами – почетный эскорт, оркестр. Суровы лица мужчин, юношей. Молча плачут женщины. И горестные мелодии оркестра тают в белесовато-серой выси...

Вокруг огромной могилы в молчании – сотни людей. Я знаю: среди них – немало матерей, родственников, так и не отыскавших своих детей и близких среди расстрелянных. Тогда, сразу же после освобождения Симферополя, когда еще можно было кого-то опознать, шестой километр не выдал своей страшной тайны...

...Гробы с останками устанавливают на постамент.

...На трибуне - секретарь Крымского обкома КП Украины М.Л. Тишин, заместитель председателя облисполкома В.В. Барановский, члены бюро

горкома партии, члены исполкома городского Совета депутатов трудящихся, представители общественности и воинов гарнизона.

Начинается траурный митинг. Его открывает председатель горисполкома М.А. Лозовой.

Слово предоставляется члену республиканской комиссии по расследованию злодеяний, совершенных гитлеровцами в районе совхоза «Красный», первому секретарю Симферопольского горкома партии М.В. Ревкину.

- Мы отдаем последние почести советским гражданам, расстрелянным и замученным немецко-фашистскими захватчиками, - говорит он. - Руины и пепел, слезы и кровь – вот тот страшный след, который оставили после себя на нашей земле гитлеровские орды.

Реакционные круги Запада из кожи лезут вон, чтобы обелить фашизм, заставить людей забыть его преступления, вытравить из их памяти страшную трагедию войны. Не выйдет! Мы не можем допустить безнаказанности военных преступников. Все эти выродки, руки которых обогреты кровью советских граждан, должны предстать перед судом и понести суровую кару. Мы требуем этого не из чувства мести. Это наш долг перед замученными, их осиротевшими семьями, перед всем человечеством.

На трибуне – бывший комиссар партизанского движения в Крыму С.В. Мартынов. Его речь посвящена героической борьбе патриотов. Он призывает вечно помнить, какая дорогая цена заплачена нашим народом за сегодняшний мирный день Родины.

Бывший узник фашистского концлагеря Маутхаузен, директор Крымского филиала Украинского научно-исследовательского института проектирования сельского хозяйства В.И. Сахаров рассказывает о пережитом, о бесчеловечности гитлеровского «нового порядка», о новых шабашах неофашистов и заключает свое выступление словами:

- Останки боровшихся и погибших, пепел сожженных, траурные языки пламени у монументов Маутхаузена и Освенцима, скорбные звуки колокола в Бухенвальде – зовут нас к бдительности. Мы обязаны быть бдительными! Мы должны быть сильными!

Выступают слесарь кожевенно-обувного комбината имени Дзержинского, бывший участник Великой Отечественной войны И.К. Козубенко, токарь завода продовольственного машиностроения имени Куйбышева А.В. Моисеев, секретарь комитета комсомола совхоза «Красный» В. Савченко.

...Плывет траурная мелодия. Плачут люди, не стыдясь своих слез. Медленно опускаются в могилу гробы. И вот уже слышен в горестном безмолвии сухой стук первой горсти брошенной на них сырой земли. Затем еще и еще. Горсть за горстью сыплется в яму земля. И вот уже не видно гробов.

Раздаются залпы оружейного салюта.

Звучит Государственный гимн СССР.

Спадает покрывало, и перед собравшимися предстает камень с высеченной на нем надписью:

«Здесь будет сооружен памятник советским гражданам, расстрелянным и замученным немецко-фашистскими карателями в 1943 – 1944 гг.»

Утопает в венках и цветах могила. Мимо нее торжественным маршем проходит подразделение гарнизона.

Г. СОКОЛОВ

Газета «Крымская правда» от 11 декабря 1971 года.

РАЗДЕЛ III.

**СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1972 ГОДА
НАД ГРУППОЙ КАРАТЕЛЕЙ – ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ,
НАХОДИВШИХСЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА СЛУЖБЕ У ГИТЛЕРОВСКИХ ОККУПАНТОВ
В 152-М ТАТАРСКОМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ БАТАЛЬОНЕ «СД»
(SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN)
В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»**

№ 7. ВСТАТЬ, СУД ИДЕТ!

Вчера в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова начался судебный процесс над группой карателей – изменников Родины, которые в годы Великой Отечественной войны находились на службе у гитлеровских оккупантов в 152 татарском добровольческом батальоне «СД» и несли охрану концлагеря на территории совхоза «Красный».

На скамье подсудимых – Тейфук Ходжаметов, Якуб Куртвелиев, Абкадыр Абжелюлов, Шевкет Салаватов, Семен Парасотченко, и Николай Кулик. Все они преданы суду по статье 56 часть 1 Уголовного кодекса УССР за проведение активной карательной деятельности в период временной оккупации Крыма.

Уголовное дело рассматривает выездная сессия военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа под председательством полковника юстиции А.Е. Бушуева. Народные заседатели – подполковник медицинской службы А.И. Шумило и майор Н.И. Прошкин.

Государственное обвинение поддерживает заместитель военного прокурора округа полковник юстиции П.И. Модленко.

Общественные обвинители: от тружеников совхоза «Красный» – председатель рабочкома Т.И. Третьяков; от партизан и подпольщиков Крыма – бывший комиссар партизанского движения в Крыму С.В. Мартынов; от имени тысяч погибших и замученных фашистами – бывший узник лагеря смерти Маутхаузен А.С. Бобенко.

Защиту осуществляют члены Симферопольской городской коллегии адвокатов Н.М. Дугинец, А.Е. Шилко, М.В. Вишневский, М.Г. Фенько, Г.М. Шапшал и А.А. Булыгин.

В первый день было оглашено обвинительное заключение.

...По-разбойничьи напав на Советскую страну, гитлеровцы в своей звериной злобе к нашему общественному и государственному строю, к советскому народу применяли варварские методы ведения военных действий, проводили карательные акции по уничтожению военнопленных и мирных советских людей. Было издано множество приказов и директив о массовом истреблении жителей оккупированных областей.

Так, 17 июля 1941 года один из подручных Гитлера – начальник главного управления имперской безопасности «СД» Гейдрих издал оперативный приказ № 8, к которому прилагались директивы о порядке массового истребления советских людей, содержащихся в фашистских концлагерях.

В приказе говорилось: «...направляю директивы по чистке лагерей военнопленных, в которых помещены советские русские. Эти директивы были выработаны по согласованию с верховным командованием вооруженных сил...»

В директиве начальника гитлеровской полиции безопасности и «СД», разосланной в стационарные лагеря вместе упомянутым выше приказом, карателям предлагались «беспощадные и энергичные действия при малейшем намеке на сопротивление, в особенности по отношению к коммунистическим активистам, политруками и т. д... Экзекуции – требовали и наставляли обер-палачи, - должны проводиться так, чтобы это не бросалось в глаза. Их нужно осуществлять в уединенных местах и прежде всего не в непосредственной близости от лагеря».

Фашист, писавший «инструкцию», предлагал делать это «с чувством ответственности и долга».

Позднее, давая показания на Нюрнбергском процессе, где народы мира судили главных фашистских преступников, бывший начальник управления главного имперского управления безопасности «СД» гитлеровской Германии Отте Олендорф заявит: «В Симферополе со стороны армии было дано распоряжение соответствующим командам, касающееся ускорения ликвидации заключенных...»

Они не были одиноки, эти профессиональные грабители и убийцы в форме гнилого болота. С ними вместе приползли на священную советскую землю все недобитки из буржуазно-националистического отребья, которых вывели в свое время из нашей страны Великая Октябрьская социалистическая революция, доблестный штык Красной Армии.

В лагерях, где содержались военнопленные, фашистские прихвостни занимались вербовкой добровольцев. Так были созданы батальоны предателей, в том числе и злобный 152-й татарский добровольческий батальон в Крыму, в котором проходили «службу» мастера заплочных дел, сидящие сейчас на скамье подсудимых.

На совести карателей этого батальона тысячи жизней советских людей, всё «преступление» которых заключалось только в том, что люди эти любили по-сыновьи отчужденную землю, делили с ней любовь и радости, не могли смириться с

черным нашествием врага. На совести карателей – жертвы бывшего концентрационного лагеря в совхозе «Красный».

...Наша газета уже писала о кровавых злодеяниях фашистов и их подручных. Читатель может познакомиться со статьями, опубликованными в «Крымской правде» 25, 26 декабря 1970 года, 20 февраля и 11 декабря 1971 года и другими, где приводились конкретные методы истребления советских людей. Но и сегодня мы не можем без содрогания слушать приводимые в обвинительном заключении подробности и новые факты о массовом уничтожении наших соотечественников.

...Я вслушиваюсь в строгие строки обвинительного заключения и думаю о том, что сейчас, в этом рабочем клубе, судят не только шестерых из разбойничьего батальона. Рядом с ними на позорной скамье подсудимых – фашизм, обветшалые, затхлые знамена буржуазного национализма, под которыми изменники шли кровавыми походами на наш светлый мир, на наш социалистический строй. Они замахивались на святая святых – наш пролетарский интернационализм, дружбу народов-братьев. Где сегодня эти предатели? Гниют на свалке истории. Страна же наша, великий ленинский союз народов триумфально шествует к 50-летию славного юбилея – образования Союза Советских Социалистических Республик.

...Мы помним и никогда не забудем тех, кто отдал жизнь за нашу Родину. Двадцать миллионов павших в борьбе советских людей, в том числе и шесть с половиной тысяч замученных, брошенных заживо в колодцы, в выгребные ямы, сожженных на кострах, удушенных в автомобилях-душегубках, расстрелянных в концлагере на территории совхоза «Красный» - все они здесь, рядом с нами предъявляют свой неумолимый счет фашистскому отребью из 152 добровольческого батальона «СД».

Вот они – каты из «оперативных групп», «оперативных команд» (айнзацкоманд) – Ходжаметов, Абжелилов, Салаватов, Куртвелиев, Парасотченко, Кулик. До войны они жили на нашей земле, предали ее и продались ненавистному врагу, палачам и убийцам, осененным свастикой. И сами стали убийцами. Сейчас они притихли. Посмотреть со стороны – прямо «казанские сироты». Но истинное свое нутро – нутро бешеных волков им не скрыть. Есть в зале суда люди – очевидцы их злодеяний. Как показало на предварительном следствии одна из бывших узниц концлагеря в «Красном», которой чудом посчастливилось бежать из-за колючей проволоки, палачи из 152-го добровольческого батальона особенно лютовали, когда к Крыму подошла Советская Армия. «Три последних дня массовых расстрелов, которые совершались осенью 1943 года, я никогда не забуду, - заявила свидетельница. – Уже после бегства из лагеря я долго бредила этими кошмарами. Над лагерем стоял тогда стон и плач детей и женщин».

Это же показали и другие очевидцы, которые пояснили, что бочки с бензином и смолой для сжигания расстрелянных и замученных вывозились за абрикосовый сад . Эти зловещие костры сооружались в верхнем участке совхоза. Так фашистские прихвостни заметали следы своих преступлений. По методам убийств, по массовости их лагеря в совхозе «Красный» с полным правом можно назвать лагерем смерти, «сборным пунктом смертников».

После войны подсудимые жили в постоянном страхе, в непрерывном ожидании заслуженного и неотвратимого возмездия за содеянное. Они были и остались преступниками. Двух из них – Абжелилова и Куртвелиева органы государственной безопасности разыскали... в исправительно трудовых лагерях., где бывшие «добровольцы» отбывали наказание за растление малолетних. Абжелилов был дважды судим за хулиганство и нанесение телесных повреждений. После заключения бывший палач устроился работать шофером. Парасотченко по-заячьи петлял по всей стране. Его арестовали в Магадане. Очевидно, надеялся, что там, на Крайнем Севере, он сумеет уйти от кары. И так каждый из арестованных.

Они не ушли от расплаты. Их судят. Встать! Суд идет!

**Г. СОКОЛОВ,
спецкорр «Крымской правды»**

Газета «Крымская правда». 30 мая 1972 года.

№ 8. НЕТ ПОЩАДЫ ПРЕДАТЕЛЯМ!

Позавчера в нашей газете было опубликовано сообщение о начавшемся судебном процессе над группой карателей – изменников Родины, находившихся в годы войны на службе у гитлеровских оккупантов в 152-м татарском добровольческом батальоне СД.

Судебное разбирательство уголовного дела А. Абжелилова, Т. Ходжаметова, Я. Куртвелиева, Ш. Саловатова, С. Парасотченко, Н. Кулика продолжается.

Дом культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова. Зал судебного заседания не вмещает всех кто пришел сюда, чтобы предъявить счет фашистским холоуям. Многие находятся в сквере у входа в здание: процесс судебного заседания транслируется, и каждый может слышать все, что проходит в зале заседания. Родные и близкие замученных и расстрелянных, бывшие партизаны и подпольщики, представители рабочих и служащих предприятий и учреждений, не скрывая своего возмущения, слушают показания подсудимых.

Первым допрашивается А. Абжелилов. Отрицать свою вину в пособничестве гитлеровцам он не рискует: слишком явные следы оставили эти подлые выродки. Но каждым ответом предатель пытается подчеркнуть свою незначительную роль, изобразить себя этаким безвинной жертвой сурового времени войны, выставляя в качестве причин перехода на службу в добровольческий батальон СД трусость, молодость.

К началу Великой Отечественной войны Абжелилову исполнилось двадцать пять лет. Так что скидку на молодость никак не сделаешь. Что же касается «трусости», то ее в полной мере испытали на себе сотни жертв. И как ни пытается он внушить судьям, что помогал оккупантам уничтожать советских граждан из единственного побуждения – выжить самому, в это никто не верит, материалы следствия изобличают предателя полностью.

Попытка увильнуть, вызвать сочувствие, - мол, все делал по принуждению, из страха, - сразу же была пресечена замечанием председательствующего – полковника юстиции А.Е. Бушуева:

- Не ловчите, вы же и сами не верите тому, что говорите.

Абжелилов показал, что в конце сентября и в начале октября 1943 года в балке, расположенной недалеко от концлагеря, было расстреляно примерно 70 – 80 человек. Он находился в оцеплении, как сторожевой пес следил, чтобы ни один узник не сбежал....

В конце октября – начале ноября в Дубках было расстреляно свыше 1500 советских граждан. Абжелилов признал, что он конвоировал заключенных от барака к месту (бывшему гаражу), где несчастным скручивали проволокой руки, а затем погружали их в машины. И заметьте: он не толкал в спину прикладом, а «помогал» женщинам взобраться в грузовик.

Зал чутко реагирует на каждую попытку увильнуть, уйти от ответственности одного из команды палачей.

Он признал, что лично участвовал в расстреле группы граждан из восьми человек.

- Нас тоже было восемь. Мы конвоировали пятерых мужчин и трех женщин и выстрелили им в затылки...

Он участвовал в карательной операции против мирного населения. В конце 1943 года всех жителей нескольких сел Бахчисарайского района согнали вместе, а дома (в одном селе 200, а в другом до 600) полностью сожгли. Такая же участь постигла и ряд сел вблизи Зуи. Причина?

- За связь с партизанами.

Прежде, чем стереть с лица земли каждый дом, сжечь его дотла, они как пиявки, напивались крови невинных жертв. Мародеры глумились над ними, набивали свои мешки добром, брали все, чего их черная душа пожелает...

Вопросы государственного обвинителя полковника юстиции П.И. Модленко, общественных обвинителей – председателя рабочкома совхоза «Красный» Т.И. Третьякова, бывшего комиссара партизанского движения в рыму С.В. Мартынова, бывшего узника А.С. Бабенко заставляют изменника признать свое участие в массовых злодеяниях.

- В числе сброшенных в колодцы были дети?

- Да, некоторые совсем маленькие.

- За что же их?

_ Чтобы не оставалось никаких следов преступления.

_ Что сделали с лагерем перед приходом Красной Армии?

- Его сожгли, а колодцы забросали камнями, потом сверху ветками...

- Вы слышали крики людей?

- Конечно, раздавался сплошной крик и плач...

_ Что вы знаете об избиении узника Кондратьева?

- На меня и моего брата Сервера, который был командиром отделения, показывают, будто мы участвовали в его избиении. Это я отрицаю. После того, как Кондратьева водили сквозь строй, даже не понимаю, как он остался живым.

К судьбе жителя Феодосии Леонида Терентьевича Кондратьева мы еще вернемся. Он присутствует в зале и, слушая одного из своих мучителей, с возмущением замечает:

- По вашим рассказам, Абжелилов, получается, будто вы ни в чем не участвовали, стояли в стороне или приходили к концу «операции». Но это было не так.

Факт за фактом суд восстанавливает события, связанные с массовым истреблением людей. И пусть один из подсудимых больше, а другой меньше прислуживали врагу, все они изверги, так как помогали уничтожать своих сограждан, ходили по их трупам и не повернули оружия против фашистов. Ведь гитлеровцев в концлагере было в двадцать раз меньше, чем добровольцев из батальона СД.

Даже сам подсудимый Абжелилов, не подозревая того, признал, что измену, предательство нельзя прикрыть никакими обстоятельствами. Настоящие патриоты вели себя иначе. В своих показаниях он привел такой эпизод.

- Во время одной из «сортировок» сам Краузе решил избавиться от расстрела девушку по имени Тамара. Она была очень красивой. «Поедешь в Германию?» - спросил у нее немец. Девушка плюнула ему в физиономию...

- Скажите, если бы вы хотели, спрашивает член суда Абжелилова, - вы могли бы уничтожить немцев и увести заключенных в лес, к партизанам?

- Запросто...

И тут же оправдывается: он «дал присягу на верность германской армии и должен был честно, добросовестно ей служить».

- Как вы сами оцениваете свои действия?

- Как прямое зверство. И в этом раскаиваюсь, но уже поздно...

Весь ход судебного процесса говорит о том, что не могло и не может быть никаких обстоятельств, которые оправдывали бы убийство, измену Родине, предательство. За вскрытыми картинами тщательно продуманной системы истребления советских людей вырисовывается сама сущность фашизма. Это человечество не забыло и не забудет.

Память живых хранит дымящиеся трубы крематориев в Бухенвальде, серые застенки Освенцима, пепел Лидице. И пусть трагедия на территории совхоза «Красный» открылась миру несколько позже, но она встала в ряд самых страшных преступлений фашизма, и от нас зависит, чтобы такое не повторилось.

.... На скамье подсудимых – шесть изменников Родины. За все содеянное им придется держать самый суровый ответ. Судебное следствие продолжается.

Е. ПЕРВОМАЙСКАЯ

Газета «Крымская правда» от 1 июня 1972 года.

*****

№ 9. ШАКАЛЫ

Мы уже писали о первых двух днях судебного процесса над группой карателей, предавших Родину, и несших службу в 152-м добровольческом батальоне «СД». Сегодня рассказывается о третьем дне заседания выездной

сессии Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа под председательством полковника юстиции А.Е. Бушуева.

* * *

...Идет допрос Шевкета Салаватова. Высокий, черноволосый, в коричневой рубашке, бывший охранник концлагеря на территории совхоза «Красный» то и дело вытирает платком волосатые руки. Я смотрю на палача, на его длинные подрагивающие пальцы и вижу, как он сжимает карабин нацеленный на безвинные жертвы. Тогда эти руки не дрожали.

Он родился здесь, в Крыму, под Ялтой, в красивом, утопающем в зелени селе, рядом с Никитским ботаническим садом, а стал ядовитым сорняком, отравившим, уничтожившим жизнь многих прекрасных людей. Кощунством звучат в его устах о «честном труде», о «бессменной работе на одном месте» - в одном из автохозяйств Намангама Узбекской ССР, где его и нашли органы государственной безопасности.

Незадолго до войны он окончил школу фабрично-заводского обучения при Керченском судоремонтном заводе. Жизнь десятки раз предоставляла ему возможность остаться советским человеком. И всякий раз он отвергал эти возможности. Мог эвакуироваться, когда уезжали на Тамань его родные. Не эвакуировался. Переправляется на кавказский берег завод – Салаватов уехал в деревню под Старый Крым.

- Что я мог тогда, - плачет теперь бывший палач, - мне было восемнадцать лет...

И он добровольно вступил в отряд так называемой «самоохраны» и «охранял от партизан село Камышлы».

Он хитер и изворотлив. Всячески старается оттянуть время, лишь бы не дойти до рассказа о том, что, главным, в чем его обвиняют, - об участии в массовых расстрелах ни в чем не повинных людей, узников концлагеря совхоза «Красный».

Не за тихий нрав и не за пассивность бывшего рядового из отряда «самоохраны» перевели в добровольческое подразделение, базировавшееся в Джанкое, а потом – в 152-й татарский добровольческий батальон «СД», лютовавший в лагере смерти. Свою собачью службу в рядах фашистских прихвостней он именуется «работой». Зал возмущенно гудит при его этих выражениях, потому что уже все знают, какая это была «работа».

В охранку фашисты брали только проверенных в кровавом деле палачей. И сколько бы не пытался Салаватов объяснить суду, что он попал в 152-й батальон «СД» случайно, факты неумолимо свидетельствуют обратное.

Видел ли он, как в концлагере истязали узников, как их убивали без суда и следствия, как измывались над людьми, сталкивали их заживо в выгребные ямы, впрягали в груженную камнями телегу и погоняли палками?

- Да, видел. Да, слышал...

- Скажите, обвиняемый, в вас была в лагере какая-нибудь кличка? – задается ему вопрос.

Он мнетя, потом утверждает: да, была.

- Поясните – какая?

- «Шакал», - звучит в ответ.

... «Шакал». Так окрестили его «сослуживцы». Сами звери, они признали его своим за звериные повадки, за подлый, трусливый, хитрый и жестокий нрав.

Да, он был подлинным зверем. Он и сейчас по-звериному пытается замести следы своих преступлений, навести тень на плетень. Но не тут-то было. Терпеливо, шаг за шагом приоткрывает суд скрытое временем, устанавливает один факт за другим, изобличая палача.

Припертый к стене, Шевкет Салаватов сознается, наконец, что был не только простым соучастником массового уничтожения узников лагеря смерти в совхозе «Красный», но и сам приложил к этим преступлениям руки.

...Он служил в четвертом взводе палачей. Выезжал с оружием несколько раз в карательные экспедиции против партизан, участвовал в уничтожении деревень. В одной из них, расположенной в Зуйском районе, профессиональные убийцы согнали в сентябре 1943 года всех стариков, женщин, детей в один дом и заживо сожгли их. С его участием было полностью сожжено село Саблы – ныне Партизаны.

- Мы тогда выехали в это село на четырех грузовиках. На одном из них был установлен четырехствольный крупнокалиберный пулемет. Впереди шла открытая легковая машина, в котором сидело немецкое начальство, - спокойно повествует преступник.

После карателей на месте села остались печные трубы и трупы жителей.

В октябре 1943 года, когда Красная Армия подошла к Перекопу, палачи решили ликвидировать концлагерь в совхозе «Красный». Салаватов ревностно выполнял «свой долг». Поднятый «по тревоге», он хватал людей,

заталкивал их в машины и конвоировал к последней черте, в урочище Дубки, к тем страшным ямам.

Я закрываю глаза и мысленно переношусь в тот далекий день. Вот он, Салаватов, с остервенением толкает в спину прикладом замешкавшегося старика. Рычит Подгоняет. Наконец, крытый брезентом грузовик набит до отказа. В кузове – около сорока обреченных. Они сидят вплотную друг к другу. И, поняв в чем дело, шлют проклятия палачам. Салаватов тут, в кузове, в правом углу. В трех остальных углах его, как он выражается, «сослуживцы». Дула винтовок нацелены на людей, на наиболее «крикливых» сыплются удары: «Молчать!» Там, в конце пути ждет квадратная – 5х5 метров яма. Машина подруливает к ней задним бортом. Охранники сортируют людей по группам и заводят туда.

Выстрелы. Выстрелы. Выстрелы. Пистолетный и винтовочные, они обрывают последний крик: «Вам не уйти от расплаты, гады. Наши придут. Отомстят за нас...»

Салаватов рассказывает, как держались перед смертью советские люди, истинные патриоты Родины. Один мужчина в тельняшке пел «Интернационал». И гимн этот до сих пор слышит палач, до сих пор он говорит об этом эпизоде со страхом.

Четыре машины вывез из лагеря к месту массового расстрела Шевкет Салаватов. Кровь 120 человек, как неопровержимо доказано на суде, запеклась на руках карателя.

В ночь с 10 на 11 апреля 1944 года Салаватов «помогал» сбрасывать в колодец оставшихся еще в живых узников. Утром палачи в панике бежали под напором нашей армии к Севастополю. Там он вместе с таким же отребьем погрузился на корабль и отплыл за море. Фашистский холуй остался верен своим хозяевам и не выпускал из рук винтовку до 1945 года. Его взяли в плен американцы в Италии и передали нам.

Он скрыл, что был карателем и палачем. Ему удалось избежать кары за содеянное тогда, сразу после войны. Но он не ушел от нее.

***

В тот же день Трибунал приступил к допросу обвиняемого Н. Кулика. Заседание трибунала продолжается.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 3 июня 1972 г.

№ 10. ПРИПЕРТЫЕ К СТЕНКЕ

Мы уже сообщали вчера, что выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного военного округа под председательством полковника юстиции А.Е. Бушуева продолжала допрос подсудимых. На этот раз ответ держали обвиняемые Н. Кулик и Т. Ходжаметов.

...За Барьером, у микрофона, заложив руки за спину, стоит упитанный, среднего роста, лысеющий мужчина. Голос его сипловат, говорит тихо. Это бывший каратель 152-го татарского добровольческого батальона СД – Николай Кулик. Сейчас ему пятьдесят один год. Уроженец села Чаплынки Херсонской области, он накануне войны был призван на действительную службу и являлся связистом. Под Ростовом, у станицы Медвежьей, оказался в окружении. Его товарищи пробивались к своим. Кулик переделся в гражданскую одежду и «пошел в тыл». Он изменил тогда Родине первый раз, нарушив присягу. Дезертир добрался до дома. Думал спокойно отсидеться в сторонке, пока армия наша сражалась насмерть с фашистами. Но угодил в лагерь военнопленных в Джанкое. Здесь он изменил Родине во второй раз, согласившись добровольно служить гитлеровцам в зловещем 152-м батальоне СД.

Об остальном можно было бы и не рассказывать. «Служба» Кулика у фашистов, как две капли воды, похожа на послужной список остальных палачей из этого же батальона: ездил в карательные экспедиции против партизан, участвовал в операциях по уничтожению сел; стоял в оцеплении, когда узников лагеря смерти вывозили на массовые расстрелы; был с винтовкой в руках у колодца, когда людей сбрасывали туда, и т.д.

После содеянного он убежал из Симферополя. Ему удалось замести следы. До 1953 года жил в Московской области, работал на шахте. Потом, набравшись наглости, палач переехал в Крым. Верна примета: преступника тянет на место преступления. Все эти годы он жил в ожидании кары. Сейчас обмякший, отрешенный, сидит палач на скамье подсудимых, молчаливо, исподлобья бросает взгляд в зал и отворачивается, не выдерживая сотен глаз, с презрением и гневом, смотрящих на него. Никого не обманывает его вид. Истинное лицо карателя лепят факты...

Петляет, юлит, извивается как змея, и другой подсудимый – Тейфук Ходжаметов. Отпирается, что столкнул старика в выгребную яму, и тот утонул. Его водили на место, где это произошло. Он сам, в присутствии понятых, показал тогда, где была эта яма. Теперь палач начинает утверждать: «Яма была сухая, в ней был только мусор».

- Ходжаметов, вы не отрицаете, - задает вопрос председатель трибунала А.Е. Бушуев, - что столкнули в яму старого человека?

- Правильно ли записано с ваших слов, что старик этот посмотрел на вас так, что вам стало страшно?

- Правильно. Посмотрел.

- Вы снова утверждаете, что он не утонул?

- Может, и утонул, я ушел. Не знаю...

На том месте, где находилась яма, были раскопаны останки нескольких человек. Вопросы председателя трибунала и государственного обвинителя избличают палача. А он все еще выкручивается. Все подсудимые показывают, что Ходжаметов лично принимал активное участие в массовых расстрелах. Он отрицает.

- Выходит, все говорят неправду, только вы один – правду? – задают ему вопрос.

- Не знаю.

Он не знает. Он не видел. Стоять – стоял с винтовкой, «караулил», чтобы никто из обреченных не сбежал. Конвоировал людей к месту казни. Его видели свои же каратели у ям, где стреляли людей. А он не знает. Он не видел, как людям скручивали проволокой руки. Его видели, как он избивал заключенных, а палач опять в ответ: «Не знаю».

- Скажите, Ходжаметов, - за что вас повысили в звании, сделали командиром отделения?

- Никто меня не повышал. Аблякимов (старшина роты) назначил, - отвечает Ходжаметов. – Любого мог назначить...

- В таком случае, придется зачитывать ваше показание, то, что вы давали раньше, - останавливает его председатель трибунала и читает выдержку из следственного дела, где черным по белому за подписью самого подсудимого сказано: «Меня повысили в звании потому, что я ревностно нес службу и выполнял приказы начальников».

Припертые к стенке неопровержимыми уликами, фактами, палачи вынуждены соглашаться, что сами добровольно истязали узников в концлагере совхоза «Красный», сами по доброй воле, стараясь угодить хозяевам, создавали этому лагерю черную славу лагеря смерти, сборного пункта смертников. Им страшно признаваться в содеянных кровавых преступлениях. Но деваться некуда.

Суд идет. Трибунал продолжает устанавливать истину.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «крымская правда» от 4 июня 1972 года.

*****

№ 11. ПОЗОР И ПРОКЛЯТЬЕ ПАЛАЧАМ

Те, кто следит за судебным процессом над группой карателей из 152-го татарского добровольческого батальона СД, уже имеют представление о подлых делах изменников Родины. В минувшую субботу допрашивали последнего из шестерых – Якуба Куртвелиева.

Представление о стыде и совести у этих людей, видимо, особое. Будто по одному сценарию, они бессовестно разыгрывают роли невинных жертв сложившихся обстоятельств, и теперь, видите ли, такиеслова, как жестокость, злодейство, их даже не шокируют.

Подсудимый Куртвелиев ничем от остальных участников злодеяний не отличается. Разве что еще большей изощренностью во вранье, наглостью, с которой он вступает в пререкания с членами суда, изворачивается.

Процесс над бывшими палачами привлек большое внимание общественности. Все эти дни зал Дома культуры завода имени Кирова заполняют сотни людей, очень многие собираются в сквере и слушают работу выездной сессии военного трибунала по трансляции. Не простое любопытство привело их сюда. Познакомимся с некоторыми. Вот группа мужчин, обращаюсь к самому старшему.

- Заворотниченко Владимир Григорьевич, токарь авторемонтного завода имени Куйбышева, - представляется он. – Уже третий раз сюда прихожу. Дважды отпрашивался на работе, а сегодня – суббота, свободен, буду до конца.

С фашистами мне довелось встретиться в упор. В Маутхаузене. Прочитал в газете, что в качестве общественного обвинителя выступает и бывший узник этого лагеря смерти Алексей Спиридонович Бабенко. Даже из одного 23-го блока. Тут через много лет встретились.

Владимир Григорьевич рассказывает, как однажды, возвращаясь с работы из каменоломен, заключенные стали свидетелями страшной, чудовищной пытки над генералом Карбышевым, на их глазах он превращался в ледяное изваяние: на морозе его обливали водой...

- А в концлагере совхоза «Красный» из ваших близких никто не погиб?

- Как же, товарищ моего детства Коля Мормуль. Работали на одном заводе. Я попал в облаву, когда шел в Зую с запиской к партизанскому связному. А

Колю схватили в Симферополе. На него донесли, что связан с партизанами. Парень отстреливался, а за ним гнались фашисты, как гончие псы.

Воспоминания разволновали.

- Да вот его сын Владимир, - сказал он после паузы.

Молодой, красивый, светлоглазый мужчина посмотрел в нашу сторону.

Владимир Николаевич Моргуль родился в сорок первом, отца не помнит, работает на заводе, «как и батя».

- Я был в зале, - говорит он, - видел этих палачей. Трудно передать состояние...

Говорит коротко, напряженно ловит каждое слово, что доносится по трансляции.

- Видите, как изворачивается, - комментирует мой собеседник показания Куртвелиева. – И какой дождь шел помнит, и чем кормили. А как доходят до главного – как мучили людей – память отшибает. Ну, змей...

- Про «пулевой дождь» бы рассказал, вставляет В.Г. Заворотниченко. – Там, в Маутхаузене, тоже: попал в СД – пощады не жди, будут бить, пока кровь не увидят.

- За все должны заплатить мерзавцы, - это уже доносится из той толпы, в которой был Мормуль. – Слушаешь этих фашистских холуев и диву даешься: как их земля носит!

Здесь в сквере, кто как мог пристроился: скамеек не хватает, поэтому люди сидят на каких-то ящиках, многие, подстелив газеты, - на бордюрах цветочных клумб. Вот молодая пара.

У вас тоже кто-нибудь погиб? – спрашиваю.

- Нет, я недавно из Омска, там война не проходила, - охотно рассказывает рабочий Крымского производственно-художественного комбината Николай Петрович Тетяков. – Мой товарищ Валерий Адинков участвовал в извлечении останков расстрелянных из ям в совхозе «Красный». Каждый вечер рассказывал мне об ужасах.

- Звери, звери, другоно слова не подберешь, говорит сидящая тут же жена Тетякова Лидия Ивановна.

- Я знал, будет суд над убийцами, ждал этого дня, - продолжает Тетяков. – Непостижимо слушать. Какая жестокость! Садисты, страшнее ничего нельзя

себе представить. Головорезы, хорошо, что их поймали. Они должны получить по заслугам...

Обращаюсь к немолодому грузному мужчине.

- Шофер телезавода Виктор Александрович Осипов, - представляется он. – В день открытия процесса был в зале. Смотреть не на что: подлецы, одним словом. Каждый старается извернуться, оборотни, проклятые. Откуда такие взялись...

- А сами вы во время войны что делали?

- Бил фашистов, что же еще?.. А там в ямах, в Дубках, лежит немало моих товарищей. Были они в лесу, партизанили, да не все дожили до победы...

Так, с кем не заговоришь, - у каждого свой счет к предателям. Верно считают: тот, кто всерьез хочет думать о будущем, не должен забывать прошлого. Вот почему не должны быть прощены эти человеконенавистники, чудовищно истреблявшие людей, сеявшие неисчислимы страдания.

А из рупора слышится голос государственного обвинителя:

- Подсудимый Куртвелиев, с какого расстояния вы расстреливали того узника?

- Метров с семидесяти...

- Что вы знали о нем?

- Ничего...

Иду в зал. Навстречу – две пожилые женщины.

- Двенадцатого июня сорок первого Колю, сына моего, призвали в армию, - рассказывает Наталья Демьяновна Матвиенко, приехавшая специально на процесс из Запоржской области. – С дороги пришло от него одно письмо, предупреждал: получу назначение – сообщу. И больше ничего, ни строчки. Только в сорок четвертом – извещение: «Без вести пропал». Конечно, ждали, что там говорить. Везде писали, запросы делали: ответ тот же.

Порой мать ловила себя на мысли, что стала забывать образ сына. Посмотрит на его сверстников, хочет и Николая представить возмужавшим, раздавшимся в плечах. А достанет единственную сохранившуюся фотографию, где он в простенькой рубашке, в недорогом пиджаке, и не может другим видеть.

- Еще и костюмчикане сносил, видите, - показывает она пожелтевший снимок.

Крупные, широко расставленные глаза словно обращены не в объектив, а к нам: помните ли вы нас?..

- Слов моих нет: крутят, изворачиваются, говорит Наталья Демьяновна. – А им одно название – предатели. И должны ответить за все, что причинили нам, матерям.

Женщина говорит, а сама не пропускает ни вопросов к подсудимому, ни того, как он маневрирует, чтобы оправдаться.

- Самое суровое наказание должны им вынести за такое бесчестье.

Идет суд. У народа слишком великий счет к изменникам, продавшимся фашистским палачам.

Е. ПЕРВОМАЙСКАЯ

Газета «Крымская правда» от 7 июня 1972 года.

*****

№ 12. ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ

В Симферополе в открытом судебном заседании выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа продолжает рассмотрение дела карателей – изменников Родины А. Абжелилова, Т. Ходжаметова, Я. Куртвелиева, Ш. Саловатова, С. Парасотченко и Н. Кулика.

В течение семи дней продолжается допрос подсудимых. Предатели прибегали к различным приемам, чтобы как-то обелить себя, изобразить все не так, как было на самом деле. Они ловчили, выкручивались.

- На карательные операции против партизан не выезжал, в массовых расстрелах узников лагеря не участвовал, - заявляет подсудимый Куртвелиев.

- Обессилевших стариков, узников лагеря, в выгребную яму не сбрасывал, обреченным руки проволокой перед казнью не скручивал, - вторит ему Ходжаметов.

И так все. Петляют, как звери, заматавая следы. Но их неопровержимо выводят на чистую воду перекрестный допрос судей, государственного и общественных обвинителей. Прижатые фактами, каратели вынуждены говорить правду. Они признают, что шесть – семь эсусовцев не могли без помощи 130 добровольцев татарского батальона СД за несколько дней уничтожить свыше 6.500 узников лагеря. Но пытаются спрятаться за спину других, выгораживая себя.

- Все они – Абжелилов, Салаватов, Ходжаметов, Парасотченко, Куртвелиев – принимали активное участие в массовом расстреле узников, показал Кулик.

- А я не участвовал, - с наигранным пафосом заявил Куртвелиев. – Я тогда не был в лагере: уехал проведать больную мать.

Его сразу же изобличают во лжи те, кто сидит рядом. Они показывают, что Куртвелиев, как и все добровольцы, выполнял ту же черную «работу», расстреливал советских граждан. Деваться некуда, и он поясняет:

- Застрелил одного узника, который пытался бежать.

Гневно, возмущенно реагирует зал на его уточнение: «Возможно, этот узник был фашистским провокатором...»

Одни за другим следуют вопросы председательствующего, государственного обвинителя, защитников. Куртвелиев не хочет давать правдивого ответа. Но как не выкручивался, вины ему не скрыть. Это очевидно всем, кто присутствует в зале.

Все, что говорили подсудимые один о другом, соответствует фактическим данным. Каждый из них подтверждает, что концлагерь на территории совхоза «Красный» был лагерем смерти. Все добровольцы татарского добровольческого батальона СД в разное время и неоднократно участвовали в массовом уничтожении людей в этом лагере.

Раскрылась и зловещая картина комплектования 152-го татарского добровольческого батальона СД. Вся система подготовки и подбора этой «коричневой гвардии» строилась на том, что туда подбирали только тех, в ком нет ничего людского. Выдвинутая подсудимыми версия, будто их насильно заставили служить в этом батальоне, разлетается в ходе разбирательства, как пыль.

- Не по своей воле изменили Родине, стали карателями, - поясняют отщепенцы. – Во всем повинны эсэсовцы. Чинили насилие над нами.

«Чинили насилие»! Понравился эсэсовцам, например, Парасотченко, сказали – иди убивай, и он пошел. А по своей, мол, воле никогда бы не сделал этого. Сказали ему взять оружие – он его взял. И цепко держал это оружие почти три года. «Насилием» со стороны эсэсовцев был и предоставленный ему 15-дневный отпуск для поездки домой. Плоско, неубедительно звучат оправдания предателей.

- А как же понимать ваше объяснение, что вы не имели возможности порвать с эсэсовцами? – спрашивает его председательствующий.

- Струсил... Все это через мою малограмотность.

Он боялся! Боялся народного гнева. Потому и не спешил порвать со своей коричневой сворой. Удерживали его те узники лагеря, которые были расстреляны им и другими карателями.

Как мыльный пузырь лопнуло и отрицание Ходжаметовым его участия в карательных операциях против партизан и мирных граждан. Будучи изблещенным он признавал, что ездил на эти операции.

Касаясь деталей расстрела узников, Абжелилов и Парасотченко признали, что они, а также Куртвелиев, Ходжаметов и Салаватов в один из дней массового уничтожения людей каждый расстреляли по одному человеку.

- Хорошо помню, - сказал Ходжаметов, мы поставили их на колени лицом к яме. И каждый из нас выстрелил в затылок и убил по одному узнику.

***

В Доме культуры консервного завода имени Кирова, где проходит судебное заседание трибунала, всегда многолюдно. Переполненный зал внимательно и чутко следит за ходом процесса над шестью преступниками, не скрывая своего возмущения их предательством, трусостью, низостью. В этот дом на улице Воровского ежедневно приходит почта. А в ней телеграммы, письма, в которых советские люди требуют сурового возмездия палачам.

Суд над изменниками Родины продолжается.

А. ЗАГОРОВ.

Газета «Крымская правда» от 9 июня 1972 года.

*****

№ 13. КОГДА КРОВОТОЧИТ СЕРДЦЕ

...Допрашивали последнего из подсудимых – Якуба Куртвелиева. Упитанное красное лицо, стоящие торчком черные усы, наглость и цинизм, сквозящие в каждом слове, в каждом жесте. Типичное лицо убийцы.

Органы Государственной безопасности Украины на протяжении нескольких месяцев скрупулезно и настойчиво занимались расследованием трагедии в концлагере на территории совхоза «Красный» и разыскивали палачей, причастных к массовому истреблению советских людей. Это была трудная работа. Но наши чекисты, как и прежде, оказались на высоте. И вот преступники перед судом народа...

После расправ с узниками в концлагере совхоза «Красный» Куртвелиев, как и все каратели запятнанные кровью безвинных жертв, торопливо бежал в Севастополь «на пароход». Через день – 13 апреля 1944 года – наши войска вошли в Симферополь.

Трибунал скрупулезно проследил каждый шаг изменника Родины. Оказавшись за границей, Куртвелиев не выпустил из своих разбойничьих рук оружия. Он сменил только форму палача из 152-го татарского добровольческого батальона на френч карателя из эсэсовского батальона.

- Почему вы это сделали? Ведь вас никто не неволил? – задают ему вопрос.

- А куда мне было деться? – с вызовом бросает отщепенец. И тут же переходит в атаку: - Почему мне не даете сказать, что я был в партизанах, когда был в Чехословакии...

Ему дают высказаться. Он долго и нудно перечисляет свои «подвиги» в партизанском отряде, называет операции, в которых якобы участвовал, борясь с фашистами.

Но государственный обвинитель полковник юстиции П.И. Модленко, внимательно выслушав разглагольствования подсудимого, все ставит на свое место. Оказывается, в ходе следствия были опрошены партизанские командиры и рядовые партизаны, которых называл Куртвелиев. Все они показали, что да, был взорван мост тогда-то, но в другом месте; да, проводились такие-то операции, но выполняли их совсем другие подразделения и т.д.

Точно установлено и то, что после «участия в партизанской борьбе» Куртвелиев продолжал верно служить фашистам. Сам он объяснил это тем, что гитлеровцы якобы взяли его «в плен», потом снова «забрили» в свою свору.

Зал суда, не сдерживаясь, возмущенно гудит: ну и нагл же этот тип!

- Подсудимый, почему вы говорите одно, а ранее говорили другое? Вот ваши показания, которые вы давали, уличает его председатель трибунала в очередной лжи.

Куртвелиев ни на секунду не смущается. Бандит и фашистский холуй делает прозрачную попытку бросить тень на «методы допроса». Тогда не знали, к сожалению, его истинного лица. Ему удалось скрыть свое активное участие в кровавых делах на территории Крыма. Теперь деваться некуда. Факты убийственно разят палача. И он сквозь зубы признает одно за другим преступления, совершенные на нашей земле...

Допросив обвиняемых, трибунал переходит к слушанию потерпевших, тех, кого мучили палачи, и тех, кто потерял в лагере смерти своих родных и близких. И вновь нельзя без содрогания и ужаса слушать подробности, детальные рассказы о произволе, царившем за колючей проволокой лагеря смерти.

- Меня сделали инвалидом в этом лагере. - говорит бывший узник Леонид Терентьевич Кондратьев. Он приводит примеры, как палачи из 152-го татарского добровольческого батальона СД морили людей голодом, издевались и измывались над обреченными, как творили над ними черную расправу.

- Я пытался бежать, - - звучит густой голос Кондратьева. - Поймали. И начали бить. Зверски бить. Били - вот он, сидящий здесь, на скамье подсудимых, - Абкадыр Абжелилов и его брат Сервер Абжелилов. Сейчас, на ваших глазах, он утверждает, что не знает меня, не видел, но я и его и его брата узнал бы из тысяч даже много лет спустя. Он - палач. И палачом остался. Они били безжалостно, со знанием дела. Когда я терял сознание от побоев, меня обливали водой из ведра и снова били. Потом привязали к столбу на плацу и оставили под палящим солнцем на целый день, окровавленного, с поломанными ребрами. Едва пришедшего в себя, они заставили меня потом носить огромные камни.

Палачи не ожидали увидеть в суде свою жертву. Леониду Терентьевичу все-таки посчастливилось бежать. И вот он здесь.

У Якова Григорьевича Лапковского палачи убили девятнадцатилетнего сына. Сразу после освобождения отец обнаружил его в яме в «Дубках». Юноша лежал, едва присыпанный землей. Его убили, видно, последним. Лицо было обезображено, руки скручены все той же алюминиевой проволокой.

У потерпевшего Вячеслава Федоровича Жердева каратели расстреляли отца-подпольщика, у Галины Александровны Скрипниченко - отца и мать - известную подпольщицу Людмилу Скрипниченко (Лесную), у Эдуарда Булова - отца и родственников. Все новые и новые люди дают показания трибуналу. Все они пришли сюда, чтобы предъявить суровый счет убийцам, фашистским прихвостням.

Говорят потерпевшие, и вжимаются в пол подсудимые. Кровь жертв тяжелым грузом пригибает этих подонков к земле. Суровой кары палачам требуют родственники замученных. От имен убитых звучат слова гнева.

Вот дает показания Фатима Мустафаева.:

- Где мой муж? - в слезах спрашивает у подсудимых женщина. - Вы убили моего мужа, расстреляли его в концлагере «Красный»...

В ответ гробовое молчание. Да и что могут ответить садисты! Не отмоешь теперь руки, по локоть обгаренные людской кровью. А кровь людская – не водица. Она требует ответа...

Заседание трибунала продолжается.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 10 июня 1972 года.

*****

№ 14. АДСКАЯ КУХНЯ УБИЙСТВ

Бывают минуты, когда сидящим в этом зале приходится собирать всю свою волю, чтобы подавить острую боль, сдержать крик, унять бешеный стук сердца. Их много, таких минут. Очень много...

В минувшую пятницу председатель Трибунала зачитал документы об итогах эксгумации останков жертв фашизма, расстрелянных в урочище Дубки, акты судебно-медицинской экспертизы и республиканской Комиссии по расследованию преступлений, совершенных гитлеровцами и их пособниками из 152-го татарского добровольческого батальона СД на территории лагеря смерти в совхозе «Красный». После этого продолжался допрос пострадавших.

К микрофону подходит Мария Севастьяновна Скороит и начинает свой горестный рассказ. У нее был сын. Звали его Сергеем. Ее надежда и опора. Фашисты арестовали его здесь, в Симферополе, незадолго до прихода наших войск. Матери удалось его увидеть еще раз после этого. Старушка крепится, закрывает глаза. Сейчас ей вновь видится сын. Двадцатидвухлетний, полный сил. Ее дитя. Как рассказывать об этом людям, чтобы и они увидели его ее любящими глазами? Мешают слезы. Она смахивает их.

- Он сказал мне тогда: «Мамочка, не плачь. Скоро придут наши. Тебе хорошо будет. Прости меня, мать. Я не мог поступить иначе».

Старушка плачет. Рыдания рвутся из груди со страшным придыхом. И медицинская сестра спешит поднести ей успокаивающие капли.

- Через несколько дней в город пришли наши, - продолжает Мария Севастьяновна. - Многие женщины, потерявшие своих, ходили и искали сыновей. Наши поиски окончились в Дубках. Серезу вытащили из ямы, и я его сразу узнала. Больше ничего не помню. Меня в беспамятстве привезли домой люди.

Последние слова опять обрывает стон. Ее мокрое лицо обращено туда, к барьеру, где согнулись в три погибели убийцы. И вот-вот сорвутся с губ матери гневные слова недоумения: «почему мертвы наши дети, и почему, по какому праву еще живы палачи?» Эти вопросы прямо висят в воздухе. Я смотрю в зал, на плачущих женщин, на нахмурившихся мужчин. И читаю на их лицах то же самое. Но люди молчат, хорошо понимая, что только суд может воздать должное палачам.

А суд терпеливо выслушивает потерпевших, уточняет, скрупулезно придерживаясь буквы закона, стремится определить точную вину подсудимых.

Дает показания Антонина Константиновна Ивлева из Старого Крыма. В концлагере расстреляли ее мужа. Ирида Александровна Платонова за три дня до прихода наших войск потеряла 17-летнего брата. Через шесть дней, 15 апреля 1944 года, отец и мать привезли юношу из Дубков, чтобы похоронить на кладбище. Он был застрелен в затылок.

Когда люди раскапывали эти страшные ямы, придели, что к трупам взрослых прикручены проволокой и маленькие дети...

У Веры Стапановны Чиликиной фашистские прихвостни расстреляли в «Красном» мать.

- А у меня, говорит Антонина Андреевна Анисимова, - убили двух братьев-подпольщиков. Младшему было 16 лет...

И вновь суд слышит горестную повесть, вновь сквозь плач встает перед присутствующими в зале жизнь двух отличных парней, не склонивших голову перед фашизмом.

- Как установила тогда, при раскопках 1944 года, комиссия, - старший брат был брошен в яму живым. Он лежал на дне. Младший – на самом верху. Руки до кости стянуты проволокой. Пальцы сломаны. Отец вернулся из Дубков седым. Ушел туда еще сильным, а за несколько часов стал стариком... Одно хочу сказать: спасибо всенародное нашим чекистам, нашим органам госбезопасности за то, что поймали этих гадов (жест в сторону подсудимых), за то, что душегубы понесут заслуженную кару...

Один за другим дают показания пострадавшие, раскрывая все новые и новые преступления из 152-го татарского добровольческого батальона СД.

В перерывах между заседаниями Трибунала многие люди останавливаются в фойе у длинного стола. Здесь разложены для всеобщего обозрения несколько толстых фотоальбомов. Жуткие фотографии. Они сделаны на месте раскопок в урочище Дубки и на территории совхоза «Красный», где в годы

оккупации находился лагерь смерти. И горы костей. Все, что осталось от тех, кого замучили и уничтожили палачи. Фотографии вещественных доказательств, торжественного перезахоронения жертв фашистского террора.

Мы никогда не забудем содеянного фашистским охвостьем...

...Начинается допрос свидетелей. Трибунал вызывает Куртмамбета Сейтумерова. Входит невысокий человечек, худощавый, смуглый, с большим носом. Бывший сослуживец подсудимых. Из того же 152-го татарского добровольческого батальона СД. С его появлением палачи чувствуют себя совсем неуютно. Этот знает многое, от него не отмахнешься. Он называет каждого убийцу поименно. Со всеми отлично знаком.

А зал затаил дыхание. Тихо: муха прожужжит – слышно. Потом будет шум. Потом будет гнев. А теперь тишина.

Свидетель ничего не скрывает. Он с готовностью рассказывает о своей «службе», о «работе» подсудимых Ходжаметова, Куртвелиева, Абжелилова, Салаватова, Парасотченко и Кулика, подробно отвечает на каждый вопрос государственного обвинителя полковника юстиции П.И. Модленко.

Жуткие картины встают перед глазами судей и сидящих в зале. Сейтумеров сам видел, как фашистские прихвостни стреляли в затылок невинным жертвам, называет Абжелилова, Салаватова, Ходжаметова, Куртвелиева, Кулика, которые творили черную расправу у ям в Дубках и у колодцев в самом лагере смерти. Теперь доподлинно ясно, как это было.

Особенно детально свидетель описал массовое уничтожение узников в ночь с 10 на 11 апреля 1944 года. У колодцев не было ограждения. Их выкопали незадолго до казни. Глубина по 20 – 25 метров. Две зияющие дыры в земле. В одном немного горькой воды, другой – сух. Людей подводили к краю. Тавили на колени, стреляли в затылок и ногою сталкивали вниз. Некоторых живыми.

- Я сам видел, как Салаватов, Куртвелиев, Абжелилов, Ходжаметов убили по 4 – 5 человек каждый. Других не видел. Парасотченко и Кулик стояли в оцеплении. Может и они стреляли, не знаю, что не видел, то не скажу.

Выясняется также, что Ходжаметов служил немцам ревностно, мечтал дослужиться «до высокого чина». Свидетель вспоминает, как Абжелилов с другими палачами наливал стаканы водки и распивал ее после расстрела очередной партии заключенных в Дубках.

- Я это видел, когда нас привезли на последней машине зарывать трупы, утверждает Сейтумеров.

- А отпуска давали, когда намечалось очередное массовое уничтожение узников? – задают ему вопрос. Вопрос важный. Некоторые из подсудимых ранее говорили, что их на это время не было в лагере.

- Нет, никому не давали. Все отпуска отменялись. Боялись нападения и побегов...

Уличенные фактами, подсудимые вынуждены признать свою вину, свое прямое участие в массовом истреблении узников, в карательных экспедициях и расправах над мирными жителями многих крымских сел.

- Скажите, Сейтумеров, - звучит в конце вопрос государственного обвинителя, - вы понесли наказание за измену Родине, за активное пособничество оккупантам?

- А как же. Меня судили в 1947 году, приговорили к 20 годам лишения свободы. Сейчас я работаю на шахте в Коми АССР.

Мерзкое, грязное лицо убийц и душегубов, клятвопреступников и истязателей встает перед Трибуналом со всей ясностью. Абжелилов славился мародерством, обкрадывал убитых, грабил в селах, когда выезжал в карательные экспедиции, продавал и пропивал награбленное. Куртвелиев, Салаватов, Ходжаметов, Парасотченко брали себе из числа заключенных наложниц, измываясь над человеческими чувствами своих жертв. Самые настоящие скоты, пещерные твари. Зверь перед лицом этих мерзавцев выглядит благородным существом.

Они не ушли от ответа. В этом заслуга наших чекистов.

Суд над фашистскими прихвостнями продолжается.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 14 июня 1972 года.

*****

№ 15. ПОЧТА ТРИБУНАЛА

Выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа продолжает рассматривать уголовное дело изменников родины, бывших карателей 152-го татарского добровольческого батальона СД.

На имя председателя суда полковника юстиции А.Е. Бушуева, государственного обвинителя полковника юстиции П.И. Модленко, членов трибунала, редакции газет ежедневно поступают письма от граждан не

только Крыма, но и других областей и республик. В них гнев, негодование, проклятие палачам, виновникам гибели тысяч советских людей. Эти письма являются дополнением к обвинительному заключению, предъявленному бывшим пособникам фашистских захватчиков.

Многие строки невозможно спокойно читать. Матери, жены, дети погибших, бывшие узники... Их боль лишь на время утихла. Суд над изменниками с ново силой встревожил никогда не заживающие раны.

Анна Петровна Харитонова к письму, присланному из Алушты, приложила справку из госархива, в которой говорится: «По материалам Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации Крыма (1941 – 1944 гг.), в списках граждан, расстрелянных по Симферопольскому району, под № 185 числится Панков Петр Ефимович, директор школы, под № 186 – Панкова Тамара Михайловна, учительница, под № 187 – Панков Геннадий Петрович, учащийся».

Анна Петровна пишет: «В справке почему-то ничего не сказано о сестре Софе, ей тогда был 21 год. Она тоже погибла в том же концлагере, на территории совхоза «Красный».

Вот уже 25 лет я работаю, как и мои родители, в школе. Только труд помогает мне бороться с пережитым горем.

Не исключено, что кто-то из подсудимых убивал моих родных. Требую самой суровой кары над ними».

«В этом концлагере замучили моего брата Василия, - пишет жительница Симферополя Варвара Прохоровна Охременко. – Его вытащили из колодца 21 апреля сорок четвертого года, а 22 были похороны. И я там была с больной матерью. Она инвалид первой группы, не ходила. Упросила отвезти ее на коляске: «Дайте мне увидеть сыночка в последний раз, хоть мертвого...» Я носила воду консервной банкой и обмывала лицо брата... Такой кошмар сроду не забудешь».

Леонид Пантелеевич Банскалинский просит трибунал выслушать его, так как он является не только очевидцем злодеяний, совершенных фашистами и их прихвостнями в концлагере, но и сам там на всю жизнь получил зарубку. О попал в лагерь смерти вместе с другими молодыми подпольщиками Ялты. Бывшие узники В.С. Гончарук, А.С. Золотых, А.А. Степаненко видели, как их товарища – 16-летнего комсомольца Леонида Банскалинского за попытку к бегству один из карателей плеткой бил по лицу. «Хлыст палача попал парнишке прямо в глаз, - заявляет А.А. Степаненко. – Окровавленного Леонида поволокли в тифозный барак, где никто никого не лечил».

А это из Феодосии:

«Пишу письмо и не могу сдерживать рыданий, - сообщает Лидия Ефимовна Пахомова. – Нашего брата Костю увезли в лагерь в сентябре 1943 года вместе с другими подпольщиками – Богдановой, Шепелевой. Мать тут же поехала узнать, но за колючей проволокой стояли добровольцы. Очень даже возможно, что тот или другой из подсудимых и бросил брата в яму...

Судите их по всей строгости закона, - заключает письмо Л.Е. Пахомова. – Огромное спасибо органам государственной безопасности, разыскавшим палачей».

Зелиха Ниязиева, также жительница Феодосии, начала свое письмо словами: «Меня крайне удивляет, что эти злодеи по сей день не были разоблачены и топтали нашу прекрасную землю, существа, потерявшие человеческий облик, они еще смеют есть наш советский хлеб».

Сейчас около семидесяти лет. Старый член партии, бывший работник ЧК, Зелиха Ниязиева требует сурового приговора тем, кто своим кровавым злодеянием опозорил ее народ.

«Нет на свете такого, с чем бы можно было сравнить этих выродков», - пишет из Черкасской области К. Мельник, которую в годы войны угоняли в Германию.

«Просьба матери – наисуровейшим образом судить» - просит Е.И. Барчутина (Симферополь).

«Я не знаю, чья проклятая рука оборвала жизнь моих родных: матери – Натальи Ивановны, отца – Андрея Дмитриевича, дяди – Александра Дмитриевича, - сообщает жительница областного центра Нина Андреевна Андрющенко. – Их забрали в гестапо 18 сентября 1943 года, а 10 октября расстреляли.

Может это сделали те, что сидят сейчас на скамье подсудимых? Ведь и они осиротили столько семей, эти проклятые подонки, уничтожив прекрасных людей. И потому им – самая суровая кара!»

Нет необходимости комментировать эти письма. Каждая строка дышит гневом.

«Я волнуюсь и не могу складно писать, - пишет Екатерина Дмитриевна Дундук, потерявшая мужа. – Да и как можно спокойно говорить о наболевшем. Ведь эту боль я ношу почти 30 лет. Пусть моя израненная душа хоть к какой-то мере подскажет вам, судьи, какой выбрать приговор».

«У нас в Воинке есть улица имени Кондратьевых, - пишет К.Г. Кондратьева. – Это мои родственники. Есть двухэтажная школа имени Вали Виниченко. Все они были настоящими людьми, и народ чтит их светлую память.

Да, у нас много есть прекрасного. А что у вас, коричневая гвардия? Не преследуют ли вас те 6500 узников, чья кровь обогрела ваши предательские руки?..»

В потоке писем есть и такие, в которых авторы требуют не ограничиваться судом над шестерыми предателями, а выявить и привлечь к уголовной ответственности и тех бывших пособников гитлеровских оккупантов, которые в свое время понесли наказание, но не такое, как заслужили, и тех, кто избежал правосудия. Надо до конца очистить землю от разного отребья, - говорится в письмах.

«Можно рассказывать до бесконечности, как фашисты и их пособники жгли наши села, бросали детей за ноги в огонь, а по остальным давали очередь из автомата, - вспоминает, словно кошмарный сон, Елена Егоровна Makeенко, у которой расстреляли отца, мать, сестру, а брат погиб на фронте. – Я пронесу эту боль в сердце через всю жизнь. И таких много. Потому и счет палачам велик. Поэтому и получить они должны сполна. Ни один изменник, утопивший в море крови советских людей, не должен пользоваться трудом тех, кто отстаивал свободу в самой жесточайшей из войн».

Надо ли к этому что-либо добавлять?..

**А СТАРОЛЫСОВ,
Е. ПЕРВОМАЙСКАЯ.**

Газета «Крымская правда» от 17 июня 1972 года.

*****

№ 16. ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

Я смотрю в лица предателей я вспоминаю своих друзей - однокурсников. Им было по девятнадцать. Сейчас о таких говорят — «мальчишки». В феврале сорок второго они ушли добровольцами в лыжный десант. Ушло 16 человек, и никто не вернулся.

Каждый из них, умирая, защитил пядь родной земли. Не просто клочек почвы, на которой росли трава, цветы, деревья, а часть Родины, на которой рождались, жили, работали люди. Погибая. Друзья мои защищали радость матери, улыбку ребенка, счастье влюбленных. В этом — смысл их подвига.

Я думаю о том, что дети, которых они прикрыли тогда от пуль, давно уже выросли, вступили в жизнь и воспитывают теперь своих детей. Значит, мои друзья защитили в годы войны и тех, кто еще не родился. Они защитили будущее — в этом продолжение подвига, его бессмертие.

А эти шестеро не защищали, они убивали. Добровольно, в поте лица фашистские пособники помогали уничтожению шести с половиной тысяч узников бывшего концлагеря, который размещался на территории совхоза «Красный». Шесть с половиной тысяч жизней, судеб, индивидуальностей, талантов. Лакеи фашизма и сами расстреливали мужчин и женщин, стариков и детей. Сбрасывали в колодцы, в выгребные ямы. травили газами в душегубках.

Предатели думали: свидетелей не будет, замученные и убитые не встанут, не укажут на них. Заметая следы преступлений, изменники Родины участвовали в массовом уничтожении советских людей.

Но на этом процессе свидетельствуют и живые, и мертвые. Вина предателей установлена. Все они: Абжелилов, Салаватов. Ходжаметов, Куртвелиев. Парасотченко, Кулик — заклеены. как палачи и убийцы.

Некоторые из них еще торгуются со свидетелями. Пытаются приуменьшить число своих жертв. Как будто не понимают, что вина их гораздо значительнее, чем они хотели бы это представить. Ведь они совершили преступление не только против конкретных людей, но и перед лицом Истории.

Они убивали за любовь к Родине, за самое светлое и благороднейшее из чувств. За то, что честные советские люди вставали на борьбу с фашистами, защищали свою землю.

Предатели убивали коммунистов. комсомольцев. Советских активистов. убивали матерей, жен, детей партизан.

Я смотрю в лица предателей и пытаюсь понять: почему они сделали это? Советская власть дала им равные со всеми права гражданства, возможность учиться, выбрать любую честную жизненную дорогу. Они учились в советских школах, учителя открывали им мир красоты, гармонию человеческих отношений, учили добру, справедливости.. Они могли стать полезными для общества людьми, могли строить дома, сажать сады, лечить людей. Могли оставить на земле светлый след.

Но они выбрали иную дорогу. Они встали на путь предательства и разом перечеркнули свое прошлое и будущее. Они встали под истлевшие знамена буржуазных националистов, чтобы стрелять в сердце Родины и вскормившей и воспитавшей их. Из таких отщепенцев и был сформирован 152-й татарский добровольческий батальон СД.

Сейчас шестеро предателей пытаются представить свою измену, как заблуждение юности. «Я был пацаном», — твердит Салаватов. А другие «пацаны», его ровесники, умирали за Родину, за свой народ.

«Я струсил», — стонет Парасотченко. Очевидно, полагает, что трусость может послужить смягчающим обстоятельством. А его земляки с гранатами в руках бросались под фашистские танки.

«Заставили», «принудили», «приказали», — наперебой оправдываются подсудимые. Слова эти знакомы нам еще по Нюрнбергскому процессу. Слова, которые плохо сочетаются с наименованием «добровольческий батальон».

Собаку можно адресовать на куропаток. а можно — на людей. Человек одарен разумом, он всегда ведает, что творит.

Я смотрю на изменников и стараюсь представить их детьми с ясными, не ведающими зла глазами. Чему учили их матери? Чему бы ни учили — все зачеркнуто. Потому что бесславна, позорна участь матерей, вырастивших предателей.

А что думали палачи, лаская собственных детей? Разве не вставали перед ними тени маленьких мучеников, убитых ими?

В Фойе Дома культуры завода имени Кирова. где проходит судебное заседание на столах лежат альбомы. В них — фотографии останков расстрелянных, их обувь, вещи. На одной из Фотографий я увидела маленькую ножку куклы. Последнюю игрушку замученного ребенка. Наверно, он не знал, что умрет. Зажал в кулачке игрушку. думал, что она еще пригодится. Не пригодилась. Теперь и игрушка свидетельствует против убийц. Вспоминали ли об этом убийцы, когда смотрели на своих детей? И что сейчас думают дети о своих отцах?

По гуманному советскому закону дети за отцов не отвечают. Они будут жить равнымн среди равных. Но тень предательства их отцов уже закрыла им солнце. И если люди не упрекнут, то самый простой и невинный вопрос: «Кто твой отец?» — всякий раз с болью ужалит сердце.

Думали ли изменники о своих нерожденных детях, когда вершили черные дела?

В зале суда — сотни людей. Участники войны, бывшие партизаны, подпольщики, рабочие предприятий. Многие женщины плачут: эхо войны, прозвучавшее в этом зале, разбудило в них уснувшую боль утраты. Для них война не кончилась.

Много здесь молодежи. Эти парни и девушки родились в послевоенное время. Но и им ночами часто снится война. Это наша горькая память живет в

них. Они тоже смотрят в лица предателей. Обыкновенные, кажется, лица. Не ищите безумных глаз. Не ищите крови на их руках. Кажется, и чувства у них обыкновенные: одному жарко, он вытирает платком лицо и шею, другой мнет в пальцах папиросу, ждет перерыва, чтобы закурить, третий счищает с рукава пятнышко.

Не верьте этой видимой обыкновенности лиц и чувств! Это всего лишь мимикрия. У каждого. из них есть второе, истинное лицо. Отвратительное лицо предателя, который стреляет всегда в спину. Всмотритесь внимательнее, и вы увидите, что их чисто вымытые руки по локоть в крови. Грязь отмыть можно, кровь невинно замученных - никогда.

Они уничтожали патриотов, вставших на защиту Отечества. Своим предательством они помогли врагу и тем самым продлили войну. Пусть всего лишь на неделю, на день, на час. Даже час войны чреват огромными жертвами. Они продлили войну - в этом их преступление перед человечеством. Они стреляли в детей, тем самым расстреливали наше будущее. В этом их преступление перед Историей. Так что напрасно они торгуются, стараясь приписать себе поменьше жертв. Они убивали нравственность, истязали преданность и любовь. расстреливали мужество и благородство.

...Дома `я достаю старые альбомы, листаю их. С довоенных фотографий улыбаются мне живые лица моих погибших друзей. Веселые, молодые, красивые парни. Им и сейчас по девятнадцать. Мои дети старше их, а мы ведь ровестники.

Я рассказала бы им, какой прекрасной стала наша жизнь. Как много построено новых городов,` как много сложено песен. Как празднично трудятся люди на своей свободной земле.

Но они не услышат. Они погибли, как и миллионы других, честных смелых, верных своему долгу. А эти шестеро, предавшие все, живут. Видят солнце, слышат песни. топчут землю, обогренную кровью их жертв.

Почему? По какому праву?..

...Завтра мы опять войдем в зал, где Трибунал судит предателей. Вместе с нами войдут мои погибшие друзья и миллионы других, отдавших жизнь за Родину. Невидимо будут сидеть они меж нами, живыми, и творить свой суд.

Суд живых и погибших. Суд народа. Суд Истории.

**Мария ГЛУШКО,
писательница.**

Газета «Крымская правда» от 18 июня 1972 года.

№ 17. ФАКТЫ ОБЛИЧАЮТ

День за днем нарастает гора фактов, неотвратно изобличающих преступления фашистских пособников 152-го татарского добровольческого батальона СД.

Продолжается допрос свидетелей. Вот в зал заседания приглашается Петр Гайдай. В 1943 году он носил ту же самую форму карателя. После первого массового расстрела, когда фашисты уничтожили свыше восьмидесяти узников концлагеря Гайдай понял, что если сегодня гитлеровцы поставили его в оцепление места расстрелов, я то завтра скажут – стреляй сам.

У него хватило совести, чтобы порвать с фашистским отребьем. На другой день будучи конвоиром группы узников скрыться в соседних селах или в лесу, охранник Гайдай увел заключенных с места работы и дал им возможность скрыться в соседних селах или в лесу.

Сразу же по освобождении Крыма от оккупантов он признался в своей измене Родине и понес соответствующее наказание. Отбыл его сполна и теперь приехал сюда из Тульской области чтобы помочь трибуналу изобличить убийц.

Свидетель опознал всех сидящих на скамье подсудимых.

- В тот первый массовый расстрел, - рассказывает Гайдай, - я стоял в оцеплении. Уничтожение узников происходило в балке, примерно в одном километре от концлагеря. Мне хорошо было видно, как Куртвелиев и Салаватов стаскивали обреченных людей с машины и вели к яме. Среди них были старики, женщины, дети. Их заводили в яму и оттуда, словно из под земли, раздавались выстрелы.

И этот свидетель подтвердил, что концлагерь на территории совхоза «Красный» был лагерем смерти. Условия содержания в нем узников были с немецкой пунктуальностью рассчитаны на массовое уничтожение невинных людей. Болезни, голод, зверские истязания, ежеминутное надругательство над человеческим достоинством, убийство – все служило одной цели: ликвидировать максимум советских граждан. Единственное, что отличало концлагерь на территории совхоза «Красный» от таких лагерей, как Освенцим, Бухенвальд и другие, - отсутствие стационарных газовых камер и механизированных крематориев. В понятии фашистов это была, если можно так выразится, «периферийная бойня», где под наблюдением господ основную «черную» работу призваны были вершить верные фашизму холоуи из 152-го татарского добровольческого батальона СД.

В лагере находились свои «рационализаторы» конвейера смерти. Это явствует из показаний свидетеля Леонгарда Легека, бывшего шофера концлагеря на территории совхоза «Красный».

До войны он жил в Симферополе; в период оккупации его жена сотрудничала с СД. Устроила сюда же и мужа. Вскоре Легек оказался в «Красном».

Зал слушает его показания молча. И невысказанная ненависть наполняет людей. Нехотя рассказывает Легек о том, как за несколько дней до расправ над узниками вместе с другими карателями заготавливал алюминиевую проволоку.

- Я сначала не знал для чего ее рубят, - говорит он.

- А потом узнали? – задает вопрос государственный обвинитель – полковник юстиции П.И. Модленко.

- Потом узнал.

- Вы сами скручивали ею руки узникам? Мне приказали.

- А потом, что делали?

- Потом людей грузили в машины. Отвозить их к местам казни как шоферу приходилось и мне...

Легек подробно рассказывает, как каратели сооружали «крематорий на открытом воздухе». Его самому пришлось доставлять за абрикосовый сад материалы для устройства костра: рельсы, бревна, горючие вещества.

- Какое наказание вы понесли?

- Был осужден к пятнадцати годам лишения свободы.

- Отбыли его?

- Да, полностью...

Показания дает Джамине Карбалиева. Какое-то мгновение свидетельница молчит, собираясь с силами, стараясь справиться с горестными воспоминаниями, затем обращается к судьям:

- Меня бросили в лагерь смерти, когда я была еще молодой; какие ужасы пришлось нам перенести, вы уже знаете. Об этом можно рассказывать долго, и я не буду повторяться. Скажу только, что чудом я осталась в живых. Тут вспоминали беременную женщину, которую расстреляли вместе с группой мужчин. Их расстреляли как заложников. Я знала эту женщину. Ее звали Шура. Была она из Джанкоя. Ее не пожалели. Фашист ткнул ее в живот и,

рассмеявшись, сказал, что там у нее тоже красный коммунист и на тот свет он отправит их двоих – мать и еще нерожденное дитя.

На смертные муки шли наши люди. Они не просили пощады у палачей. Они молили нас, своих товарищей, как сказать кто останется жив, как нас убивали. И вот я приехала сюда, чтобы предъявить суровый иск убийцам. Пусть не прикидываются палачи, что они не узнают нас. Всех они узнают. И прощения им нет...

Если бы мы, чудом выжившие, не пришли в этот зал исполнить долг перед замученными, то сюда пришла бы стонавшая от крови земля.

Последние слова свидетельница произнесла уже под гром аплодисментов всего зала...

Свидетельница Ольга Потапченко сразу опознала подсудимого Абкадыра Абжелилова. Девичья фамилия ее – Финк. Она была арестована и брошена за колючую проволоку лагеря.

- Первое, что мы увидели в лагере, - привязанный к столбу и окровавленный человек. Это был Кондратьев. Его на наших глазах истязали братья Абжелиловы. Они били его уже бесчувственного и ругались по-татарски. Нам сказали, что этот узник пытался бежать. На груди и спине его были привязаны дощечки с издевательской надписью: «Я вернулся сюда потому, что мне тут нравится.

А однажды каратели отобрали большую группу красивых девушек. Остальным заключенным палачи сказали, что их увезли «на этап», в Германию. Но это было неправдой. Потом просочился слух, что всех отправили с сторону Сак и расстреляли. Выстрелы и со стороны Дубков доносились каждый день...

Жуткие подробности. Они лавиной заливают зал и прерываются то слезами, то стонами. Под напором неопровержимых фактов подсудимые вынуждены сознаваться в содеянном, в черных преступлениях, совершенных ими в концлагере.

Свидетельница Мерзия Мурджабаева говорила о том, как задохались работавшие в абрикосовом саду узники от дыма в дни, когда на кострах сжигали людей.

Анна Лысак с разу опознала подсудимого Кулика.

Сначала он пытался делать вид, что видит свидетельницу впервые.

- И тебе не совестно? – всплеснула руками пожилая женщина. – Может, ты еще скажешь, что и в лагере не служил, бесстыдные твои глаза. А ну-ка

вспомни хорошенько, каким гоголем, каким паном ты ходил тогда! Даже с вольными разговаривал сквозь зубы: как же – господин. А как людей прикладом пинал за одну несчастную гнилую морковку, которую голодные взяли в поле и спрятали в лохмотья. А как хлеб, отнятый у людей, в злобе топтал ногами? Забыл? Народ все помнит...

Съезживается палач.

Выстрелы, истязания, убийства, издевательства – вот слова, которые произносят свидетели, когда говорят о том, что творили фашистские прихвостни – Абжелилов, Ходжаметов, Куртвелиев, Салаватов, Парасотченко и Кулик.

Все они отлично знают и свидетельницу Марию Гаврилову. Все они приходили к ней, вулканизатору лагерной мастерской, чинить покрышки своих велосипедов. Она тоже видела, как зверски избивали Кондратьева братья Абжелиловы. «Кровавые ручьи стекали с человека...» Это они убивали в абрикосовом саду спрятавшегося в воронку моряка, надеявшегося вырваться на волю.

Слушаешь показания свидетелей и воочию видишь, как потерявшие человеческий облик подонки из 152-го татарского добровольческого батальона СД вместе со своими хозяевами лютовали над советскими патриотами. Фашисты и их охвостье хотели сломить гордый дух советских людей, вытравить из них все, что дали нашим людям революция, Советская власть. Убивая людей, они силились убить наши идеи. Но разве идеи убьешь? Умирая, советские люди оставались непобежденными. И в этом их бессмертие.

Заседание трибунала продолжается.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 21 июня 1972 года.

*****

№ 18. ЧАС РАСПЛАТЫ НАСТАЛ

День за днем, вот уже больше двух недель, хожу я вместе с друзьями, партизанившими на этой земле, вместе с сотнями своих земляков во Дворец культуры завода имени Кирова, где судят изменников родины, карателей из 152-го татарского добровольческого батальона СД.

Всматриваюсь в лица подонков, сидящих сейчас на скамье подсудимых. Вижу, как выкручиваются они, пытаются уйти от непровержимых

доказательств, как припирает их своими вопросами военный прокурор. Слушаю печальные рассказы потерпевших. Рядом со мной – боевые друзья-партизаны. Такие же, как я, очевидцы зверств гитлеровских захватчиков и их прихвостней.

Помню трагедию села Лаки. Среди 37 сожженных фашистами жителей его – 17 самых близких мне людей, я видел труп 8-месячного Мити Гавало, видел руины поселка Чаир и четырнадцать расстрелянных шахтеров. Был среди них трехлетний мальчик Витя Зайцев.

Разве смогу я забыть то, что произошло 2 декабря 1943 года? Каратели сожгли село Саблы. В убийственном том огне погибло двадцать женщин, стариков, девятнадцать детей. Каратели мстили селу за то, что 298 жителей его не согласились стать рабами фашистских завоевателей, стали на защиту своей родной земли, боролись за нее в рядах партизан. Убийцы уничтожили их родственников.

Подсудимый Салаватов по кличке «Шакал», говорит теперь жалостным голосом: «Я был пацаном».

Они были тоже «пацанами», мальчики из саблыньских партизан, братья Вася и Ваня Гнатенко, павшие в борьбе с ненавистными врагами. В бою с ними Вася бросился на фашистский пулемет и закрыл его своим телом.

Когда каратели из 152-го татарского добровольческого батальона окружили дом на Петровской Балке в Симферополе и потребовали, чтобы окруженные партизаны сдались гитлеровским наемникам, Ваня метнул в изменников гранату. Вася и Ваня погибли, но теперь они здесь, в зале суда, рядом с нами.

В деревне Бешуй каратели живьем утопили в уборной Леню Витлова. Леня тоже здесь, в зале суда.

Здесь все они, павшие от подлых рук гитлеровцев и их наемников. Они встают перед изменниками, как грозные судьи.

Пусть спросит «Шакал» - Салаватов у наших дорогих «пацанов», наших детей, наших мальчиков и девочек, убитых гитлеровскими палачами и исполнившими волю завоевателей изменниками, оправдают ли убитые своих убийц, смогут ли простить им? Пусть спросит он у наших детей и у нас, их отцов, их матерей, сестер и братьев, оставшихся в живых!

Бесконечен наш счет убийцам. Пришло время платить по грозному этому счету.

Час расплаты настал!

**Х. ЧУССИ,
бывший командир 4-й партизанской
бригады Южного соединения.**

Газета «Крымская правда» от 24 июня 1972 года.

*****

№ 19. И ОЖИВАЕТ ПРОШЛОЕ

Иногда в зале, где заседает выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа, разыгрываются своеобразные «баталии» между свидетелями и подсудимыми. Фашистским прислужникам из 152-го татарского добровольческого батальона, лютовавшим в концлагере на территории совхоза «Красный» «невыгодно», когда свидетели приводят конкретные детали их зверств.

В ответ на показания людей они начинают торговаться: это, мол, было не совсем так, этого свидетеля мы и в глаза не видели, а другой и сам не лучше нас. В таких случаях приходится самым решительным образом вмешиваться председателю трибунала - полковнику юстиции А. Е. Бушуеву и данное ему властью наводить порядок.

Наблюдаешь подобные картины и думаешь: как же трудна- работа судей, какое железное терпение, какую выдержку и самообладание надо им иметь, чтобы, не отступая от духа и буквы закона, так четко и целеустремленно добиваться установления истины, неторопливо, спокойно определить подлинную вину каждого из палачей.

Свидетель Давид Миллер, бывший переводчик концлагеря, не смог прибыть на суд из-за болезни. Поэтому суд исследует письменные показания Миллера, данные им на предварительном следствии.

Свидетель - уроженец Советского района Крыма. До войны работал преподавателем в школе. Потом эвакуировался в Ставропольский край, где и попал в оккупацию. Немец по национальности, он, с первого же дня предложил себя в услужение фашистам. Его назначили сначала переводчиком, а затем и начальником окружной полиции. Располагалась она в городке Прикумске.

В ноябре 1942 года наша армия вымела фашистов из Прикумска. Вместе с ними бежал в Крым и Миллер. Полтора месяца он работал переводчиком в - СД в Джанкое, затем был назначен директором немецкой школы в Евпатории и по совместительству выполнял те же функции переводчика СД. В августе 1943 года Миллер появился в «Красном».

Его показания изобилуют жуткими сценами расправ над узниками. Он перечисляет фамилии убийц и садистов, как две капли воды похожих на тех, кто, держит сейчас ответ за свои черные преступления. «Однажды, - показывает Миллер, - заместитель начальника концлагеря Ганс Гунце из своего пистолета системы «Вальтер» в упор застрелил заключенную по имени Надя и ее трехлетнюю дочь. Фамилию убитой не помню. Она была из Феодосии. В лагерь попала за укрывательство военнопленного. Это случилось вечером, примерно в шесть часов, в конце марта 1944 года. Через три дня Гунце выстрелил в лицо другой русской девушке, которую звали Леной. Всех троих добровольцы 152-го татарского добровольческого батальона СД закопали тут же, на территории лагеря, неподалеку от барачных, и могилы сравнивали с землей...»

Далее свидетель рассказывает о карательной экспедиции в село Саблы (ныне Партизаны), сожженное карателями 152-го татарского добровольческого батальона. «Еще в самом начале облавы нами были захвачены трое мужчин. Фамилии их тоже не помню. Этим людям Ганс Гунце - один из руководителей прочеса - поручил охранять добровольцу Сейтабле Мевлютову. Когда позднее я шел по горящему селу, он попался мне навстречу. В руках, Мевлютов нес, держа за волосы, две отрезанные головы «партизан», третья висела у него на поясе. Сейтабла смеялся.

Немецкий офицер пришел в восторг от такого усердия. Он пожал Мевлютову руку и сказал, что именно такие люди нужны фюреру в настоящем и будущем, что Мевлютова представят к высшей награде. Мне же оберштурмбанфюрер поручил в тот же день, по приезде в концлагерь, подобрать новую форму для добровольца, поскольку старая была вся залита человеческой кровью. Начальство сразу же «окрестило» добровольца по-немецки «гальсабшнайдер», что в переводе означает «головорез...»

...Все они - и хозяева, и их холуи творили одно кровавое дело. «Работа» в лагере смерти накрепко связала палачей. Без усердия подсудимых и их сослуживцев из 152-го татарского добровольческого батальона не смогли бы столь «продуктивно» действовать и гитлеровцы. Между тем кое-кто из дипломированных фашистских убийц спокойно живет в ФРГ. В частности, Миллер виделся в 1952 году с командиром 152-го татарского добровольческого батальона СД - оберштурмфюрером СС Гансом Рот-Вильгельмом, который отлично чувствует себя в родовом поместье в трех километрах от города Фрайляссинга в Баварии. Палач, лично стрелявший в советских людей, хвалился, что никто не интересовался его прошлым. Между тем, за барьером, где сидят сейчас подсудимые Абжелилов, Ходжаметов, Салаватов, Куртвелиев, Парасотченко и Кулик, вполне хватило бы места и для их «высокого» коллеги с двойной баварской фамилией...

В дни массовых расстрелов узников концлагеря свидетелю Григорию Саевскому было 15 лет. Однажды он пошел в урочище «Дубки» и увидел, как к одной из ям подъехала крытая брезентом машина. Людей из нее выводили партиями, и добровольцы-татары стреляли их. С места казни доносился плач. Кто—то из обреченных крикнул: «Гады!»

- Я сидел, спрятавшись за кустом, и все это видел сам. Потом незаметно убежал. После расстрела яму засыпали, и машина уехала. Я подошел к тому месту и увидел, как зашевелилась земля, а вслед за этим из могилы встал окровавленный мужчина в форме красноармейца. Мы с испугом смотрели друг на друга, потом, опомнившись, я спросил: «Дядя, вы живой?». Он обнял меня за плечи и сказал: «Ничего. не плачь,-сын, теперь я им живым в руки уже не дам». Я помог этому человеку спрятаться, а позднее принес гражданскую одежду и рассказал, как уйти в лес. Больше его не видел...

Свидетельница Евгения Антоновна Смолина говорила о том, как подсудимый Ходжаметов бросил старика в выгребную яму, как Парасотченко избивал ее за то, что она хотела передать на волю записку. «Он поставил меня на четвереньки и зверски отколотил плеткой. Узнаю я и Кули. ка. В лагере мы, заключенные, называли его немецкой овчаркой. Хитрый, дотошный, он всюду вынюхивал все, а после доносил на узников своим хозяевам».

Наталья Артемовна Черноусова, Петр Васильевич Лебедеико, Прасковья Ивановна Паршуковская. Абдулла Муединов и другие свидетели показали на суде, как палачи из 152-го татарского добровольческого батальона уничтожали села.

Но вот к микрофону приглашается свидетель Шихай Асанов. С первых же его слов зал настораживается. Асанов сам служил в 152-м татарском добоволольческом батальоне. Он видел, как подсудимый Ходжаметов связывал людям проволокой руки, как выводил их к местам уничтожения. Свидетель был в одном взводе с Ходжаметовым. Да, он, Асанов, знает, как Куртвелиев убил заключенного мужчину...

Начал свои показания Асанов очень высокопарно и бойко. Служить в картельный батальон СД он добровольно пошел чуть ли не для спасения своих родителей. Чувствуется, что он хорошо подготовился, прежде чем прийти сюда и давать показания. Крепкий, сильный, бывший каратель стремится показать себя только обличителем подсудимых: видите, мол, я что знаю, то и говорю. Но зал все уже разгадал: поведение свидетеля - только поза. Так длится лишь до тех пор, пока к допросу не приступает государственный обвинитель. С первых же вопросов полковника юстиции П. И. Модленко свидетель чувствует себя, как на горячей сковороде.

- Вам лично приходилось связывать узникам руки и выводить их на расстрел?

- Да, приходилось.

- Вы бежали с фашистами из Крыма?

- Да, бежал.

Асанов почти до самого конца войны верно служил своим хозяевам. Был даже командиром отделения. Только накануне нашей победы примазался к итальянским партизанам, выдав себя за бежавшего от немцев патриота.

Позже он скрыл свое прошлое и избежал заслуженной кары. Подсудимые узнают об этом из его же слов и тут же накидываются на него, как только у них спрашивают: согласны ли они с показаниями свидетеля?

- Он не все говорит. Он скрывает сейчас, что в лагере делал то же самое, что и мы. - это заявляет Ходжаметов.

- Асанов показывает, как я убил человека, который пытался убежать из лагеря. А почему он не говорит, как сам вязал людей, участвовал вместе с нами в расстрелах? - вторит Куртвелиев.

- Асанов утверждает, что познакомился со мной только в лагере. Это неправда. Мы знакомы с ним еще по Джанкою, - заявляет Кулик.

- Асанов, вы сами-то чувствуете, что и сейчас вы не искренни, говорите суду неправду, - пытается образумить свидетеля председатель трибунала.

Но Асанов молчит, потом начинает убеждать, что не собирался лгать.

Вот это «свидетель», - слышу возмущенный шепот соседа, - и почему только он на свободе? Да таких надо... - Он замолкает, не договорив, боясь помешать суду.

- Да разве он один такой, - слышится из-за спины...

А суд выслушивает уже Изета Дитанова. Он тоже служил у фашистов. Читатели, наверное помнят, что в первые дни суда Куртвелиев пытался доказать, будто гитлеровцы судили его на территории Чехословакии за связь с партизанами. Мы писали уже об этом. Тогда же он утверждал, что его спас один «свой татарин-переводчик». Этим переводчиком и был Дитанов. «Никто Куртвелиева не судил, - говорит свидетель, - поговорили с ним. Так окончательно топнула попытка палача Куртвелиева выдать себя за партизана...

Заседание трибунала продолжается.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 25 июня 1972 года.

*****

**№ 20. СУДИТ НАРОД
ИЗ ПОЧТЫ «КРЫМСКОЙ ПРАВДЫ»**

Суд над изменниками Родины – карателями из 152-го татарского добровольческого батальона СД привлек внимание широкой общественности. Об этом свидетельствуют письма, направленные в трибунал. Много откликов на публикации в печати получила и наша газета. Сегодня мы предлагаем вашему вниманию лишь часть писем, поступивших в «Крымскую правду».

Как, вероятно, и все читатели «Крымской правды», я не пропускаю ни одной информации из зала суда, который проходит в Доме культуры завода имени Кирова города Симферополя.

Шесть предателей... подлецов... подонков рода человеческого...

Теперь, когда все их прошлое вскрыто, они пытаются представить свою измену, как заблуждение юности. Врут! Они изменили! Изменили Родине, всем честным людям земли.

В январе 1944 года нас, 25 узником отобрали фашисты. Вначале «по-хорошему» предлагали служить им, а затем приказывали, да еще как!.. Ставили _к стенкам, стреляли выше голов, сутками держали полуголыми и голодными на морозе...

Василий ЗУБЁНКО,
директор - восьмилетней
Красногвардейской школы.
Советский район.

В 1942 году под Сталинградом я был ранен, попал в плен. Но вместе с капитаном Ивановым (из Челябинска) мы подолгу не задерживались в лагерях — бежали. Нас поймали и бросили в лагерь на станции Россошь. Мы пробыли там до декабря 1942 года. Здесь немцы через переводчиков агитировали нас переходить к ним на работу шоферами. Слесарями, служить

в полиции. Мы совершили новый побег. Встретились с нашими танкистами и вместе с десантниками пошли отнимать у немцев г. Россошь. Лагерь догнали под деревней Ясеневкой. Вся дорога была усеяна трупами наших товарищей по лагерю — они, истощенные и обмороженные, не могли идти, их расстреливали немцы и полицаи-прислужники.

Вот здесь-то, возле д. Ясеневки, мы, бывшие пленные, и собрали полицаев-конвоиров лагеря, предателей и заклятых врагов. Их Было семеро. Они в лагере били нас плетками и прикладами за малейшую провинность... Поверьте, у нас скот так не бьют на фермах... запрещено! Это они помогали немцам на допросах закладывать мои пальцы в специальную машинку, которая постепенно сдирала кожу и ногти с пальцев. Это они расстреливали каждую ночь наших товарищей, офицеров, политработников, родственников советских руководителей. В то время мы, судили предателей полевым судом.

Я горжусь нашими работниками КГБ и желаю им дальнейших успехов в раскрытии и уличении виновных в издевательствах и уничтожении советских людей. Нет слов для выражения ненависти и презрения к этим выродкам, как Абжелилов, Салаватов, Куртсеитов, Парасотченко, Кулик, Ходжаметов.

Да мы с капитаном Ивановым были восстановлены в офицерских званиях. Нам снова предоставлен была возможность командовать военными подразделениями, и с удесятенной. ненавистью мы громили фашистов.

В. ГОРОХОВ

заместитель председателя
совета ветеранов войны
колхоза имени XIX партсъезда.
Красногвардейский район

Нельзя без содрогания читать о злодеяниях этих зверей, а особенно тем, кто по воле этих выводков потерял своих близких. В нашем районе живут В. М. Тыщенко; О.А. Уварова. А. И. Салькова, которые потеряли своих мужей в этом страшном лагере. Этим женщинам несколько раз пришлось быть в лагере и своими глазами. видеть, как патрули обращались с нашими людьми. При них убили женщину из Феодосии, которая передавала мужу передачу. Кровь наших расстрелянных односельчан на руках этих извергов, представших перед справедливым судом Советской власти.

Л. КОВТУН.

с. Новоивановка,
Нижегорский район.

В годы Отечественной войны погибли два моих старших брата.

При вынесении приговора изменникам суд должен вспомнить обо всех страданиях нашего народа в годы войны.

Много страданий принесли советским людям и такие, как Абжелилов, Салаватов, Ходжаметов, Куртвелиев, Парасотченко, Кулик. Но какой бы ни был приговор суда преступники не в состоянии искупить свою вину перед Родиной, которой они изменили в суровые годы опасности.

Т. ПОПОВА.

г. Ялта.

Я участвовал в освобождении Крыма, Севастополя. Лагерь смерти на территории совхоза «Красный» мне не пришлось видеть, но в Белогорске мы застали следы зверской расправы, жертвы находились в противотанковом рву.

Прошу военный Трибунал вынести извергам такой приговор, чтобы они вспомнили все 6500 бывших узников, загубленных в лагере.

Г. СМИРНОВ.

Судак.

Никогда не забуду такого случая.

Мы, трое ребят – кому семь, а кому- восемь лет, играли на улице Широкая. Есть такая в Симферополе. Вдруг смотрим - со стороны вокзала едет машина, в ней сидят два добровольца с винтовками. а между ними — матрос. Ясно было - везли на смерть настоящего советского патриота. Когда машина подъехала ближе к нам, матрос неожиданно вскочил, ударил кулаком одного конвоира_ в его заросшую черную морду (иначе и не назовешь), а второго - ногой в живот и, выпрыгнув из машины, побежал в ближайший переулок. И тут буквально в метре от переулка его настигла пуля карателя. Добровольцы били полуживого матроса прикладами по голове, по спине, несколько раз ногами пнули в живот, потом схватили за руки и поволокли в машину. Мы знали тогда, что в концлагере на территории совхоза «Красный» партизан бросали в колодец, а что там лагерь смерти был, мы не знали.

Разве все это можно забыть и простить всем тем, кто сейчас сидит на скамье подсудимых?! Самого сурового возмездия заслуживают эти выродки.

Это мнение всех нас. |

А. КАШИЧКИН.

г Симферополь.

Нашу семью тоже постигло горе погиб на войне наш отец Божко Степан Николаевич. Нас, детей, у мамы осталось четверо.

Прошли годы. Мы все уже взрослые, у каждого своя семья. Мама - на пенсии. Но об отце мы всегда помним.

Я не могу без волнения читать о суде над этими подонками. Разве их можно назвать людьми?! Они должны понести самое суровое наказание, они не имеют права ходить вместе с нами по одной земле, нашей советской земле, с таким трудом завоеванной.

Пусть же знают, что мы, оставшиеся без отцов, а некоторые и без матерей,-проклинаяем их, Ненавидим самой лютой ненавистью.

Спасибо огромное тем, кто разыскал палачей. Мы очень благодарны органам государственной безопасности.

Нина МАЗУН.
п. Нижнегорский.

Разрешите через вашу газету выразить глубокую благодарность всем чекистам, которые так неутомимо, кропотливо разыскивали изменников Советской Отчизны.

Мой муж погиб на фронте, а я во время оккупации испытала тяжелые допросы в фашистской комендатуре.

В совок втором году привезли нас в г. Чуднов, завели в железнодорожный вокзал, где раньше, при Советской власти, пассажиры ожидали поезда а нас в этом зале теперь поджидала смерть. Но ее к нам не допустили наши дорогие партизаны. Полицаи по фамилиям стали вызывать , и кто выходил, то обратно не возвращался. Пришла очередь моя. Нас погрузили всех в большие черные машины и вывезли за город, а там сказали: бегите, а желающие могут ехать с нами. Мы только тогда узнали, что партизанский отряд Калашникова уничтожил карателей, переделся в их форму и освободил советских людей от смерти.

Нина БЕЗГУБКО.
Совхоз «Яркий».
Джанкойский район.

Я окончила 6 классов Кольчугинской средней школы. Слежу за процессом, который проходит над палачами и кровопийцами наших советских людей. Мой отец - участник Великой Отечественной войны. Я спросила его, видел ли он лагерь смерти.

«Таня, освобождая Родину от фашистов, мне пришлось побывать в лагере смерти в Люблине. Я видел много сожженных наших людей, и тот запах сгоревших детей до сих пор чувствую».

Я хочу, чтобы преступников наказали так, чтобы никто другой таких поступков не повторил. Мы хотим жить мирно, счастливо. И прожить жизнь, не зная, что такое война.

Таня ГРУДНИЦКАЯ.
с. Лекарственное,
Симферопольский район.

Присоединяю свой гневный голос ко всем гражданам, заявившим законное требование никакой пощады палачам, убийцам, изменникам Родины. Я буду вместе с моей семьей удовлетворен, когда трибунал вынесет самое справедливое решение.

А. ЖУКОВ.
г. Джанкой.

***

Отклики в газету в связи с судебным процессом над изменниками Родины прислали также жители Евпатории Е. Домашнева, М. Славинская, А. Рудич, Р. Медведовская, симферопольцы В. Лозовец, А. Мишина, С. Пинская, Е. Зверева, из Первомайского района С. Кулик, группа рабочих совхоза имени Чкалова П. Кувшинов, В. Алигьери и другие.

Редактор
В БОБАШИНСКИЙ.

Газета «Крымская правда» от 28 июня 1972 года.

*****

№ 21. ПОСЛЕДНИЕ ПОКАЗАНИЯ

Близок к завершению суд над изменниками Родины, палачами из 152-го татарского добровольческого батальона СД, уничтожившими узников лагеря смерти на территории совхоза «Красный».

Подходит к концу допрос свидетелей. Один из них – Насурла Минзатов, 1913 года рождения. На вид - совсем старик. Говорит не спеша. Несчастный вид. В голосе печаль. Всем своим поведением хочет показать, что он тихий, смиренный человек, которого немало потрепала жизнь. В первые минуты он даже пытается уверить всех, что подсудимых не знает. И только потом, когда ему напоминают: «Вы же были с ним в одном батальоне», Минзатов узнает Ходжаметова, Куртвелиева и Абжелилова. И вот уже перед судом совсем

другое лицо. Лицо карателя, принимавшего активное участие в кровавых расправах над советскими людьми.

Он видел, как приезжали в концлагерь машины-душегубки, в которые силой заталкивали детей, стариков и женщин, чтобы по дороге удушить их газами, видел, как привозили к ямам в Дубках еще теплые их трупы. Он «видел» все расстрелы.

Когда к допросу свидетеля приступил государственный обвинитель, то свидетель признался, что и сам участвовал в этих расстрелах. Он говорит: «Хватали и заталкивали в машины всех подряд – стариков, женщин и детей. В октябре – ноябре 1943 года одна из машин на моих глазах сделала 4 – 5 рейсов. К началу расстрела в концлагере было более тысячи человек. Осталось около двухсот...»

Свидетельница Лебедева, муж которой был убит карателями в концлагере, узнала Абжелилова. Подсудимый не отрицает, что был с Лебедевой знаком еще до войны. «Он в нашем селе был ветеринаром и уважаемым человеком» - заявляет палач. Потом выясняется, что Лебедев попал в концлагерь будучи подозреваемым в в связях с партизанами. «Я его часто встречал в «Красном». Он делился со мною как с односельчанином и хорошим знакомым своими заботами» - продолжает подсудимый.

Слушаешь показания свидетелей, подробности о том, как измывались над узниками лагеря смерти фашистские выродки, и ясно видишь водораздел: по одну сторону предательство, черная измена, бесчестье, кровавые оргии, убийства, примитивность и изменчивость чувств, по другую – мужество, гордая честь, верность идеалам революции, гуманизм, высокие стремления к добру и ненависть ко злу.

Я представляю себе убитого фашистами узника лагеря Лебедева. Честный человек, он и там, за колючей проволокой, оставался доверчивым и, наверное, еще надеялся на остатки совести своего земляка. Но у карателя Абжелилова не было даже намека на совесть. Он подло продал односельчанина, спокойно отправил его в яму...

Хаяли Ниязиев был в 152-м татарском добровольческом батальоне СД рядовым. В лагерь прибыл вместе с Куртвелиевым из Джанкоя.

- В «Красном» я убирал территорию, подметал, поливал цветы, - ноет свидетель Ниязиев.

- Вас раньше судили за измену Родине? – задает ему вопрос государственный обвинитель.

- Нет, не судили, - шепчет он в микрофон. – Я служил в лагере всего несколько месяцев.

- Но пошли на службу к фашистам добровольно?

Молчание. Потом кивок согласия: «Да».

- Подсудимый Куртвелиев, правильно показывает свидетель? – задает вопрос председатель трибунала А.Е. Бушуев.

- Нет, гражданин полковник. Врет он. Почему Ниязов не рассказывает, как он сам впрягал в бричку людей и возил на них воду? Он говорит, что у него плохое зрение. Свою дорогу Ниязов хорошо знал и видел.

- И своего командира отделения Шихая Асановазнал, - добавляет второй подсудимый, Ходжаметов. – Добровольцы этого отделения и возили камни на людях...

Со скамьи, где сидят потерпевшие, тянется вверх рука.

- Можно внести в показания свидетеля поправку? – обращается к председателю трибунала А.Е. Бушуеву бывшая узница концлагеря Н.Л. Павелко.

- Пожалуйста.

- Свидетель действительно говорит неправду. В лагере цветов не было. Были только муки, которые мы терпели от карателей. Ниязиев должен сидеть там же, где и эти. – гневно взмахнула она рукой в стороны подсудимых.

Зал взрывается аплодисментами.

Потом допрашивали свидетелей, которых вызвали в суд по настоянию Куртвелиева. Это Сафай Денислямов, Шамел Эмирсалиев, Эльвидин Зейнединов и другие.

Читатель, наверное помнит, что Куртвелиев, желая обелить себя, снять себя хотя бы частицу вины за убийство людей, утверждал, будто он не принимал участия в расстреле, происходившем в конце октября – начале ноября 1943 года, когда было уничтожено свыше 1500 узников, так как был в это время в своем селе. Мы об этом писали в первых заметках о суде. Все свидетели не подтвердили алибы Куртвелиева. Они заявили, что знают подсудимого, он их односельчанин, что эпидемия тифа действительно была в селе, но не в 1943, а в 1944 году, и Куртвелиева ни один из них не видел в октябре – ноябре 1943 года дома.

По ходатайству Абжелилова были вызваны в суд и его бывшие односельчане – В.Н. Рассказов, Н.С. Касьяненко, А.Ф. Клепакова и другие. Однако и эти свидетели ничего не могли сказать в пользу подсудимого. Разве кроме того нового, что заявил трибуналу В.Н. Рассказов: «Он, Абжелилов, и его брат Сервер перед тем, как уйти служить в концлагерь, в присутствии меня упрашивали однажды немецкого коменданта разрешить им, добровольцам, устроить «варфоломеевскую ночь» проживавшим в селе людям иной национальности. Я, что знаю, то и говорю, граждане судьи, эти слова Абкадыр Абжелилов произнес, когда я пришел к коменданту с просьбой отдать мне корову, забранную немцами», - говорит Рассказов...

И та целый день. Ни один свидетель, призванный установить алиби подсудимых, не смог сделать этого. И не потому, что мог забыть что-то существенное, а потому, что истинным было одно: заплечных дел мастера, сидящие на скамье подсудимых, были в то время заняты «главным» своим делом – они уничтожали узников в лагере смерти.

27 июня допрос свидетелей был закончен. Присутствовавшим в тот день в зале, где заседает выездная сессия трибунала, была показана кинокартина, снятая следователями Комитета госбезопасности Украины в процессе проведения следствия. Кинолента воспроизводит горестные раскопки ям в местах массового расстрела узников концлагеря, торжественное перезахоронение останков жертв фашизма, вещественные доказательства убийств. В нее вмонтированы кинокадры, отснятые в Дубках в 1944 году, сразу после освобождения Крыма. В затемненном зале то и дело слышится плач и возгласы: «Палачи, убийцы, гады!»

Судебное следствие завершено. В течение месяца трибунал слушал показания подсудимых, потерпевших, свидетелей. Всесторонне и глубоко исследованы все собранные по делу доказательства. Пришло время подвести итог. Начинаются пренияучастников судебного процесса. Сегодня выступает государственный обвинитель – заслуженный юрист УССР, полковник юстиции П.И. Модленко.

Неотвратимая расплата ждет палачей.

Трибунал продолжает работу.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 1 июля 1972 года.

№ 22. ПРИГОВОР ПАЛАЧАМ ВЫНЕСЕН

Последние дни заседания выездной сессии Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа, который судил карателей из 152-го татарского добровольческого батальона СД, длились недолго.

Выслушав речь государственного обвинителя, заслуженного юриста УССР, полковника юстиции П.И. Модленко, суд предоставил слово общественным обвинителям – бывшему комиссару партизанского движения в Крыму С.В. Мартынову, председателю рабочкома совхоза «Красный» Т.И. Третьякову и бывшему узнику в лагере смерти Маутхаузен А.С. Бабенко.

От имени тысяч борцов с фашизмом, партизан и подпольщиков, от имени замученных и расстрелянных гитлеровцами и их пособниками, от имени тружеников совхоза говорили они.

- Месяц с лишним, - сказал С.В. Мартынов, - мы слушали показания потерпевших и свидетелей со кровавых делах, творившихся в лагере смерти на территории совхоза «Красный». Эти показания полностью изобличают убийц, продавшихся оккупантам. Теперь настал час расплаты, и справедливость требует присудить преступников – Ходжаметова, Куртвелиева, Абжелилова, Салаватова, Парасотченко и Кулика – к высшей мере наказания...

Затем выступили защитники подсудимых – члены Симферопольской коллегии адвокатов Н.М. Дугинец, А.Е. Шилко, М.В. Вишневский, Г.М. Фенько, Г.М. Шапшал и А.А. Булыгин. Задача защиты была нелегкой. Преступления – налицо. Адвокаты обратились к суду с просьбой учесть все смягчающие обстоятельства свершенных преступлений и вынести справедливый приговор.

После защитников выступил с репликой государственный обвинитель - заслуженный юрист УССР, полковник юстиции П.И. Модленко, который еще раз напомнив суду о свершенных подсудимыми преступлениях, закончил свое выступление словами: «Смерть и только смерть каждому из карателей будет единственно справедливым приговором».

Вслед за этим трибуналом было предоставлено право подсудимым выступить с последним словом. Все они, кроме Куртвелиева, признали себя в измене Родине, активном пособничестве фашистам, участии в массовом уничтожении советских людей.

Некоторые их карателей лили крокодиловы слезы. Салаватов, например, опять пытался сослаться на свою «молодость», он-де являлся юнцом и не ведал, что творил.

Реакция зала была естественной. Каждый сидящий мысленно видел карателей за их кровавой «работой» в концлагере, когда к палачам протягивались с мольбой детские ручонки: «Дяденька, не убивай». Внял ли тогда кто из катов этим детским словам? Никого не пожалели они. Со смехом убивали и старых и малых. А когда пришло время держать ответ – расплакались в надежде разжалобить кого-то. И людям, совсем не мстительным по натуре своей, хотелось крикнуть: нет, тет, нет вам пощады, кровопийцы! Пепел сожженных вами и штабеля костей – все, что осталось от ваших жертв, - стучат в наши сердца и требуют сполна воздать палачам по заслугам.

Даже в последнем слове каратель Куртвелиев остался верен своей волчьей натуре. Палач считает, что предъявленные ему обвинения – предвзяты, что он уже был судим и отбывал наказание за измену Родине, а теперь, мол, его не имеют право судить и т.д.

Да, он судился. Но только за измену Родине, за то, что продался фашистам и служил у них с оружием в руках. Тогда палач сумел замести следы и скрыть свое кровавое прошлое, свою службу в лагере смерти, где убивал людей. Вот за это и судят его сегодня. Он прикидывается наивным, в полной уверенности, что судьи не разгадают его «хитрого» маневра...

Последним выступил Кулик. Он, как и все остальные подсудимые, не ожидал, что государственный и общественные обвинители попросят судей вынести карателям высшую меру наказания. Все они, эти фашистские прихвостни, втайне надеялись, что время притупило боль наших утрат и мы станем более снисходительными к фашистским убийцам. Не вышло! И вот теперь палачи судорожно хватаются за жизнь, жалко вымаливают ее у суда, который от имени народа предъявил им суровый иск.

...Обвинение и защита, свидетели и подсудимые – внимательно выслушаны. Суд в составе председателя трибунала, полковника юстиции А.Е. Бушуева, народных заседателей подполковника медицинской службы А.И. Шумило и майора Н.И. Прошина удаляются в совещательную комнату, чтобы тщательно, взвесив все «за» и «против», вынести подсудимым окончательный приговор.

Шесть дней совещались судьи, скрупулезно определяя вину каждого из шести обвиняемых. Вчера, заполненный до отказа публикой, зал вновь тихо загудел в ожидании, когда громкий голос коменданта произнесет: «Встать! Суд идет!», - и начинается последнее заседание.

Председатель трибунала полковник юстиции А.Е. Бушуев зачитывает приговор.

Суд признал концлагерь на территории совхоза «Красный» лагерем смерти.

И вновь в памяти людей встает прошлое. Горе, слезы и страдания принес на нашу землю фашизм. Перед взором встали расстрелы детей и стариков, женщин, издевательства, растоптанные судьбы, жертвы с пулевыми пробоинами в затылке, живьем сброшенные в колодцы, выгребные ямы, узники, которых впрягали в телеги и возили на них камни, потоки крови – все, к чему приложили грязные руки сидящие на скамье подсудимых фашистские прихвостни...

Военный трибунал Краснознаменного Киевского военного округа признал всех подсудимых виновными в свершенных преступлениях и именем Союза Советских социалистических Республик приговорил: Тейфука Ходжаметова, Якуба Куртвелиева, Абкадыра Абжелилова, Шевкета Салаватова, Семена Парасотченко к высшей мере наказания – расстрелу, а Николая Кулика – к пятнадцати годам исправительно-трудовой колонии строгого режима с конфискацией имущества.

Жители Крыма, общественность, присутствовавшая в зале, с большим одобрением встретила этот приговор.

Палачи из 152-го татарского добровольческого батальона СД, лютовавшего в лагере смерти на территории совхоза «Красный», получили по заслугам.

Выездная сессия Военного трибунала вынесла частное определение о возбуждении уголовного преследования бывшего карателя Шихая Асанова, который выступал по данному делу в качестве свидетеля.

На этом заседании трибунала объявляется закрытым.

Г. СОКОЛОВ.

Газета «Крымская правда» от 12 июля 1972 года.

*****

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3.

№ 23. ВОЗМЕЗДИЕ

СИМФЕРОПОЛЬ, 12. (ТАСС). Вчера выездная сессия военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа объявила приговор группе карателей – изменников Родины, которые в годы Великой Отечественной войны находились на службе у гитлеровских оккупантов в 152- батальоне СД.

Почти полтора месяца военный трибунал в открытом судебном заседании рассматривал уголовное дело по обвинению в измене Родине и участии в

массовых зверствах и расстрелах шести извергов, которые в составе батальона несли охрану в лагере смерти на территории совхоза «Красный». После окончания войны изменники долго скрывались от правосудия.

Военный трибунал признал всех подсудимых виновными и приговорил: Тейфука Ходжаметова, Якуба Куртвелиева, Абкадыра Абжелилова, Шевкета Салаватова, Семена Парасотченко к высшей мере наказания – расстрелу, а Николая Кулика – к пятнадцати годам исправительно-трудовой колонии строгого режима.

Присутствующие с большим одобрением встретили приговор военного трибунала.

Сообщение в газете «Правда» от 12 июля 1972 г.

*****

№ 24. ПРИЛОЖЕНИЕ № 4.

(308) № 96. Спецсообщение председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука ЦК КПУ о реакции жителей Крымской области на судебный процесс над крымскими татарами, которые в годы Второй мировой войны служили в 152-м татарском добровольческом батальоне

г. Киев

**23 июня 1972 г.
Секретно
Экз(емпляр) № 1**

В дополнение к № 589-1 от 19 июня 1972 года докладываем, что на проходящем в гор[оде] Симферополе судебном процессе по делу группы активных немецких карателей Абжелилова и других продолжался допрос свидетелей, которые дали подробные показания о преступной деятельности подсудимых.

Так, свидетель Асанов, служивший в период Великой Отечественной войны вместе с подсудимыми в 152 татарском добровольческом батальоне, изобличил Абжелилова, Ходжаметова и Куртвелиева в (309) тяжких преступлениях, в т.ч. в расстреле Куртвелиевым одного узника и сбрасывании Ходжаметовым в туалетную яму обреченных.

Асанов также сознался, что и он причастен к зверствам, чинимым карателями в этом лагере.

В свою очередь, подсудимые Абжелилов, Ходжаметов, Куртвелиев и Кулик изобличили Асанова в том, что и он вместе с ними принимал участие в массовых расстрелах и истязаниях советских граждан.

Показания подсудимых о карательной деятельности Асанова, а также его показания вызвали возмущение присутствующих на процессе советских граждан вплоть до выкрикивания угроз в его адрес. В связи с этим Военным трибуналом и УКГБ Крымской области были приняты меры к охране Асанова.

Следует отметить, что Комитет госбезопасности при СМ Украинской ССР в процессе предварительного следствия по делу Абжелилова и других карателей дважды ставил вопрос об аресте Асанова, о преступной деятельности которого имелись материалы. Однако Военная прокуратура Краснознаменного Киевского военного округа по мотивам недостаточности доказательств отказала в санкции на его арест.

Прибывшая в Крым из гор[ода] Бекабада Узбекской ССР татарка Аблаева Айшет рассказала своим знакомым, что по месту ее жительства татары в "большой панике". Там распространяются слухи о том, что на татар "вновь будет гонение". Она и большинство пожилых татар не желают возвращаться в Крым, но молодежь стремится возвратиться в него.

Продолжают поступать данные о положительном реагировании населения на судебный процесс.

Так, житель села Кормовое Первомайского района Крымской области, рабочий совхоза Расулов, обсуждая среди лиц татарской национальности сообщения прессы о судебном процессе, сказал, что эти сообщения соответствуют действительности, что в детстве он проживал недалеко от концлагеря, размещавшегося на территории совхоза "Красный", и был очевидцем отдельных фактов истязаний карателями узников, а также знает от своих родителей о массовых расстрелах советских граждан.

Тракторист совхоза "Путь Ленина" Первомайского района Еременко заявил: "Хорошо, что, благодаря органам госбезопасности, убрали из нашего общества этих негодяев, а если еще где-то и прячутся подобные каратели, то со временем и их постигнет заслуженная кара".

В суд и редакцию газеты "Крымская правда" продолжают поступать письма и телеграммы от коллективов рабочих и отдельных граждан с требованиями наказать изменников Родине Абжелилова и других за совершенные злодеяния против советского народа.

В частности, коллектив Наманганской автобазы Узбекской ССР(310) в телеграмме указывает: "Осуждаем зверские злодеяния над советскими гражданами бывшего нашего работника Салаватова. Коллектив требует вынести ему высшую меру наказания".

Большое воспитательное значение судебный процесс оказывает на молодежь.

Комсомолка, ученица 9 класса средней школы г[ода] Симферополя Кудрявцева, выражая свои патриотические чувства любви к Родине, гневно осуждает подсудимых и в письме заявляет: "Мне не довелось видеть ужасы войны, и я счастлива. Мне 15 лет. Большое спасибо за розыск преступников.

Назвать их зверями - будет оскорбительным для зверей. Звери не кидают людей в яму, не стреляют им в затылок. Судите их по всей строгости".

Такие же чувства выразила Седых Светлана, ученица 10 класса средней школы села Партизаны, которое во время Великой Отечественной войны было сожжено карателями.

Поступают также заявления и письма граждан, в которых сообщается о других лицах, изменивших Родине во время Великой Отечественной войны и занимавшихся карательной деятельностью.

Принимаются меры к проверке указанных данных.

ГА СБ Украины. - Ф. 16. - Оп. 3 (1976). - Пор. 4. - ЛЛ. 315-318. Оригинал.

Крымские татары: путь к возвращению. Крымскотатарское национальное движение (вторая половина 1940-х – начало 1990-х годов) глазами советских спецслужб. Часть 1. Национальная академия наук Украины. Институт истории Украины. Государственный архив Службы Безопасности Украины. Киев. 2004 г. С. 308-310.

*****

№ 25. ПРИЛОЖЕНИЕ № 5.

(95) № 11. Докладная записка Председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука первому секретарю ЦК КПУ В. Щербицкому о мероприятиях по нейтрализации крымскотатарского национального движения в Украине от 22.02.1973 г. (ИЗВЛЕЧЕНИЯ)

**Сов. секретно
Экз. № 1**

После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 года о снятии с крымских татар огульного обвинения в пособничестве немецким оккупантам, на территории Украины осело на жительство более 7000 крымских татар, из них проживает без прописки 231 чел...

Из числа проживающих в республике крымских татар выявлено более 300 человек, ранее принимавших активное участие в «автономистском» движении. По имеющимся данным, многие из них остались на прежних позициях, и предпринимают меры к активизации враждебной деятельности...

(96) Органами КГБ была отмечена активизация антиобщественной деятельности «автономистов» в период подготовки и работы XXIV съезда КПСС и в дни празднования 50-летия образования СССР.

Так, в 1972 году были проведены сходы крымских татар в гор. Белогорске Крымской области, в с. Фрунзе и ст. Новоалексеевка Херсонской области, на которых «автономистские» авторитеты ставили задачу «довести национальное движение татар до уровня 1967 года», собирали подписи под обращением в правительственные инстанции с требованием образования Крымско-Татарской АССР, проводили работу по сбору денежных средств.

Организаторы «автономистского» движения возлагают большие надежды на молодежь, считая, что «на нее можно положиться, и она доведет борьбу до победного конца». Стремясь обработать татарскую молодежь в националистическом духе, они используют поводы: национальные праздники, отдельные исторические события, широко разрекламированные татарские свадьбы, дни памяти национальных героев, на которых зачитываются «автономистские» документы, проводятся беседы и собираются денежные средства...

(97) Известны попытки «автономистов» написать очерки и рассказы об истории Крыма, о подвигах отдельных граждан татарской национальности в период Великой Отечественной войны и другие, в которых они намерены обосновать принадлежность Крыма татарам и опровергнуть факты их массового предательства в военные годы...

Положительное влияние на снижение активности «автономистов» оказал проходивший в гор. Симферополе в мае – июле 1972 года судебный процесс над группой карателей из 152 добровольческого татарского батальона «СД»...

(98) ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УКРАИНСКОЙ ССР

В. Федорчук

*Отраслевой Государственный архив (ОГА) СБ УКРАИНЫ. Ф.16. Оп. 3(1976).
Д. 11. Л. 124-128.*

Оригинал. Машинопись.

**Из архивов ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ Научный и документальный журнал.
№ 1/2 (22/23). Киев. 2004. С. 95-98.**

РАЗДЕЛ IV

**СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1974 ГОДА
НАД ГРУППОЙ КАРАТЕЛЕЙ - ИЗМЕННИКОВ РОДИНЫ,
НАХОДИВШИХСЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
НА СЛУЖБЕ У ГИТЛЕРОВСКИХ ОККУПАНТОВ
В 152-М ТАТАРСКОМ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОМ БАТАЛЬОНЕ «СД»
(SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN)
В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»**

№ 26. РАСПЛАТА

Вчера в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова начался судебный процесс над группой карателей - изменников Родины, которые в годы Великой Отечественной войны находились на службе у гитлеровских оккупантов в 152-м добровольческом батальоне СД и являлись охранниками лагеря смерти, созданного фашистами на территории совхоза «Красный».

На скамье подсудимых трое – Шихай Асанов, Нарсула Мензатов, и Энвер Менаметов. Все они преданы суду за измену Родине, за проведение активной карательной деятельности в период временной оккупации Крыма.

Уголовное дело рассматривается Военным трибуналом Краснознаменного Одесского военного округа под председательством полковника юстиции, Героя Советского Союза Е.Б. Фрадкова. Народные заседатели – майоры Ф.С. Доценко и И.А. Боровков.

Государственное обвинение поддерживает помощник военного прокурора Краснознаменного Одесского военного округа подполковник юстиции П.А. Зозуля.

Общественные обвинители: от тружеников совхоза «Красный» - председатель рабочкома Н.Э. ЯТолстолицкая; от трудящихся Симферополя – рабочий электромашиностроительного завода Н.С. Литвинов.

Защиту подсудимых осуществляют члены Симферопольской городской коллегии адвокатов В.С. Докучаев, И.С. Иванисов, И.Е. Чумаченко.

В первый день судебного заседания было оглашено обвинительное заключение, и суд приступил к допросу подсудимого Э. Менаметова.

***

... Последний раз в этом зале мы были 11 июля 1972 года. Как раз тогда, когда выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа вынесла приговор шести палачам из 152-го добровольческого батальона СД, лютовавшим в концлагере смерти на территории совхоза «Красный». Пятеро из них осуждены к смертной казни, и справедливый приговор этот приведен в исполнение.

Более месяца длился тот судебный процесс, всколыхнувший всю устоявшуюся боль матерей, сестер, жен, - тех, кому посчастливилось выжить, избежать фашистского застенка, колючей проволоки за которой человек терял имя и «приобретал» номер узника лагеря смерти.

Еще до сих пор звучат в ушах проклятья свидетелей, обращенные к палачам, не умолкает плач по родным и близким, по тем, кто пал жертвой озверевшего фашизма.

И вот за барьером еще одна группа бывших охранников лагеря. Из того же 152-го добровольческого батальона СД, батальона предателей, батальона садистов.

...Обыкновенные лица. Но так только кажется. Они страшны в своей внешней обыкновенности. Встретишься с ними в повседневной жизни, не разгадаешь, не увидишь, что руки их по локоть в крови, что души их черны от злобы, что глаза их равнодушно смотрели на муки детей, страдания женщин, бессилие стариков, которых ставили они на край рва, на последнюю черту между жизнью и смертью.

Сегодня мы не вправе еще определять меру виновности подсудимых. Последнее слово всегда остается за судьями. Но уже сегодня стоит ознакомить читателя, хотя бы вкратце, с биографиями подсудимых.

Шихай Асанов. Родился в 1923 году на нашей крымской земле. Когда пришло время его поколению встать на защиту Родины, казался он не в наспех вырытом окопе по эту сторону фронта. В мае 1942 года он пришел в гитлеровскую фельдкомендатуру и заявил о своей готовности быть холуем у завоевателей. Так он стал предателем. Сначала рядовым, потом командиром отделения 152-го добровольческого батальона СД. Стал карателем, палачем, иудой, кровавые поцелуи которого до сих пор горят огнем в людской памяти, требуя отмщения за разбой и предательство.

Жуткие детали этого предательства, мы уверены, еще воссоздаст трибунал.

Второй из подсудимых – Насурла Мензатов. Самый старший из них. 1913 года рождения. Уроженец бывшего Зуйского района. Осенью 1942 года также добровольно перешел на сторону врага. И по своей воле вступил в 152-й добровольческий батальон карателей. Также охранник лагеря смерти. И его «вклад» в разбойное дело фашизма определит суд.

Энвер Менаметов, 1922 года рождения. Сверстники Менаметова, когда грянула война, брались за оружие. Он повернул оружие против братьев по

классу, одурманенный трусостью и националистическим угаром. Сознательно надел Менаметов мундир карателя. Дослужился до командира отделения В полном сознании расставлял своих сторожевых псов на посты во время массовых расстрелов советских граждан. Его не трогали ни муки, ни стоны соотечественников. Как холуй, ловил он поощрительный взгляд «истинных арийцев», своих новых хозяев, презиравших заурядного палача.

Все они, представшие сегодня перед судом, знали: рано или поздно придет возмездие. Их не спасло бегство. Все трое тогда, в 1945-м, скрыли свое прошлое. Менаметов стал «Османовым», якобы насильно угнанным в фашистское рабство и оказавшимся в Австрии, остальные двое тогда тоже сумели прикинуться «невинными овечками». Есть правда на земле. И вот, через тридцать лет после окончания войны настигла предателей кара народа.

Идет суд... Будущее не прощает забвения. А в прошлом был не только массовый беспримерный героизм миллионов, который мы славим, было и жалкое предательство отщепенцев, которое мы судим. Во имя завтра, во имя Высшей справедливости. Это нужно нам, живым, помнящим о тех, кто не дожил до нашего Сегодня. Память поколений живет не только в монументах, воздвигнутых нами над братскими могилами солдат, над скорбным пеплом Орадура и Хатыни, над страшными рвами Бабьего яра, Багерова, Дубков. Эта память живет в наших сердцах, которые не могут смириться с тем, чтобы даже один палач остался безнаказанным на нашей прекрасной земле.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 13 ноября 1974 года.

*****

№ 27. УБИЙЦЫ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

В нашей газете уже сообщалось 13 ноября, что в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова начался судебный процесс над тремя карателями – изменниками Родины, которые в годы Великой Отечественной войны находились на службе у гитлеровских оккупантов в 152-м добровольческом батальоне СД и являлись охранниками лагеря смерти, созданного фашистами на территории совхоза «Красный». Сегодня мы рассказываем о прошедших четырех днях заседания Военного трибунала Краснознаменного Одесского военного округа.

***

Четыре дня длился допрос подсудимых. Четыре долгих дня, спрессовавших в себе всю чудовищную историю лагеря смерти- от первого до последнего часа. И личное участие в этой истории каждого из выродков, сидящих сейчас за барьером, на лобном месте позора. Сотни людских глаз устремлены на лица палачей. Презрение, ненависть в этих глазах. Подсудимые боятся этих глаз, в зал не смотрели ни разу. Но чувствуют они их испепеляющий накал каждой клеткой своей черной души.

Немало времени потребовалось для того, чтобы предатели предстали перед судом народа. Сотрудниками управления КГБ при Совете Министров УССР по Крымской области пришлось много и напряженно поработать, прежде чем преступники из 152-го добровольческого батальона СД были разысканы и изоблечены в совершенных ими преступлениях. Об объеме работы, проделанной нашими чекистами, свидетельствуют 17 томов дела, по 300-350 страниц в каждом. Более 150 свидетелей было выявлено и опрошено в ходе следствия.

Как ни заматали свои следы охранники лагеря смерти, органы государственной безопасности их сумели распутать. Чекистам пришлось поколесить по стране, объездить Узбекистан, Киргизию, Казахстан, Кавказ. По крупицам собирая факты, тщательно анализируя их, шли они к цели. Шихая Асанова арестовали в Самаркандской области, где он работал машинистом экскаватора в совхозе «Зеравшан» Хатырчинского района. Нарсурлу Мензатова отыскали в Ферганской области. В городе Кувасай этот «тихий» каратель был литейщиком на цементном комбинате. Энвер Менаметов скрывался под фамилией Османова; из Средней Азии перекочевал в город Нальчик Кабардино-Балкарской АССР, работал слесарем ПМК-3 треста «Севкавкоопстрой». Жена Менаметова ужаснулась, когда узнала, с кем она делила годы супружеской жизни и растила дочь.

- Подсудимые, вам понятно, в чем вас обвиняют? – спрашивает председательствующий – полковник юстиции, Герой Советского Союза Е. Б.Фрадков.

Да, они понимают. Все. Они знали, в каком лагере «несли службу», кого уничтожали или активно помогали уничтожать. Цвет советского народа, людей гордых и смелых истребляли на фабрике смерти Менаметов, Мензатов,

Асанов и иже с ними. Они истязали непосильным трудом, морили голодом, издевались и убивали не только партизан и подпольщиков, но и семьи борцов – женщин, детей, немощных стариков. Ревностно исполняя волю хозяев, каратели из добровольческого батальона СД смотрели на кровавое дело своих рук, как на заурядную будничную работу. Менаметов наиболее откровенный из всей троицы, рассказывая о массовых расстрелах, так и выражался:

- Мы работали полный рабочий день. Наши добровольцы водили к краю ямы человек по десять. Другие в это время стояли у машины под охраной. Этых стреляли, они падали в яму, потом подводили других.

- Значит, расстреливали узников на глазах друг у друга? – уточняет председательствующий.

- Ну да.

- А вы сами стреляли?

- Стрелял. Из винтовки.

- С какого расстояния?

- Метра в полтора. В затылок. Если человек оставался живым, немцы потом из автомата строчили. Так каждого человека стреляли. Целый день.

- А женщины в той партии обреченных были?

- Были женщины. Четыре.

- А дети?

- Нет, детей не было...

Странное дело: все подсудимые не видели детей, когда речь на суде заходила об этом. В ямах в Дубках дети лежали рядом со взрослыми, скрученные той же проволокой. А палачи, убивавшие их, детей не видели. Председательствующему пришлось потратить порядком времени, чтобы услышать, наконец, ясное признание карателей о том, что да – на расстрел водили и детей вместе с матерями.

Иногда, правда, сами эти мерзавцы не выдерживают нахлынувших на них воспоминаний. Выдержка на какое-то неуловимое мгновение изменяет им. Восстанавливая дни расстрелов в конце октября – начале ноября 1943 года, Менаметов на секунду умолкает, а потом дрогнувшим голосом говорит о том,

как он со своим отделением водил группами в гараж лагеря обреченных на смерть, скручивал узникам руки и заталкивал в машины.

- Надо крутить проволоку, а руки трясутся. Люди кричат, плачут. Дети плачут. Кричат. На другой раз уже не в гараж водили. Другой раз прямо из зоны в машины брали и возили в Дубки...

За три дня фашистские прихвостни уничтожили тогда свыше полутора тысяч советских граждан.

Он служил во взводе Мевлютова, так же, как и Мензатов. В самом лютом взводе. У того Мевлютова, которого даже сами палачи называли «головорезом», у того Мевлютова, который во время карательных экспедиций убивал жителей сжигаемых сел, а головы жертв отрубал и вешал на пояс. В последнюю ночь, на 10 апреля, когда уже слышны были залпы нашей Советской Армии, накануне освобождения Симферополя, Менаметов, как и все каратели, сбрасывал узников в колодец на территории лагеря смерти.

Менаметов «скромно» признается, что за все время он лично убил «только шесть человек». Ему было тогда 20 лет. Палачи убегали в спешке. За их спиной вздымался черный столб дыма. Горел опустошенный ими концлагерь, и шевелилась еще земля над наспех забросанными ямами жертв фашизма, ставшими для нас дорогими братскими могилами.

Нарсула Мензатов, в отличие от ладно скроенного коротышки Менаметова, - сухой, среднего роста старик. В этом звере еще и сейчас чувствуется скрытая сила. На суде держит себя тихо, выглядит этакой серенькой мышью, но глубоко запрятанные в глазницы черные глаза цепко ловят каждое движение судей. Тихим, сиплым голосом бубнит он о том, что до войны он хорошо работал в колхозе, в Советскую Армию не призывался из-за слабого здоровья, в карательный 152-й батальон СД попал случайно по приказу старосты, никого не убивал, не мучил, только стоял на посту да сопровождал на работу заключенных. Словом, не палач, а ангел. Не занимался разбоем, а сеял «мир в небесах и в человецех благоволение». Впрочем этой словесной его идиллии хватило ровно до первого вопроса председательствующего.

- Подсудимый Мензатов, ответьте суду, почему вы оказались именно во взводе Мевлютова? В самом свирепом взводе карателей?

- Не знаю, - сипит в ответ палач.

Дальше – больше. Оказывается, и тогда в первые дни войны, и теперь медицинская экспертная комиссия признала Мензатова здоровым. Защищать Родину он не пошел потому, что не собирался этого делать. Он просто предал ее и добровольно поступил на службу к фашистам. Напялив форму карателя лагеря смерти, он позабыл о хлипком здоровье и ревностно исполнял все, что предписывала ему эта форма: убивать, обеспечивать убийства, стирать с лица земли противников нового порядка любыми способами, в любое время суток. Показания свидетелей и таких же палачей, как он, которые были осуждены ранее в 1972 году, доказывают, что Мензатов палачем являлся исправным и старательным. Так же заталкивал жертвы в машины, водил людей на расстрел, стоял в охране мест казни. С высоты своих 28 лет он с первого дня отлично понял, куда попал, какой это лагерь; и остался в нем сам, пособственной воле, потому что у этого подонка появилась реальная власть над жизнью и смертью попавших в его лапы людей, которые были ненавистны ему, как все благородные, мужественные борцы с фашизмом. Он пользовался властью своей силой. Когда же настал час возмездия, час правды, палач вновь прикидывается немощным и малограмотным агнцем.

Самый лживый, изворотливый из предателей – Шихай Асанов. Он стал добровольцем-карателем, предав Родину. Сейчас он объясняет это страхом за родных. Кстати, все подсудимые ссылаются на эту причину измены. Но суд убедительнейшим образом «развевал» эти доводы. Предателей связывало с фашизмом большее, чем «страх за судьбы близких». Дядя Менаметова, например, оказался в лагере смерти как партизан. Племянничек спокойно взирал на его убийство. Значит, не родственные чувства и страх за «своих» руководили добровольцами батальона СД. Для них «своими» были те, кто вместе с немцами, чужими – те, кто оставался советскому строю, своей Родине. Так оно и было, и доказали это палачи не словами, а разбойными делами.

- Асанов, когда вы увидели, что это за лагерь, вы могли уйти в партизаны? – задает вопрос судья.

- Мог, но я боялся. За мною следили.

Потом выясняется, что никто за ним не следил. Сам никуда не хотел уходить. Он изо всех сил тщится доказать, что у него была «гуманная душа», что он даже «помогал» заключенным. В ходе допроса свидетелей выясняется, что помогать-то помогал и довольно активно, только... переселяться в землю. Потом на вопрос судьи: что он чувствовал все эти минувшие тридцать лет после того, как скрыл свое кровавое прошлое, как он жил под тяжестью тысяч жизней, загубленных им и его дружками по батальону, - Асанов вынужден был признаться, что жил в страхе перед возмездием.

Права пословица, герой умирает однажды, трус умирает всю жизнь. Я это понял сам, - заключает каратель...

...Заседания трибунала продолжаются. Продолжается допрос свидетелей. Оживает прошлое. Шаг за шагом. День за днем. Прошлое, которое требует отмщения.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 17 ноября 1974 года.

*****

№ 28. ИЗОБЛИЧЕНИЕ

Седьмой день идет судебный процесс над карателями концлагеря. Сельмой день речь идет о кровавых оргиях фашизма, его жутких преступлениях... Убийства, убийства, убийства; издевательства над узниками, патологический садизм палачей, холодная арифметика сеявших смерть. Неужели эти трое, представшие перед судом народа, тоже из плоти и крови? Сердце не хочет верить. Не люди они. Оборотни. Внешний облик их – только оболочка. Разве может человек, если в нем осталось что-то человеческое, грубо оторвать от груди матери ее дитя и спокойно бросить его на глазах обезумевшей от горя и страха женщины в колодезную яму? Палачи бросали. Деловито, невозмутимо, лакейски угождая хозяевам, поставившим своей целью истребление народов. Лагеря смерти – специальные фабрики уничтожения людей – для этого и создавали оккупанты на захваченных землях...

Я смотрю на судей и поражаюсь их стоической невозмутимости, восхищаюсь их верностью профессиональному долгу, обстоятельным желанием выяснить истину, докопаться до правды, которую с такой

изворотливостью стараются скрыть бывшие каратели из 152-го батальона СД.

Сидящим в зале порою кажется, что все и так ясно: служили, убивали. Суд же скрупулезно исследует меру вины каждого из убийц и иначе поступить не может. Так ученый-энтомолог терпеливо изучает под сильной лупой какое-нибудь неизвестное насекомое, какого-нибудь неизвестного ранее паразита, прежде чем дать ему название и пригвоздить его булавкой в коллекции...

...Подсудимые с каждым днем все больше и больше сникают. Под тяжестью улик, свидетельских показаний каратели вынуждены сознаваться в своих черных преступлениях.

- Мензатов, вы слышали свидетеля, только что рассказавшего о варварском режиме, царившем в лагере смерти? – спрашивает председательствующий, полковник юстиции Герой Советского Союза Е.Б. Фрадков. - - Вы подтверждаете эти показания?

- Да. Умирили многие. Очень многие. По несколько человек в день. От голода, дизентерии, непосильного труда, от побоев. Их хоронили сами заключенные. Недалеко от пруда. Там было большое кладбище. Перед нашим бегством немцы сравняли его с землей, чтобы никто не знал об этом. Так приказал комендант...

Из-за таких, как эти фашистские холоуи, которые держат сейчас ответ, кровавый конвейер концлагеря действовал четко и исправно, безжалостно перемалывая тысячи жизней борцов за честь нашей Родины, женщин, стариков, детей.

Нередко я, как сотни других симферопольцев, останавливаюсь у горестных витрин с вещественными доказательствами преступлений карателей из 152-го добровольческого батальона СД. На этих витринах, размещенных в фойе Дома культуры имени Кирова, лежат вещи, когда-то принадлежавшие замученным и расстрелянным узникам концлагеря – карандаши, обрывки простеньких стеклянных бус, гребни, зажигалки, ложки. Кто-то из детей взял с собой в последний свой путь крошечную фарфоровую птичку, резиновую лошадку. По соседству с ними – скрутка из алюминиевой проволоки, какой

палачи скручивали руки жертв. Таких скруток, помнится, во время раскопок мест расстрела в Дубках извлекли массу. Они едва уместились тогда в огромном ящике. На чьих руках была эта? А эта? А эта? Где взять силы, чтобы сдерживать слезы гнева? Какой карой покарать убийц? Любая не искупит их вины, не возвратит матерям, выплакавшим все слезы по расстрелянным сыновьям, родное дитя, сестрам брата, детям – их родителей...

Детские игрушки. Символы светлого детства. Рядом со скруткой из алюминиевой проволоки. Тоже символом – символом фашистского «нового порядка».

Суд установил, что проволока для скручивания рук заготовлялась заранее, за несколько дней до массовых расстрелов. С педантизмом, по точным размерам, со скрупулезным расчетом количества, которое понадобится, чтобы связать обреченных.

Фашизм, его прихвостни, приводившие в исполнение план план уничтожения «низших рас», заготовили бы такие скрутки и для народов всей нашей страны, если бы советские люди не свернули им шею. И именно поэтому сегодня перед судом стоят не только три кровавых палача из батальона СД. Перед судом – система, которой они служили.

Время от времени каратели начинают «жалить» друг друга, как скорпионы в банке. Подсудимый Асанов всячески хочет откреститься от того, что он был командиром отделения. Подсудимый Менаметов «протестует» против такой беспардонной лжи.

- Как не был? Был. Разве разводить посты мог рядовой доброволец? Любой военный человек скажет – нет.

- Менаметов не мог видеть, что я скручивал руки узникам в гараже лагеря, - стараясь быть спокойным, возражает Асанов.

- как не видел? Видел! Там было тогда восемь наших. И он тоже. Я водил тогда в гараж узников и хорошо помню...

То, что подсудимый Асанов являлся не рядовой сошкой в 152-м карательном батальоне СД, подтвердили и свидетели, бывшие сослуживцы по

лагерю смерти - Сейтумеров и доставленный на суд из места заключения, где он отбывает наказание за такие же преступления, Кулик.

- Сейтумеров, - обращается председательствующий к свидетелю, - вы хорошо знаете подсудимых? Назовите их. Расскажите, что вы знаете по делу?

И вновь повторяется все та же жуткая картина расстрелов, издевательств над заключенными. Вновь называются имена коменданта лагеря Краузе, палачей Мевлютова, Абжелилова, Ходжаметова, Парасотченко, Кулика, Асанова, Менаметова, Мензатова – всех тех, кто вместе со свидетелем нес службу в карательном батальоне. Свидетель утверждает, что сам видел, как Менаметов убивал людей, как Асанов не только скручивал людям руки, но и участвовал в расстрелах, как Мензатов закапывал убитых.

Позавчера суд допропросил прибывшего из города Джамбула свидетеля Миллера, бывшего переводчика 152-го карательного батальона СД. Давал суду показания и свидетель Гайдай, проживающий в настоящее время в Тульской области. Он также служил в этом батальоне, но после первого массового расстрела сбежал, дав возможность бежать из лагеря группе заключенных (человек двадцать), которых конвоировал.

И первый и второй свидетели подтвердили активное участие Менаметова в истреблении узников лагеря.

- Мне особенно запомнилась последняя ночь в апреле 1944 года, перед самым нашим бегством, - говорит Миллер. – Я вдруг услышал крики. Люди молят о пощаде. Всё – в стороне колодца. Пошел туда. И вижу. Место это освещено фонарем «Летучая мышь». Стоит Гунце Ганс с пистолетом, а добровольцы водят людей из бараков. Кто сопротивляется - того бьют. Одному из мужчин Мевлютов на моих глазах размозжил голову прикладом. Заключенный упал, но не в колодец, а с наружной стороны на землю. Тут же подбежал Менаметов, схватил упавшего и перекинул его в колодец. Шихай Асанов тоже тут был, тоже подводил узников к месту расправы. Я ушел, невозможно было выдержать все то, что там делалось. Утром, когда мне снова довелось проходить мимо колодца, земля «дышала», шевелилась земля.

- Свидетель, - обращается председательствующий, - вы утверждаете, что Асанов тоже был на месте казни в ночь на 11 апреля 1944 года. Сам Асанов говорит, что он это время находился в Бахчисарае, куда был переведен ранее. Это верно?

- Асанов так говорит. Если бы это была правда, ему было бы хорошо. Но это неправда. Как мог быть Асанов в Бахчисарае, если он вместе с нами бежал из лагеря в Севастополь.

- А может быть вы его путаете с кем-нибудь? – уточняет государственный обвинитель подполковник юстиции П.А. Зозуля.

- Как я мог его спутать, граждане судьи, если видел Асанова, как сейчас вижу вас...

- Что вы можете сказать о Мензатове?

- Смутно помню его. Одно скажу: в лагере действовала систем уничтожения людей.

При упоминании его имени Мензатов совсем «вдавливается» в пол, так, что становится почти невидимым из-за барьера. На суде его почти не слышно. Как хамелеон меняет окраску применительно к местности, так и эти фашистские бандиты всячески стараются уйти в спасительную тень, забывая, что в окраске их прошлых дел слишком стойко и густо проступает цвет запекшейся крови.

...Суд продолжается. Неотвратимое возмездие с каждым днем все больше надвигается на убийц. И недалек час, когда от имени павших, от имени нас, живых, высокий Трибунал скажет свое слово.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 20 ноября 1974 года.

* * * * *

№ 29. ПОСЛЕДНИЕ ПОКАЗАНИЯ

Итак, идет вторая неделя заседания Военного трибунала Краснознаменного Одесского военного округа. Заметно прибавилось свидетелей, которые после показаний остаются тут же, в зале суда.

Допрашивается бывший шофер концлагеря Л. Легек, уроженец Симферополя, ныне проживающий в Харьковской области.

- Сначала, в 1942 году, я работал слесарем в Симферопольском СД. Позднее меня перевели шофером в концлагерь на территории совхоза «Красный». Этот лагерь стали строить в июне 1942 года. Когда я туда прибыл, начальником там был Штекман – немец. Самые страшные палачи были Краузе и Гунце. И, конечно, добровольцы 152-го батальона СД. Узников они истязали беспощадно. Заставляли обессиленных людей таскать тяжелые камни, запрягали их, словно лошадей, в телеги и перевозили на них грузы. Но работа эта была бессмысленной, для истощения, ибо грузы просто перемещались с место на место. Тех, кто уже не мог идти на работу, забивали в бараках плетками. Перед массовым расстрелом меня и еще двух человек, фамилия одного была Деревянко, заставили рубить в гараже проволоку. Для этого нам дали многожильный алюминиевый кабель. Рубили из него куски длиной 40 – 50 сантиметров. Расплели и получилось полторы тысячи штук. Куда она, эта проволока, пошла потом, суду известно. Ею скручивали руки узников. Перед тем, как вывозить на расстрел в Дубки, Краузе и переводчик Яков Шур, которого все в лагере боялись, согноли нас, шоферов, к машинам и проинструктировали, как себя вести. Нам нельзя было выходить из кабин, грузовики должны были работать на полных оборотах, побольше создать шума, чтобы никто не слышал выстрелов.

- А вы сами вязывали заключенных? – спрашивает председательствующий.

- Несколько человек связал и мне стало плохо.

- Что вы еще делали? – задает вопрос государственный обвинитель.

- Возил к месту расстрела кирки, лопаты, а оттуда привозил одежду расстрелянных.

Далее свидетель показывает, как в абрикосовом саду палачи сжигали трупы расстрелянных. Специально соорудили место для огнища, заранее запаслись горючим материалом, чтобы лучше полыхал гигантский костер из человеческих тел.

... За соучастие в в преступлениях свидетель понес соответствующее наказание – 15 лет лишения свободы.

- Вы до конца служили в лагере? – задает вопрос общественный обвинитель Н.Э. Толстолицкая.

- Не до конца. В ноябре 1943 года я ушел из лагеря. Работал в мельничном объединении.

Вслед за Легеком допрашивается свидетель Николай Костриченко 1927 года рождения. Жил в деревне Саблы. Ныне живет в Симферополе по ул. Западной, работает на автобазе. Его рассказ прост. Детали того памятного дня стерлись за 30 лет. Но и то, что помнит он, с головой обличает палачей из 152-го добровольческого батальона СД.

- В нашем доме было десять душ. Мои родители, нас пятеро детей, тетка моя с двумя своими ребятишками. Утром в деревню ворвались каратели. В нашу хату вошли двое в немецкой форме. Мне тогда было 15 лет. Все остальные дети младше меня. Нам скомандовали встать. Мы встали. И тогда нас изавтоматов стали расстреливать. Всех убили. Я упал тоже, хотя меня только ранили. Пуля попала в ногу, вторая оторвала часть уха. Каратели забросали нас соломой. Когда они ушли, я выполз в огород, отлежался до темноты в яме. Так и остался жив. Изба сгорела в тот же день, как и вся подожженная фашистами деревня. Потом знакомые переправили меня в лес...

Каждое слово свидетеля, как и других, которые убегали из горящих сел, спасаясь от палачей, бьет прямо в цель. Ведь подсудимые утверждали, что выезды в карательные экспедиции их батальона были чуть ли не увеселительными прогулками. Суд точно установил, чем эти выезды кончались: пожарами и смертями ни в чем не повинных людей.

Свидетельские показания бывших добровольцев из 152-го батальона СД Ильясова и Ибрагимова, которые были переведены из «Красного» в Бахчисарай в октябре 1943 года, еще раз подтвердили, что подсудимый Шихай Асанов оставался в лагере смерти. Оба заявили, что Асанова в Бахчисарае не видели. А ведь так хотелось карателю доказать свое алиби, чтобы снять с себя ответственность за участие в карательных операциях и страшной казни свыше двухсот узников в ночь на 11 апреля 1944 года. Опять сорвалось. Не вышло. И тогда Асанов говорит:

- Свидетели не хотят меня помнить потому, что тот день, когда нас отвозили в Бахчисарай, в 149-й батальон СД, был в ноябре, то есть после расстрела, в котором и они участвовали.

- Еще раз говорю: это не верно, - парирует Ибрагимов, - в Бахчисарай отправили только пять добровольцев. Асанов оставался в «Красном»...

То же самое говорил суду и свидетель Чакай, служивший в лагере и переведенный в Бахчисарай вместе с Ильясовым и Ибрагимовым...

Вызывается свидетельница Мерзие Муждабаева, бывшая узница лагеря смерти, проживающая ныне в поселке Ленино Крымской области. Она привезла с собой и сына, чтобы тот своими глазами увидел в лицо предателей Родины, мучителей и палачей, чтобы он своими ушами услышал, как творились кровавые злодеяния в аду, из которого посчастливилось выйти его матери, уцелеть от пули фашистских прихвостней... В лагерь она была брошена за связь с партизанами.

Женщина взволнована горькими воспоминаниями. Она смотрит в сторону подсудимых и не может сдержать гневных слез:

- Ка могут топтать нашу священную советскую землю эти выродки, эти убийцы, насильники! Тридцать лет они ходили по ней. Как могли они грязными лапами прикасаться к детям, кому-то пожимать руку при встречах. Они, эти трое, - из своры палачей, на черной совести которых расстрелы детей, женщин, стариков! Их руки не дрогнули даже тогда, когда они стреляли беременных. До сих пор стоят в ушах моих стоны и плач женщин, которых они уводили на расстрел. Да и как не стенать женщине, матери, как не молить ей о пощаде, когда рядом с нею ко рву шли ее дети. Палачи не внимали мольбам. Их души были глухи. Но большинство узников не просило пощады. Люди в свой предсмертный час гордо бросали в лицо палачас: нас убьете, но память о нас останется. Придет время, и народ отомстит вам за нашу гибель, воздаст вам, палачам, полной мерой...

Время от времени свидетельница умолкает, чтобы овладеть чувствами, не дать им одолеть себя. И вновь продолжается ровный рассказ о зверствах, царивших в лагере. Вновь сообщаются факты, даты, имена.

Я смотрю в зал и вижу, как утирают слезы женщины. Снимает очки старушка и прикладывает к глазам платок. Это мать, которая пришла на суд в надежде услышать хоть слово о расстрелянном сыне. Она понимает, конечно, что прошло столько времени. А вдруг?

- Свидетельница, вы подтверждаете, что в лагере по поводу и без всякого повода избивали людей, что избитых и обессиленных часами держали под палящим солнцем? – уточняет представитель обвинения.

- Да. В лагере был столб, к которому привязывали людей. Избивали их до полусмерти и без глотка воды оставляли у столба...

Потом на суде давал показания и тот, кто испытал на себе эту пытку. Свидетель Л.Т. Кондратьев, ныне проживающий в Феодосии, рассказал, как измывались над ним каратели, когда поймали его при попытке к бегству. Его спасла молодость, железный организм, вынесший смертные побои и столб под солнцем. Его спасли советские люди, подпольщики, не побоявшиеся укрыть доставленного в больницу узника, помогшие ему бежать в лес, как только он смог двигаться.

В пятницу всем присутствующим был показан фильм, воскресивший раскопки страшных ям на местах массовых расстрелов узников лагеря в дубках. Присутствуют в фильме и подсудимые, которые показывают, где свершались казни. Смотришь эти кадры, и руки непроизвольно сжимаются в кулаки. Жаль, что в темноте не видно лиц карателей, тоже смотрящих на штабеля костей, вынутых из ям, - дело их рук...

Суд продолжается.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 24 ноября 1974 года.

*****

№ 30. ИМЕНЕМ НАРОДА...

Понедельник. 25 ноября 1974 года. Утро.

Вновь полон зал Дома культуры консервного завода имени Кирова. Вновь здесь присутствуют не только симферопольцы, но и приехавшие из разных концов Крыма люди, которые внимательно следят за ходом заседания Военного трибунала Краснознаменного Одесского военного округа, рассматривающего уголовное дело карателей 152-го добровольческого батальона СД.

Сидящие на скамье подсудимых Шихай Асанов, Энвер менаметов и Нарсула Мензатов – изменники Родины и палачи из бывшего лагеря смерти

на территории совхоза «Красный» - уже чувствуют приближение справедливого, но страшного для них финала. После демонстрации фильма, воскресившего кровавые злодеяния фашистских убийц, неугасимое горе тех, кто по вине карателей потерял родных и близких, мертвенная, землистая бледность заливают щеки преступников.

...Председательствующий предоставляет слово государственному обвинителю, помощнику военного прокурора Краснознаменного Одесского военного округа подполковнику юстиции П.А. Зозуле. Яркая, страстная речь обрушивается на головы подсудимых всю тяжесть свершенных ими преступлений. Шаг за шагом анализирует прокурор черный путь изменников Родины, путь палачей, гневно и аргументированно доказывает их вину, разоблачает звериную идеологию фашистских убийц. Речь государственного обвинителя – это обвинение от имени павших и нас, живущих; под нею каждый из сидящих в зале, каждый честный советский человек поставил бы свою подпись. Устами прокурора говорят те, кто остался лежать в земле, убитые и замученные в концентрационных лагерях, фабриках смерти – Освенциме, Бухенвальде, Маутхаузене, тысячах больших и малых, известных и неизвестных застенков фашистского режима. Устами прокурора говорят двадцать миллионов советских людей, отдавших жизнь за честь и независимость Родины в минувшей войне, миллионы фронтовиков, вдыхающих горький запах родных пепелищ, оставленных фашизмом на нашей земле. Вот почему требование прокурора приговорить подсудимых к высшей мере наказания за все свершенные ими злодеяния зал встречает горячим одобрением.

Вслед за государственным обвинителем выступают общественные обвинители – председатель рабочкома совхоза «Красный» Н.Э. Толстолицкая и рабочий электромашиностроительного завода Н.С. Литвинов. Они говорят о том, что суд внимательно выслушал показания подсудимых и свидетелей, что вина карателей полностью и неопровержимо доказана. От имени своих товарищей по труду общественные обвинители поддерживают прокурора и также требуют присудить преступников – Шихая Асанова, Энвера Менаметова и Нарсулу Мензатова – к высшей мере наказания.

После выступления представителей обвинения слово предоставляется защитникам подсудимых – членам Симферопольской коллегии адвокатов В.С. Докучаеву, И.С. Иванисову и И.Е. Чумаченко.

Прямо скажем: нелегкая им досталась миссия. Ведь не выкинешь из биографии подзащитных горы трупов, не отмоешь их руки, если они по локоть в крови. А защищать надо, таков закон. И адвокаты избирают

единственный путь защиты. Они говорят о послевоенном времени, о том, что их подзащитные хорошо трудились на производстве и т.д.

Зал волнуется, зал гудит: «работали... службу в лагере смерти тоже называли работой», - слышится за моей спиной шепот. И я ловлю себя на мысли, что думаю также.

Адвокаты просят суд учесть все смягчающие обстоятельства и вынести справедливый приговор.

Прокурор просит слово для реплики.

- Товарищи судьи, - говорит он, - защита представляет нам подсудимых как добросовестных тружеников. Обвинение протестует против такой точки зрения. Прошу учесть: Асанов, Мензатов, и Менаметов зарекомендовали себя на производстве не потому, что они по натуре такие, что добросовестный труд был присущим в силу их сознательного отношения к нашей действительности. Они старались на работе потому, что боялись выделиться из общей среды, боялись разоблачения своего преступного прошлого. Обвинение еще раз настаивает на высшей мере наказания...

Выслушав защитников, трибунал предоставляет подсудимым право – выступить с последним словом.

Кощунством звучит их жалкий лепет, надругательством над памятью уничтоженных палачами жертв, над всем святым, что дорого нам, является каждая их фраза.

Раскрыв папку Асанов монотонно начинает читать свою более чем получасовую оправдательную речь. Даже не речь, а форменный панегирик, в котором иуда и кат выставляет себя гуманистом, другом и защитником заключенных. Он хвалит нашу Советскую народную власть, утверждает, что она все предоставила ему, а он-де сам не поймет, как оказался в стане врагов. И это говорит тот, кто продал свою землю, распинал ее народ. Даже сотни лет его «мироного труда» не окупят одной мольбы убитого им ребенка, слез матерей, которых осиротили такие фашистские прихвостни, как Асанов. А ведь на его совести не одна светлая жизнь. И он это знает. Тем омерзительнее звучат слова палача, на лбу которого горит клеймо предательства.

Каратель Мензатов и на этот раз немногословен. И на этот раз он невнятно бубнит свое «я ничего не делал, я только конвоир и рядовой охранник». Этот трупозакапыватель, молчаливый и мрачный

«чернорабочий» из 152-го добровольческого батальона СД заявляет далее, что полностью предает себя в руки правосудия и просит о пощаде...

- Менаметов, вам предоставляется последнее слово, - обращается к третьему подсудимому председательствующий.

В ответ молчание. Через мгновение сдавленным голосом и этот каратель начинает канючить о пощаде. Он как бы смотрит на себя со стороны: как же так – служил в Советской Армии, а потом оказался у фашистов. Сам. По своей воле. Как оправдаться?! Как! «Ах, да: я не сам пошел в батальон. Меня отец записал. Меня и брата. Отца уговорили старики из мусульманского комитета»...

Он еще пока недоумевает: «Зачем? Зачем меня записал туда отец? Зачем я пошел туда?» Но суд ждет ответа: что Менаметов сам думает о содеянном им в лагере смерти? И тогда до него доходит, наконец, что придется все назвать своими именами. А это страшно. Это очень страшно. И вот уже в зале раздается истерический крик. Этот крик рожден осознанием конца. Менаметов только теперь почувствовал сам себя на краю той же ямы, у которой он ставил бывших в его власти узников, на краю такого же страшного колодца, какой был на территории лагеря смерти.

- Менаметов, успокойтесь. Возьмите себя в руки, - говорит председательствующий. Но видя, что призыв этот повисает в воздухе, объявляет краткий перерыв.

- Теперь вы можете говорить?

Да. Он может. Но Менаметова вновь хватает ровно на две фразы. Суд слышит: «Я виновен». А вслед опять истерические крики.

Зал негодует: «Подлец. Когда сам убивал детей и женщин и сталкивал в выгребные ямы стариков, тогда ему было весело. Глядеть на смертные муки людей ему было забавой. А ответить за свои черные дела не хватает духу»...

Поведение карателей понять можно. Чувствуя близость расплаты, они как утопающие, хватаются за соломинку, и каждый защищается по-своему, в меру своих способностей, так как диктует им натура. Выслушав внимательно обвинение и защиту, последнее слово подсудимых, суд в составе полковника юстиции, Героя Советского Союза Е.Б. Фрадкова, народных заседателей майоров Ф.С. Доценко и Н.А. Боровкова удаляется в совещательную комнату, чтобы еще раз тщательно взвесить все «за» и «против» и вынести подсудимым окончательный приговор.

В среду утром заседание трибунала было продолжено. В десять часов утра, когда зал вновь заполнили представители трудовых коллективов Симферополя, раздался четкий голос коменданта:

- Встать! Суд идет!

В зале воцаряется полная тишина. Председательствующий зачитывает приговор. Люди слушают его стоя, ловя каждое слово. В приговоре все четко и скрупулезно расставлено на свои места, воздано должное каждому из предателей, точно и доказательно определена мера вины каждого подсудимого. И вот, наконец, торжественно звучат слова: «Именем Союза Советских Социалистических Республик...»

Военный трибунал Краснознаменного Одесского военного округа признал всех подсудимых виновными в свершенных злодеяниях и приговорил: Шихпая Асанова к смертной казни – расстрелу с конфискацией его имущества; Энвера Менаметова - к смертной казни – расстрелу без конфискации имущества, за отсутствием такового; Нарсулу Мензатова – к пятнадцати годам исправительно-трудовой колонии строгого режима с конфискацией его имущества.

Жители Крыма, общественность, присутствовавшая в зале, с большим одобрением под аплодисменты встретила этот приговор.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 29 ноября 1974 года.

РАЗДЕЛ V.

**СИМФЕРОПОЛЬСКИЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС 1977 ГОДА
НАД НАД КАРАТЕЛЯМИ - ИЗМЕННИКАМИ РОДИНЫ, БЫВШИМИ
СОТРУДНИКАМИ ФАШИСТСКОГО КАРАТЕЛЬНОГО ОРГАНА СД,
НАХОДИВШЕГОСЯ В г. СИМФЕРОПОЛЕ,
В ОСВЕЩЕНИИ ГАЗЕТЫ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА».**

№ 31. ПАЛАЧИ ПЕРЕД СУДОМ НАРОДА

Вчера в Доме культуры Симферопольского завода имени Кирова начался судебный процесс над группой бывших сотрудников фашистского карательного органа – СД, штаб которого располагался в Симферополе на ул. Студенческой, 12.

На скамье подсудимых трое – Мамед Мамутов, Сентабдулла Мухтаров и Артур Вольф. Они преданы суду за измену Родины, за проведение активной карательной деятельности в период временной оккупации Крыма гитлеровцами.

Уголовное дело фашистских прислужников рассматривает Военный трибунал Краснознаменного Одесского военного округа под председательством полковника юстиции, Героя Советского Союза Е.Б. Фрадкова.

Народные заседатели – майоры А.С. Волянский и В.П. Ездунюв.

Государственное обвинение поддерживает старший помощник военного прокурора Краснознаменного Одесского военного округа полковник юстиции Н.С. Вершинин.

Общественные обвинители: от тружеников станции Симферополь Приднепровской железной дороги – приемосдатчик груза и багажа в поездах И.И. Литовченко, от коллектива Симферопольского государственного университета имени М.В. Фрунзе – старший преподаватель кафедры научного коммунизма Г.С. Прокопенко.

Защиту подсудимых осуществляют члены Симферопольской городской коллегии адвокатов В.С. Докучаев, И.С. Иванисов, Н.А. Каликанов.

В первый день судебного заседания было оглашено обвинительное заключение и суд приступил к допросу подсудимого Сейтабдуллы Мухтарова.

***

...Гитлеровцы шли по нашей земле, как хозяева. Были уверены, что останутся здесь навсегда, и хищнически приценивались к захваченному. Как коричневая плесень, расползлись они под грохот танков по нашим нивам, селам, пепелищам городов, сея смерть и запустение, мародерствуя, истязая, отправляя в сов «фатерланд» все, что создавалось трудом советского народа.

Вслед за вермахтом оседали на оккупированных землях те, кто, по замыслам высших фашистских бонз, должен был подготовить захваченные восточные пространства для заселения их «истинными арийцами». Названия этих фашистских служб были различными, назначение одно: вешать, расстреливать, любым способом уничтожать советских людей.

Одной из таких служб была служба СД, в функции которой входило проведение тайных и открытых карательных акций по отношению к советским гражданам. Начальником СД Таврии и Крыма являлся махровый фашист Пауль Цапп, осужденный в 1970 г. в ФРГ к девятикратному пожизненному заключению за кровавые преступления, совершенные им на нашей земле. Под его началом «работали» палачи Штеккер, Кайнерт, Штеккан, Пантельман, Ульмар и другие.

В одной своре с названными военными преступниками оказались и представшие перед судом М. Мамутов, С. Мухтаров и А. Вольф.

Оказались по своей доброй воле.

Все трое добровольно пошли на службу к фашистам, предав самое святое для советского человека – Родину, растоптав честь и совесть гражданина великой страны социализма.

Мамутов. 1917 года рождения, перешел на сторону врага, дезертировав из рядов Советской Армии, вступил в охранную роту СД сначала рядовым, а с

июня 1942 года был назначен командиром взвода этого карательного формирования.

Вольф. 1925 года рождения, остался на оккупированной территории в селе Воронцово-Александровском Ставропольского края, где он тогда жил. Там же в августе 1942 года поступил переводчиком в СД. В декабре 1942 года, перед бегством фашистов из края, был направлен в Крым. С 21 января по апрель 1944 года являлся переводчиком разных отделов СД.

Мухтаров, 1924 года рождения, встретил фашистов в селе Лесном, что под Судаком. В январе 1942 года вступил добровольцем в немецкую армию, а в августе того же года за ревностную службу был переведен в Симферополь, на Студенческую улицу, в главный штаб гитлеровских палачей.

Гневом и болью наполняется сердце, когда узнаешь о «деятельности» фашистских прихвостней. Иногда думаешь: как они могли прожить столько лет рядом с честными людьми, дышать одним воздухом с нами? Как могли они, гитлеровские прихвостни, растить детей и смотреть им в глаза после всего содеянного?

На их совести сотни замученных патриотов, слезы вдов, осиротевших детей, неутешных в своем горе матерей, чьих сыновей и дочерей конвоировали палачи к месту казни, истязали до смерти на допросах, стреляли в затылок. Десятки крымских деревень, сожженных во время их карательных экспедиций, вопиют об отмщении. Кровавые следы предателей и палачей отмечены горестными обелисками и мемориалами в местах массовых расстрелов в Дубках, на десятом километре Феодосийского шоссе, в Петповской балке. До сих пор стоят перед глазами жителей сел Межгорье Белогорского района, Голубинка Бахчисарайского, Изобильное (под Алуштой), Мраморное Симферопольского района и многих других кровавые сцены, учинявшиеся карателями во время облав и «прочесов».

Все тот же почерк. Бесчеловечность, тупая жестокость трусов, измывавшихся над безоружными людьми, скрученные проволокой руки невинных жертв, выстрелы в спину, рвы, заполненные женщинами, стариками, детьми, убитыми только потому, что их отцы и мужья, сыновья поднялись на защиту Отечества, своей народной власти, за то, что не

пожелали признать «новый порядок», и, наконец, просто за то, что они были советскими людьми.

Во всех этих преступлениях так или иначе, но всегда с холуйской готовностью, ревностно участвовали сидящие теперь на скамье подсудимых.

Никакие годы не сотрут в памяти нашего народа кровавые преступления фашизма. И никакая давность этих преступлений не правомочна помешать суду и справедливому возмездию. Это святое и непреходящее право нашего многонационального народа, живущего единой семьей.

Надо отдать должное работникам управления КГБ при Совете Министров УССР по Крымской области. Подвижничеством можно назвать их труд по розыску преступников. По крупницам, подчас по косвенным, едва приметным данным шли они к разоблачению палачей. Вот только один пример. В делах военного трибунала, который осудил в 1974 году карателей, действовавших в лагере смерти на территории совхоза «Красный», промелькнул палач по кличке «Эмджи-баба»*, что в переводе означает «старик». Говорили, что он играл на скрипке. Настоящую фамилию карателя никто не помнил. Где искать его? Чекисты подняли все архивы, скрупулезно выписали десятки фамилий тех, кто хоть как-то был связан с карательными формированиями, орудовавшими в Симферополе и его окрестностях. Опросили всех, кто отбывает или отбыл уже наказания за совершенные во время оккупации преступления. И наконец нащупали тоненькую ниточку - установили фамилию «Эмджи-бабы» - Мухтаров Сентабдулла. Но где от? Жив ли? Опять поиск, мгновенные озарения, разочарования, опять надежды. И работа, работа, работа, чтобы, наконец, в деле появилась запись: Сентабдулла Мухтаров, бежав с карателями в апреле 1944 года в Румынию, после войны долгие годы жил в Турции и ФРГ. В 1968 году вернулся в СССР. В консульстве, где оформлялись его документы на возвращение, скрыл свое кровавое прошлое, сказал, что служил в обозе. Вернувшись, проживал в Узбекистане, работал автослесарем. Нигде подолгу не задерживался. Последнее место работы - совхоз «Дальверзин» № 1 Бекабатского района Ташкентской области. Будучи арестованным, целый месяц все отрицал, ничего, мол, не знает и знать не хочет. Потом стал признаваться, когда его уличили неопровержимыми фактами, показаниями свидетелей.

Артура Вольфа разыскали на прииске в Бодайбо. Жил там безвыездно с 1947 года. Женат, имеет детей. Жена, конечно, ничего не знает о его прошлом. Работал долгое время на Артемовской шахте железнодорожником, а в последнее время бригадиром дровозаготовщиков.

Когда пришли к нему на работу и спросили: «Во время войны вы служили в Крыму?» - сразу понял, что к чему. Несколько минут стоял белый, как мел, пытаясь унять дрожь, сотрясавшую тело. Сказал только, что ждал этого момента вплоть до 1955 года, потом решил, что «пронесло».

Как видим, не пронесло.

Мамед Макутов был арестован тоже в Сибири. Все послевоенные годы работал в Магаданской области на шахте в городе Сусумане. Выйдя на пенсию, перебрался в Читу. Когда пришли к нему домой и объяснили – зачем, не стал отпираться.

На следствии все подсудимые изворачивались, как могли. Лгали, отрицали, ссылались на «слабую память». Но куда уйдешь от неопровержимых фактов, от многочисленных свидетельских показаний.

В один из дней, когда допрашивали Вольфа и следователь вежливо просил его вспомнить, как в конце марта 1944 года он допрашивал и истязал подпольщицу А.А. Волошинову, как измывался на допросе над подпольщиком В.К. Ефимовым, подсудимый сказал, что он только переводил допрос. Допрашивал сотрудник СД Ульмар. Волошинову допрашивали и перед казнью. Думали, скажет, кто с ней работал, предаст друзей. Услышав в ответ, что ничего она не скажет палачам, - ее расстреляли в Дубках, чему и был свидетелем он, Вольф.

Разумеется, мертвые не изобличат во лжи палача Вольфа. На это он и надеялся. Но он не ожидал, что остались и живые, с которых «снял» допросы «интеллигентный переводчик», только, якобы «переводивший» вопросы палачей и ответы их жертв.

Когда на очную ставку с Вольфом пригласили Владимира Михайловича Винникова, в прошлом узника фашистского застенка, ныне живущего в Симферополе, последний напомнил палачу, как тот «переводил»:

- Ты же, гад, бил меня сначала кулаками по лицу, потом телефонным кабелем, а когда я оказался на полу – и ногами. Следы твоей работы, твоих «переводов» до сих пор на моей голове и на теле, - бросил он в лицо палачу, зло смахивая слезы, забыв о следователе, обо всем на свете, весь во власти нахлынувших на него страшных воспоминаний. А потом, повернувшись к следователю, все так же горячо сказал:

- По таким, как этот Вольф, веревка плачет, а вы тут с ними на «вы» вежливость разводите. Допросить бы его нам, прошедшим через его руки...

Простим свидетелю минутную вспышку. В такие моменты не думаешь о том, что следователь, потому и занимает этот пост, что даже в самый трудный час руководствуется прежде всего законом, своим служебным долгом, трезвым умом, что для него, следователя, главным является истина, а не эмоции.

Непреложно одно: палачи разоблачены и предстали перед судом народа, судом земли, которую они за похлебку в свое время продали фашистам.

Суд начался. Суд идет. Он, и только он определит меру содеянного каждым из подсудимых и воздаст каждому из троих по заслугам.

Прим*. (сост.) эмдже – дядя по отцу, эмдже-баба – так называли дети пожилого дядю.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 22 июня 1977 года.

* * * * *

№ 32. ПРАВДУ ИМ НЕ СКРЫТЬ

Как уже сообщалось, в Доме культуры Симферопольского консервного завода имени Кирова начался судебный процесс над группой бывших сотрудников фашистского карательного органа - СД: Мамедом Мамутовым, Сентабдуллой Мухтаровым и Артуром Вольфом.

***

...Второй день заседания трибунала Краснознаменного Одесского военного округа пришелся как раз на 22 июня. В тот день, тридцать шесть лет назад, гитлеровцы вероломно напали на нашу Родину. Началась Великая Отечественная война.

Начался долгий, многотрудный путь к победе, путь, отмеченный невосполнимыми горестными потерями лучших сыновей и дочерей народа, озаренный непоколебимой верой в торжество нашего правого дела.

Мы ничего не забыли. Из поколение в поколение мы будем хранить в благодарной памяти имена павших на поле боя солдат, всех тех, кто грудью встал на борьбу с врагом, за право радоваться солнцу, трудиться на свободной земле. Мы гордимся героизмом и мужеством защитников Родины, славим их подвиги. Но негасимый гнев вызывают в нас отщепенцы, предавшие ее в трудный час, переметнувшиеся на сторону врага и служившие ему, участвовавших в кровавых расправах над соотечественниками.

Сегодня названы еще трое презренных изменников. Вот они на скамье подсудимых. Ерзают, изворачиваются, как ползучие гады, которым наступили на голову. Как бы им хотелось сейчас не отвечать на ясные и спокойные вопросы председательствующего - полковника юстиции, Героя Советского Союза Е.Б. Фрадкова, государственного обвинителя - старшего помощника военного прокурора Краснознаменного Одесского военного округа полковника юстиции Н.С. Вершинина, общественных обвинителей. Тем не менее отвечать надо.

- Подсудимый Мухтаров, - обращается председательствующий, - вам приходилось конвоировать заключенных к месту казни?

- Да, - выдавливает из себя каратель. – Как и другим, кто служил в СД.

- Расскажите подробнее о расстреле двенадцати арестованных советских граждан, вывезенных в октябре 1943 года в местность Дубки Симферопольского района.

- Я стоял в оцеплении, чтобы заключенные не убежали.

- Сами не расстреливали?

- Нет.

- Вы были вооружены винтовкой?

- Да.

- А как расстреливали заключенных?

- Сначала одну группу, потом вторую. Кажется, по шесть человек...

- Дальше выясняется, что в расстреле второй группы Мухтаров участвовал лично.

- Шесть заключенных, - признается палач, стояли лицом к яме, а шесть добровольцев у них за спиной.

- Стреляли залпом? - уточняет государственный обвинитель.

- Да.

- С какого расстояния?

- Примерно метров с 4 – 5. Мы выстрелили и люди упали в яму.

- Значит, в тот раз вы лично застрелили одного?

- Да, соглашается Мухтаров. – Потом меня заставили вместе с другими закапывать трупы.

Расстрелы в Дубках, расстрелы в Петровской Балке, на десятом километре Феодосийского шоссе... Везде не обошлось без него, Мухтарова, убийцами с буквами СД на рукаве френча. Он же участвовал в облаве на железнодорожной станции Симферополь в феврале 1944 года, когда в фашистский застенок было брошено пятьдесят человек, пятьдесят ни в чем не повинных людей, обреченных на смерть.

- Почему вы ездили на расстрелы? – задает вопрос государственный обвинитель.

- Людей не хватало в охранной роте, а работы было много, вот и брали...

- А убежать можно было от немцев? Ведь убежал доброволец Сафронов.

- Я боялся...

Дальнейшие показания подтверждают, что он и не думал о том, чтобы избавиться от роли палача, - он был связан с хозяевами крепкой, кровавой нитью.

Ревностным исполнителем приказов гитлеровского начальства был и командир взвода Мамутов.

В январе 1944 года, за три месяца до прихода наших войск, фашисты вывезли 20 заключенных в Дубки. Палачи спешили. Надо было «очистить» тюрьму, располагавшуюся тут же, при штабе СБ, на Студенческой, 12, замести следы своих преступлений. Мамутов как командир расставил свою свору вокруг места казни. Сам поспешил к яме. Доставка заключенных прошла спокойно. Подчиненные не подвели карателя. Теперь узники стояли спиной к нему, гордо поднимая головы. Они в последний раз смотрели на простиравшееся перед ними поле, на небо, такое родное, высокое, синее, вдыхали воздух, наполненный запахами ранней весны.

Залп. И все кончилось. Потом к яме подвели новую группу. Еще залп. В спину. В глаза палачи смотреть боялись. В тот день Мамутов лично застрелил из пистолета не менее пяти человек.

Скрупулезно, объективно, шаг за шагом, руководствуясь законом и только законом, выявляет суд все содеянное изменником и палачом. Петляя, то и дело путаясь во лжи, матерый каратель под неопровержимыми доказательствами вынужден повторить свой «пройденный путь». Вот он сознается, как участвовал в карательных акциях, выезжал в села, где творилась расправа над мирными жителями. Вот, наконец, «вспомнил», как участвовал в убийстве трех партизан, окруженных в доме на Петровской Балке, как совершили палачи налет на покинутую партизанскую землянку, где под брезентом была обнаружена спрятавшаяся девушка, доставленная потом в С.Д.А вот очередной расстрел патриотов, и он, командир взвода Мамутов, добивает во рву раненых.

- Мне было жалко. Мучается человек, я его и дострелил, - невозмутимо говорит он суду, в надежде на то, что его «сердоболие» будет оценено и судьями, и публикой в зале.

Хладнокровный убийца и садист так и проглядывает в каждом его слове. Даже поза, в какой он стоит перед судом, и та настораживает. За тихим голосом, которым лепечет он свои показания, так и слышится командирское рывканье одного из организаторов массовых казней узников фашистского застенка. Он измывался над безоружными людьми, бил прикладом женщину, старика, подталкивая их к страшному рву.

Вольф поначалу прикидывается человеком, которому нечего скрывать. Он, мол, был всего-навсего переводчиком, простым служащим. Череп со скрещенными костями на его пилотке – мол, только эмблема определенного рода войск. Правда, один раз заставили и его стрелять из пистолета на месте казни.

- Это было в январе 1943 года, вспоминает фашистский прихвостень. – Трех заключенных вывели на асстрел под вечер. Я тоже был там. Немец Пантельман сказал мне: «Это партизаны. Их надо застрелить. Настало время

проверить твою преданность рейху... Стреляй». Ну, мне и пришлось стрелять в одного. Потом меня оставили в покое.

И палачу пришлось вспомнить и другие расстрелы, в которых он принимал личное участие. И не только переводил распоряжения начальников, но и сам стрелял. Он сознается, что на его совести есть еще жертвы.

- Вы утверждаете, что с самого начала ничего не утаили, что добросовестно рассказали суду о своей службе в СД, - обращается к Вольфу председательствующий.

- Так точно.

- Нет, Вольф, это не так. Вот анкета, заполненная вами собственноручно сразу после войны. Вы пишете в ней, что с января 1943 года служили переводчиком в Симферопольском земледельческом отделе и занимались заготовкой сельскохозяйственных продуктов и обмундирования для немецкой армии. Выходит, вы лгали?

- Что же вы хотите, - вскидывается каратель, - и дурак бы солгал. Напиши я тогда, что работал в СД, меня бы сразу привлекли к ответу...

Изворачиваются фашистские прислужники. И суду приходится неторопливо, обстоятельно уточнять то один, то другой штрих из кровавой биографии подсудимых.

После их допроса суд приступил к исследованию собранных по делу доказательств. Дают показания потерпевшие. Выясняются детали, о которых сами подсудимые пытались умолчать, сгладить их, приуменьшить.

Л.М. Ефремова дала суду показания о том, в каких нечеловеческих условиях условиях содержались заключенные в охранявшейся подсудимыми тюрьме СД, как после освобождения разыскала она среди расстрелянных в Дубках своего мужа В.К. Ефремова, возглавлявшего подпольную группу на железной дороге.

- Он был застрелен в затылок и на щеке его зияла огромная рваная рана.

Дававший показания свидетель Рустем Асанов, бывший очевидцем расстрела патриотов в Дубках в январе 1944 года, поведал о том, как мужественно, гордо встречали смерть советские люди. Сквозь залпы карателей прорывались возгласы обреченных:

- Да здравствует Родина!

...Суд над карателями продолжается. Идет допрос свидетелей. И, хотя подсудимые, как хамелеоны, то и дело меняют свою окраску, правду о своих кровавых злодеяниях им все равно не скрыть.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 25 июня 1977 года.

*****

№ 33. ФАКТЫ ИЗОБЛИЧАЮТ УБИЙЦ

В Доме культуры Симферопольского завода имени Кирова продолжается судебный процесс над бывшими сотрудниками фашистского карательного органа СД – Мамедом Мамутовым, Сентабдуллой Мухтаровым и Артуром Вольфом.

Зал заполнен до отказа. Люди стоят в проходах. Полил дождь, и те, кто сидел в скверике перед входом, слушая по радиотрансляции ход судебного заседания, тоже зашли в помещение.

Разбирательство дела вновь и вновь возвращает присутствующих в прошлое, в трагические дни фашистской оккупации, которым очень многим пришлось пережить, испытать на себе. Помимо молодежи, в зале немало тех, у кого гитлеровские палачи навсегда отняли сына, дочь, мужа, близких.

В начале третьего дня заседания трибунала бывший каратель Вольф подал письменное заявление, в котором сообщил, что он решил рассказать суду всю правду.

- Я признаюсь во всех предъявленных мне обвинениях в преступлениях, в расстрелах патриотов; не отрицаю, что сам стрелял людей, за исключением того времени, когда в августе 1943 года ездил в месячный отпуск в Чехословакию к тетке, - подтвердил он устно то, что написал в заявлении.

Суд предлагает карателю подробнее рассказать во всеуслышание о его действиях в СД. И тогда снова начинаются увертки, общие слова, которые, как вуаль, прикрывают жестокую, страшную для палачей правду. И вновь то председательствующему, то государственному обвинителю приходится поднимать свидетелей, обращаться к документам пятнадцатитомного дела.

Дает показания свидетель Куртметмет Юсупов. В годы оккупации он служил в добровольческом батальоне. Отбыл наказание и теперь помогает Вольфу «вспомнить» эпизод убийства одного патриота.

...Узников везли на расстрел. Молодой парень, фамилию которого никто из подсудимых не помнит, по дороге к месту казни сумел освободить от проволоки руки. Обреченный насмерть, он надеялся в пути выпрыгнуть из машины и бежать. Один из конвоиров заметил это и ударил его прикладом по голове. Тут и вмешался Вольф.

- Он вынул из кобуры пистолет и застрелил парня прямо в кузове, - говорит свидетель.

В ходе судебного заседания в истинном свете предстала наконец и карательная экспедиция фашистов в село Баксан в декабре 1943 года (ныне Межгорье Белогорского района), в которой активное участие принимали подсудимые Мамутов, Вольф и Мухтаров. Поначалу эту экспедицию все они рисовали как обычную облаву на партизан. Фактически же это была кровавая расправа с мирными жителями, с беззащитными людьми.

Фашисты пронюхали, что неподалеку от села скрываются женщины, дети, старики, родные которых ушли в партизаны.

Село и его окрестность были оцеплены гитлеровцами и добровольческим батальоном СД. Начала бить артиллерия. Самолеты сбрасывали бомбы. Строчили пулеметы и автоматы.

- Сколько человек в тот раз было убито? – спрашивает у Вольфа председательствующий.

- Точно не знаю. Очень много.

- И женщины были?

- Женщины, дети и старики.

- Что делали с живыми?

- Сначала их допрашивали следователи СД. Допрос проводился неполный. Уточнялись лишь фамилия, имя, возраст, место рождения. После этого арестованных отправляли прямо в лагерь на территории совхоза «Красный».

- Вы лично участвовали в допросе?

- Да. Следователь Кайнерт задавал вопросы, а я переводил.

- Мамутов и Мухтаров тоже участвовали в этой расправе с семьями партизан?

- Да. Там были все добровольцы из охранной роты СД. Я припоминаю, что встретил там Мамутова. Он был вместе с Беяловым и еще с кем-то. Они смеялись, говорили, что в ущелье нашли несколько сот раненых партизан и всех джо одного перестреляли...

- Какая участь постигла потом доставленных в лагерь?

- Они были все уничтожены, говорит каратель Вольф.

- Мамутов, вы согласны с показанием Вольфа? – спрашивает председательствующий. – Вы не отрицаете, что вместе с другими добровольцами охранной роты Д добивали раненых партизан? Было это или нет? Вы были в Баксане?

- Был. – Потом многосекундная пауза. Но я не помню...

- - Мамутов, - обращается к подсудимому председательствующий, - посмотрите сюда. Такой проволокой скручивали руки узников, обреченных на смерть?

- Да, такой, - отвечает каратель.

- Вы знаете, откуда взята эта проволока?

- Нет.

- Из ям в Дубках, где производились расстрелы советских патриотов. Она снята с рук убитых...

Очень не хочется ему, Мамутову, ворошить прошлое. Если бы можно было сейчас исчезнуть из этого зала, раствориться, растаять. Но чудес не бывает. И приходится командиру взвода Мамеду Мамутову уточнять детали расстрела узников на десятом километре Феодосийского шоссе в декабре 1943 года. Сейчас об этом рассказывает свидетель Якуб Гафаров. Это же подтвердил Рустам Асанов. Мамутову приходится признаваться, что он не только стаскивал жертвы с машин, толкал их к страшному рву, но и лично застрелил тогда не менее пяти человек...

...Бывшая переводчица СД Агнесса Винс-Даниленко незнакома с подсудимыми. Она слышала фамилию «Вольф», но лично встречаться тогда не пришлось. Свидетельница была знакома с переводчицей Матчанбаевой, которая вела картотеку узников, подлежащих «особой обработке», то есть физическому уничтожению. Винс-Даниленко подтверждает, что расстрелы производились в специальные дни. В это время менялся режим охраны тюрьмы, не разрешалось находиться во дворе.

- Из окна я видела, как «грузят» на машины людей со скрученными руками. Потом машины возвращались пустыми.

- Как проходили допросы этих людей? - спрашивает председательствующий.

- Лично мне не приходилось видеть этого. Я переводил допросы уголовников. Но Матчанбаева рассказывала, что на допросах жестоко бьют заключенных. Да и сама я не раз слышала крики истязаемых. Кормили людей ужасно, можно сказать, просто помоями, а не супом...

Свидетель Яков Сапотенко, работавший а гараже тюрьмы на Студенческой, 12 автослесарем, подтверждает эти показания. Он тоже говорит, что на расстрелы узников увозили каждую неделю.

- Заключенных вам приходилось видеть? – спрашивает государственный обвинитель.

- Да. Видел. В основном мужчин и женщин. Избитые, изможденные, голодные.

- Детей тоже видели?

- Да. И детей тоже...

- Кто их сопровождал на расстрелы?

- Охранники, добровольцы СД...

Бывший шофер СД Павел Пранопуло подтверждает, что Мамутова знает лично. Служил Мамутов исправно.

- Я обычно возил на своей машине дрова. Но однажды в срочном порядке добровольцы и немцы должны были выехать на Петровскую Балку. Других машин в гараже не было, и мне приказали садиться за руль. Там окружили дом, в котором засели трое партизан. Они отстреливались. Ранили немецкого офицера в живот. Я хорошо это помню, поскольку сам и отвозил его в лазарет. Когда вернулся назад, все уже закончилось. Партизаны были убиты.

- Мамутов тоже был в числе карателей?

- Да. Я видел это сам.

- А на расстрелы вам приходилось вывозить людей на своей машине?

- Нет.

- А в лагерь на территории совхоза «Красный»?

- Один раз отвозил.

- Откуда?

- Из леса. Тогда машины СД были заняты. И все добровольцы участвовали в экспедиции.

О бесчеловечных условиях содержания узников в тюрьме СД рассказал суду свидетель Бронислав Болотов. Ему шел шестнадцатый год, когда его арестовали. Он сам видел страшно избитых людей, до того обессиленных от голода, и побоев, что на коротких прогулках в тюремном дворе они еле передвигались, держась за стенки. Видел он, как после очередного массового вывоза узников на расстрел во дворе тюрьмы были свалены кучи обуви и одежды и в них копались каратели, отбирая себе снятые с заключенных вещи.

Свидетель Александр Павлович Абросимов подтвердил суду, что из тюрьмы СД все его родственники, арестованные незадолго до прихода Советской Армии по подозрению в связях с партизанами, в том числе и сестра Светлана Дзевицкая, которой тогда было шестнадцать лет, были вывезены карателями в Дубки и расстреляны.

- Мы всех их обнаружили во рву на второй или третий день после освобождения Симферополя. Все они были убиты выстрелом в затылок.

У свидетельницы Антонины Андреевны Анисимовой палачи убили двух братьев – двенадцатилетнего Валентина и шестнадцатилетнего Анатолия. Свидетельница Вера Васильевна Жукова нашла там же, в Дубках, расстрелянную сестру Надежду Васильевну.

В ходе судебного процесса выяснились новые обстоятельства ареста и героической гибели некоторых подпольщиков. Так, например, теперь точно

установлено, как погиб комсомолец Борис Хохлов. Патриота допрашивали самые матерые следователи СД – Пантельман и Ульмат. Они истязали его, долго пытали, но он ничего не сказал палачам. Свой смертный час он встретил как подобает герою.

Суд продолжается.

**Г. СОКОЛОВ,
наш спецкор.**

Газета «Крымская правда» от 29 июня 1977 года.

*****

№ 34. СПРАВЕДЛИВОЕ ВОЗМЕЗДИЕ

Несколько дней в областном центре продолжался судебный процесс над изменниками Родины – бывшими сотрудниками фашистского карательного органа СД – М. Мамутовым, А. Вольфом, С. Мухтаровым. Пока шло заседание, зал Дома культуры Симферопольского завода имени Кирова переполнен. Родные и близкие замученных палачами, бывшие участники партизанского движения и подпольщики, представители общественности с неослабным вниманием следили за ходом процесс, вновь и вновь поражались, какие чудовищные преступления совершали эти и им подобные фашистские приспешники.

Ход судебного разбирательства, демонстрация документального фильма воскресили в памяти как общую картину, так и отдельные эпизоды фашистского кошмара на Крымской земле в 1941-1944 годах.

Выступает последний из свидетелей, вызванный на заседание военного трибунала, - Керменчикли*. Сдержанно, боясь произнести лишнее, он все же вынужден приоткрыть завесу и рассказать о деятельности так называемого «Мусульманского комитета», в котором он играл не последнюю роль, был одним из его руководителей.

В конце сорок первого года в лагерь, где он находился в числе других военнопленных, прибыли представители этого комитета и освободили его.

Догадаться нетрудно, почему ему так легко удалось уйти из-за колючей проволоки.

- Какие обязанности вы выполняли? – спрашивают его.

- Заведовал отделом по борьбе с бандитизмом.

- То есть?

- С партизанами.

- Позже вы стали заместителем председателя, ваши функции расширились...

- Занимался вербовкой добровольцев.

- Для фашистской армии?

- Выходит так.

- Занимались антисоветской агитацией?

- Верно, было это...

- Подсудимые говорят, что попали в добровольческий отряд под воздействием «Мусульманского комитета».

- Возможно...

- Кто руководил комитетом?

- СД...

- Какие главные требования предъявляли гитлеровцы к вашему комитету?

- Оказывать всемерную помощь оккупантам. По заданию германского бюро пропаганды занимались массовой обработкой населения в антисоветском, профашистском духе.

Ему, Керменчикли, эта «работа» хорошо знакома, за нее он в свое время понес заслуженное наказание.

Документы свидетельствуют, что в ноябре 1941 года при содействии фашистских разведывательных и контрразведывательных органов, отдела пропаганды германских вооруженных сил, а также находившихся до войны за границей остатков разгромленных в годы Советской власти татарских буржуазных националистов был создан так называемый «Мусульманский комитет»**, который ставил своей задачей всемерную помощь оккупантам. Представители его разъезжали по селам, а также по лагерям военнопленных, вербуя добровольцев для службы в воинских формированиях гитлеровской Германии. По свидетельству начальника СД генерала Олендорфа, отмечавшего активную деятельность «Мусульманского комитета», с его помощью из числа изменников Родины, подобных Мамутову и Мухтарову, удалось сформировать 10 добровольческих татарских карательных батальонов и 14 рот такого же назначения. Из их же числа была создана и отдельная охранная рота при СД.

В ходе заседания военного трибунала уже рассказывалось о злодеяниях фашистских холуев. Командир взвода М. Мамутов, переводчик А. Вольф, рядовой С. Мухтаров ревностно служили оккупантам, принимали непосредственное участие в массовом уничтожении советских людей, в карательных операциях против партизан и мирных жителей. На их совести не одна кровавая расправа над советскими патриотами, и каждому предъявлен особый счет.

Мамед Мамутов лично руководил подчиненными ему добровольцами, когда производились массовые расстрелы в Дубках, у противотанкового рва на десятом километре Феодосийского шоссе, в Петровской Балке. Он выезжал на облаву против партизан в села Изобильное близ Алушты, Межгорье Белогорского района, в другие районы, а также участвовал в операции, когда в Симферопольском театре были задержаны и доставлены в СД пять человек, заподозренных в патриотической деятельности. А чего стоят «мертвые

зоны» - партизанские районы, населенные пункты которых были разграблены и сожжены дотла, а жители отправлены в тюрьму...

Как и его брат-каратель, он рассчитывал на победу гитлеровцев и изо всех сил старался, выполняя кровавую работу палача. Отличался от других изменников-добровольцев наибольшей жестокостью, в награду за преданность получал чины и привилегии.

Боясь ответственности за совершенные преступления, Мамутов 10 апреля 1944 года в составе добровольческой охранной роты СД бежал за границу, где служил в фашистской армии, продолжая тем самым совершать преступления.

Полностью было раскрыто и обличье Артура Вольфа, который добровольно поступил в качестве переводчика в СД и ревностно выполнял свои обязанности, при допросах лично истязал узников, применяя изуверские пытки, непосредственно участвовал в семи массовых расстрелах. В газете уже приводился факт, когда Вольф по дороге к месту казни в кузове машины застрелил одного из патриотов, заподозрив его в попытке к бегству.

В ходе процесса стало известно о его причастности к гибели руководительницы подпольной организации учительницы А.А. Волошиновой, а также руководителя патриотической диверсионной группы на станции Симферополь В.К. Ефремова, в допросах которых он участвовал. Они были расстреляны в Дубках. В самый канун освобождения Симферополя – 9 апреля 1944 года – Вольф в числе других добровольцев конвоировал группу узников к месту казни в Дубки – и из карабина расстрелял несколько человек.

Сентабдулла Мухтаров служил рядовым добровольцем в 147-м и 148-м татарских батальонах, а затем был переведен в охранную роту СД. Как и другие изменники, присягнул на верность фашистской Германии, прошел специальную подготовку, носил форму немецкого солдата. Он также усердно исполнял приказы нацистов, постоянно нес охрану заключенных в тюрьме СД, конвоировал советских патриотов на допросы, с оружием в руках стоял в оцеплении на месте расстрела обреченных. В октябре 1943 года Мухтаров лично убил одного из заключенных, а затем вместе с другими добровольцами закапывал трупы.

В речи прокурора полковника юстиции Н.С. Вершинина, в выступлениях общественных обвинителей И.И. Литовченко и Г.С. Прокопенко шаг за шагом был прослежен черный путь предателей.

Как клятва, как призыв к бдительности прозвучали слова участника войны, которые процитировал государственный обвинитель. В мае 1944 года в газете «Красный Крым» он писал: «Мы никогда не забудем и не простим врагу Симферопольских Дубков, не забудем наполненного людьми противотанкового рва в пригороде Симферополя!»

Не забудем, не простим...

Многие из сидящих в зале – родные и близкие загубленных этими и им подобными выродками. И потому с напряжением вслушиваются в каждое слово. С горячим одобрением встречается предложение прокурора о применении смертной казни Мамутову и Вольфу.

Выступают защитники. Затем слово дается подсудимым.

М. Мамутов. Жалкое бормотание: «Я совершил преступление... Прошу за мною вину простить...»

А. Вольф: «Прошедший процесс раскрыл весь ужас... Прошу учесть мое раскаяние и наказать крайне нестрого...»

С. Мухтаров: «Это отец мне сказал – «Мусульманский комитет» требует, иди служи...»

Последний день заседания военного трибунала. За столом – председательствующий полковник юстиции, Герой Советского Союза Е.Б. Фрадков, народные заседатели – майоры А.С. Волянский и В.П. Ездун.

Занимают свои места государственный обвинитель – старший помощник военного прокурора Краснознаменного Одесского военного округа полковник юстиции Н.С. Вершинин, общественные обвинители – работник станции Симферополь Приднепровской железной дороги И.И. Литовченко, старший преподаватель Симферопольского госуниверситета Г.С. Прокопенко, а также

осуществлявшие защиту члены Симферопольской коллегии адвокатов В.С. Докучаев, И.С. Иванисов, Н.А. Каликанов.

Звучат слова:

- Встать! Суд идет!

Председательствующий Е.Б. Фрадков зачитывает приговор. В нем подробно излагаются преступления каждого подсудимого. Военный трибунал Краснознаменного Одесского военного округа признал всех подсудимых виновными в совершенных злодеяниях и приговорил: Мамеда Мамутова и Артура Вольфа – к смертной казни; Сентабдуллу Мухтарова – к 12 годам лишения свободы в ИТК строгого режима с конфискацией имущества.

Присутствовавшие в зале с большим одобрением встретили приговор.

Е. ПЕРВОМАЙСКАЯ

Газета «Крымская правда» от 3 июля 1977 года.

*****

№ 35. ПРИЛОЖЕНИЕ № 6.

Отчет об агентурно-оперативной и следственной работе УНКГБ Крыма за время Отечественной войны (извлечения)

(50 об.) «Местные националистические круги в Крыму... стремились создать мусульманский комитет с центральным руководством в гор. Симферополе, подчинив ему все мусульманские периферии(51), в связи с чем один из видных буржуазных националистов татар Амет ОЗЕНБАШЛЫ выработал меморандум на имя немецкого командования, посланный лично на имя Гитлера, в котором выдвинул следующие вопросы:

1. Создать самостоятельное татарское национальное государство под протекторатом Германии, для чего:

а) возвратить всех татар эмигрировавших за пределы Крыма (в Турцию, Польшу, Румынию и т.д.);

б) изгнать из Крыма все национальности (русских, украинцев, болгар, цыган и др.);

2. Создать национальную татарскую армию, из добровольческих частей и мобилизовать в нее мужчин-татар.

3. Создать свой государственный аппарат «ЛИВАН», во главе которого поставить бежавшего из Крыма политбандита Джафар СЕЙДАМЕТОВА (Джафар СЕЙДАМЕТ до последнего времени находился в Турции).

4. Германское государство должно открыть двери своих учебных заведений для воспитания и образования татарской молодежи. Наряду с этим открыть свою национальную школу с отделением эстетических знаний, укомплектовав педагогический состав только по указанию германского государства.

5. Государственный строй должен полностью соответствовать германскому государству. Государственные порядки должны быть построены на основе национал-фашистского устава Германии, соблюдая полностью частную собственность.

6. Германия должна послать своих представителей в Крым для урегулирования спорных вопросов и постоянного руководства.

Немецкое командование отклонило изложенные требования, в связи с чем были созданы самостоятельные «мусульманские комитеты» в городах, районах и отдельных населенных пунктах Крыма, с непосредственным подчинением на местах немецким разведывательным органам «СД», «СС», «АБВЕРГРУПП», которые руководили всей их работой.

В дальнейшем летом 1943 года немецким командованием было разрешено провести централизацию только религиозных отделов «мусульманских комитетов», с централизованным руководящим аппаратом в гор. Симферополе, после чего они выделились в самостоятельный отдел-рецендент»...

(От составителя: среди 15-ти наиболее видных деятелей мусульманских комитетов, перечисленных в данном отчете, первый заместитель председателя Симферопольского мусульманского комитета Ильми КЕРМЕНЧИКЛЫ занимает четвертое место. Первыми перед ним в списке указаны: Амет ОЗЕНБАШЛЫ – «литератор и философ, автор меморандума с требованием установления в Крыму государственного строя на основе фашистской программы»; Абляким Ильми АРИФ-ЗАДЕ – «татарский националист»; Тасин ДЖЕМИЛЕВ – «член комитета и заведующий по укомплектованию добровольческих отрядов»).

(52) «Перед «мусульманскими комитетами» официально были поставлены следующие задачи:

1. подбор кадров для германской разведки, а также создание своей агентурно-осведомительной сети, при отделах борьбы с «бандитизмом» (партизанами) мусульманских комитетов.

2. создание добровольческих батальонов для борьбы с партизанами, а также организация отрядов самообороны.

3. вербовка добровольцев из числа крымских татар в германскую армию.

4. проведение агитации за создание национального татарского государства под протекторатом Германии и профашистской пропаганды, направленной на усиление мощи германской армии.

5. открытие мечетей и подготовка духовенства.

6. подготовка кадров переводчиков из татарского населения.

7. сбор средств для оказания помощи семьям добровольцев в германской армии.

8. организация торговой сети, а также ресторанов, заезжих дворов и т.д., для татарского населения и германской армии.

Выполнение вышеуказанных задач строго контролировалось немецкими разведывательными органами. О том, что «мусульманские комитеты» были не только подчинены им, но и подотчетны в своей работе, особенно отделы по борьбе с «бандитизмом», непосредственно занимавшиеся агентурной работой в пользу немцев и фактически являвшиеся ответвлением германской разведки, дал показания арестованный нами руководитель отдела Карасубазарского «мусульманского комитета» СЕРЛИЕВ Абдурахман:

...«Мне вменялось в обязанность создавать агентурно-осведомительную сеть на преданных татарскому национальному движению лиц, собирать данные о лицах патристически настроенных по отношению к России, выявлять коммунистов, комсомольцев, ответственных партийных и советских работников и их семьи, лиц, связанных с партизанами, а также всех ведущих работу против германской армии и вновь созданных оккупационных властей».

... «Я еженедельно должен отправлять в Симферополь сводки о проделанной мною разведывательной работе. Мне не поручалось устанавливать связь с отделением «СД» в Карасубазаре (52 об.) и направлять туда донесения, требовавшие принятия мер».

... «Никто не имел права спросить у меня фамилии лиц, оказывающих содействие германской разведке. Лишь один председатель комитета мог потребовать от меня цифровые данные о количестве лиц, выявленных мною, как врагов «нового порядка» и количестве приобретенной агентуры».

Весьма характерна оценка данная «мусульманским комитетам» одним из его руководителей КАРАБАШОМ Абдулой, который заявил... «Мы как члены мусульманского комитета вместо того, чтобы быть политическими руководителями комитетов, превращены в агентов, а комитеты стали отделами «СД»...

(53) «Значительная помощь «мусульманскими комитетами» была оказана оккупационным властям в деле вербовки добровольцев-татар в немецкую армию, и в карательные батальоны для борьбы с партизанами. Так, еще в декабре 1941 года группа татарских националистов – ИЛЬЯСОВ Абдурешит, Ильми КЕРМЕНЧИКЛЫ, ДЖЕМИЛЕВ Абдурешит, ЭМИР-УСЕИН Аджиев,

ШПАК-САДЫК и другие в письме к Гитлеру от имени татарского населения Крыма ходатайствовали о том, чтобы:

... «Гитлер разрешил татарам вступать в ряды германской армии для борьбы с большевиками»...

ВРИД НАЧАЛЬНИКА УНКГБ КРЫМСКОЙ ОБЛАСТИ

полковник
(ХОДЖАЕВ)

«_____» августа 1945 года.
гор. Симферополь.

Архив Управления Службы Безопасности Украины в Автономной Республике Крым АУСБУ (Крым). Ф. 1. Д. 42. Обзор оперативно-следственной работы УНКГБ Крымской АССР за время 22.06.1941-09.06.1945 годов. URL: <http://avr.org.ua/index.php/viewDoc/24631/>

СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА ПУБЛИКАЦИЙ

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ				1
СОДЕРЖАНИЕ ПУБЛИКАЦИЙ В ГАЗЕТЕ «КРЫМСКАЯ ПРАВДА»				
№ п/п	Дата газеты	Название статьи	Автор публикации	
Раздел I. Публикации в газете «Крымская правда» и в других периодических изданиях 1970 года по вновь выявленным фактам военных преступлений немецко-румынских оккупантов и их местных пособников, служивших в 147-м и 152-м добровольческих татарских батальонах вспомогательной полиции порядка - SCHUTZMANNSCHAFT DER ORDUNGSPOLIZEI или «SCHUMA» (SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 147 (KRIM-TATAREN), SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN) , как предыстория Симферопольских судебных процессов 1972, 1974 и 1977 годов.				6
1.	26.12.1970	Фашистских палачей – к ответу!	Г. Соколов, Б. Ягупов	7
2.	27.12.1970	Нет прощенья убийцам!	Г. Соколов	13
Приложение № 1. Публикация в газете «Правда Украины».				
3.	27.12.1970	Пепел погибших стучит в сердце.	Д. Герасимов, Э. Логвин	20
Приложение № 2. Публикация в газете «Известия» (Москва).				
4.	27.12.1970	Убийц к ответу!	Без указания автора	24
Раздел II. Публикации в газете «Крымская правда» 1971 года по вновь выявленным фактам военных преступлений немецко-румынских оккупантов и их местных пособников, служивших оккупантам в 152-м добровольческом татарском батальоне вспомогательной полиции порядка - SCHUTZMANNSCHAFT DER ORDUNGSPOLIZEI или «SCHUMA» (SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN), как предыстория Симферопольских судебных процессов 1972, 1974 и 1977 годов.				26
5.	20.02.1971	Тысяча четыреста семьдесят три...	Г. Соколов	27
6.	11.12.1971	И горечь, и гнев наши.	Г. Соколов	30
Раздел III. Симферопольский судебный процесс 1972 года				34

над группой карателей – изменников Родины, находившихся в годы Великой Отечественной войны на службе у гитлеровских оккупантов в 152-м татарском добровольческом батальоне «СД» (SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN) в освещении газеты «Крымская правда».				
7.	30.05.1972	Встать! Суд идет.	Г. Соколов	35
8.	01.06.1972	Нет пощады предателям.	Е. Первомайская	38
9.	03.06.1972	Шакалы.	Г. Соколов	41
10.	04.06.1972	Припертые к стенке.	Г. Соколов	45
11.	07.06.1972	Позор и проклятие палачам.	Е. Первомайская	47
12.	09.06.1972	Простить нельзя.	А. Загоров	50
13.	10.06.1972	Когда кровоточит сердце.	Г. Соколов	52
14.	14.06.1972	Адская кухня убийств.	Г. Соколов	55
15.	17.06.1972	Почта трибунала.	А. Старолысов, Е. Первомайская	58
16.	18.06.1972	Перед лицом истории.	М. Глушко	61
17.	21.06.1972	Факты обличают.	Г. Соколов	65
18.	24.06.1972	Час расплаты настал.	Х. Чусси	68
19.	25.06.1972	И оживает прошлое.	Г. Соколов	70
20.	28.06.1972	Судит народ.	Без указания автора	74
21.	01.07.1972	Последние показания.	Г. Соколов	78
22.	12.07.1972	Приговор палачам вынесен.	Г. Соколов	82
Приложение № 3. Публикация в газете «Правда».				
23.	12.07.1972	Возмездие.	Сообщение ТАСС	84
24.	Приложение № 4. Спецсообщение председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука ЦК КПУ о реакции жителей Крымской области на судебный процесс над крымскими татарами, которые в годы Второй мировой войны служили в 152-м татарском добровольческом батальоне от 23.06.1972 г.			85
25.	Приложение № 5. Докладная записка Председателя КГБ при СМ УССР В. Федорчука первому секретарю ЦК КПУ В. Щербицкому о мероприятиях по нейтрализации крымскотатарского национального движения в Украине от 22.02.1973 г. (ИЗВЛЕЧЕНИЯ).			87
Раздел IV. Симферопольский судебный процесс 1974 года над группой карателей – изменников Родины, находившихся в годы Великой Отечественной войны на службе у гитлеровских оккупантов в 152-м татарском добровольческом батальоне «СД» (SCHUTZMANNSCHAFT-BATAILLONE № 152 (KRIM-TATAREN) в освещении газеты «Крымская правда».				89

26.	13.11.1974	Расплата.	Г. Соколов	90
27.	17.11.1974	Убийцы – крупным планом.	Г. Соколов	92
28.	20.11.1974	Изобличение.	Г. Соколов	97
29.	24.11.1974	Последние показания.	Г. Соколов	102
30.	29.11.1974	Именем народа...	Г. Соколов	105
Раздел V. Симферопольский судебный процесс 1977 года над карателями – изменниками Родины, бывшими сотруд- никами фашистского карательного органа СД, находившегося в г. Симферополе, в освещении газеты «Крымская правда».				110
31.	22.06.1977	Палачи перед судом народа.	Г. Соколов	111
32.	25.06.1977	Правду им не скрыть.	Г. Соколов	117
33.	29.06.1977	Факты изобличают убийц.	Г. Соколов	122
34.	03.07.1977	Справедливое возмездие.	Е. Первомайская	128
35.	Приложение № 6. Отчет об агентурно-оперативной и следственной работе УНКГБ Крыма за время Отечественной войны (ИЗВЛЕЧЕНИЯ).			133
СОДЕРЖАНИЕ СБОРНИКА ПУБЛИКАЦИЙ				138

